

ПИОНЕР

АВГУСТ 8

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1963 г.

— Пусть торжествуют на земле мир и справедливость! Пусть будут счастливы дети! — так сказали мамы всех стран, приехавшие нынешним летом в Москву на Всемирный конгресс женщин.

На верхнем снимке вы видите делегаток конгресса в Кремле, а внизу — московских ребят, которые их приветствуют.

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

Чтобы все стали лучшими!

В пионерском лагере «Артек» собрались ребята — победители Всесоюзного соревнования на лучший пионерский отряд. Сюда приехали те, кто лучше всех умеет дружить, кто самый трудолюбивый, кто хорошо учится.

Каждый привез с собой что-то интересное. Один — хороший опыт работы в зоне пионерского действия, другой — рассказ об отряде красных следопытов, третий — сообщение о тимуровских делах. Артек — это всесоюзная копилка пионерского опыта. Но копилка волшебная: она открыта для всех, и чем больше из нее берут, тем богаче она становится.

Старайтесь побольше взять из этой копилки, ребята! Ведь в будущем году надо сделать так, чтоб не только ваш отряд хорошо работал, а все отряды дружины.

Помните девиз нашего соревнования:

Имя Ленина — в сердце
каждом,
Верность партии делом
докажем.

АВГУСТ • 1963 • 8
ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА"

Северок

В письме, полученном из города Норильска, Енисейской области, ребята пишут автору этих стихов, что город, в котором они живут, «красивый и сильный», что всю долгую зиму они купались в местном бассейне и с удовольствием смотрели детские телепередачи, которые ведет их любимец Северок. А кто такой Северок, читатели узнают, прочитав стихи.

Автор использовал в стихах то, что писали ему норильские ребята, а кое-что присочинил.

С. МАРШАК

Рисунки А. Брея.

Северок,
Северок.
Кто же это Северок?
Может, это ветерок?
Или, может быть, зверок
Северного края,
Вроде горностая?

Северок,
Северок...
Погодите, дайте срок —
Вам понятно станет,
Кто же это Северок
Да и чем он занят.

Увидеть можно Северка
В Норильске на экране,
И очень любят земляка,
Весельчака и остряка,
Ребята-северяне.

Он в телестудии живет,
Программу детскую ведет.
И если быстрый говорок
Услышишь утром рано,
То это значит — Северок
Зовет тебя с экрана.

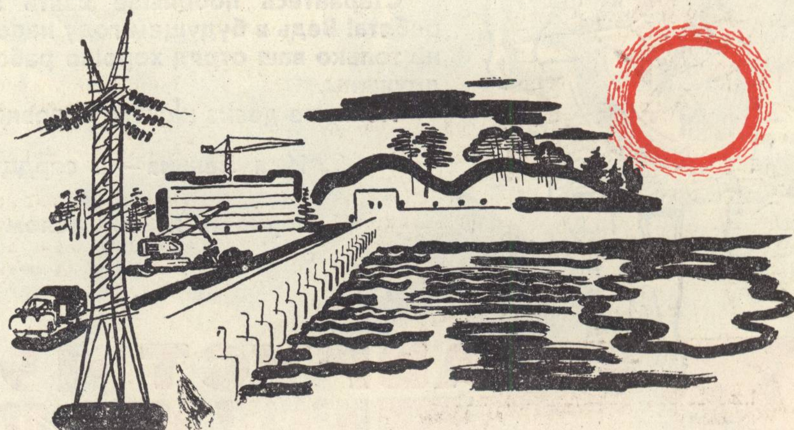
Он нам расскажет про Сибирь,
Где столько вольных рек
Запряг великий богатырь —
Рабочий человек.

А загороженный поток
Дает станкам электроток
И ярко светится в домах,
Где зимовал народ впотьмах.

Необходим электроток,
Как знаете вы сами,
Чтоб на экране Северок
Явился перед вами.

Немало добрых, теплых строк
В день получает Северок.
А из какого-то села
(А может, городка)
Посылка ценная пришла
На имя Северка.

Но, к сожаленью, Северок
За ней отправиться не мог,
Он не выходит за порог
Ни сам, ни с провожатым.
И, значит, нужно поручить
Его посылку получить
Товарищам-ребятам.

На почту вместо Северка
Пошли два бойких паренька,

Нашли окошко в тесноте,—
Где выдача посылок,—
И стали рядышком в хвосте
Последнему в затылок.

Когда их очередь пришла,
Взглянув на них из-за стола,
Проговорила тетя:
— Мы вам не выдадим, пока
Вы документы Северка
Сюда не принесете!

— Но паспортов у кукол нет! —
Сказали мальчики в ответ.

— Да разве кукла — Северок!
— Так точно! — молвил паренек.

— Но что же вы вначале
Об этом умолчали!..

И тут раздался дружный смех:
Смеялись дети громче всех,
Смеялись те, что в зале
Посылки получали,
И тот, кто рядом ждал письма,
И тетя строгая сама
Смеялась чуть ли не до слез.
Потом, слегка припудрив нос,
Взяла посылку со стола
И пионерам отдала.

Ребята расписались
И с тетей распрощались.

Отлично знает Северок,
Кто плохо выучил урок,
Кто спал за партой, как сурок,
И кто работал честно,—
Все Северку известно!

Идет молва, что Северок
К себе скликает всех сорок,
И все сороки вместе
Ему приносят вести,
Приносят вести на хвостах
Про все, что слышат на местах.

Так, на хвосте он прочитал,
Что Мишка на диктовке
Страницу целую скатал
У двоечника Вовки.

И, значит, Вовка виноват,
Что в Мишкиной диктовке
Ошибок ровно пятьдесят.
(И столько же у Вовки!)

Таких в Норильске меньшинство.
Там двоечники редки.
Не будет их ни одного
К исходу семилетки.

И если справился народ
С упрямым Енисеем,
Наверно, лень за этот год
Мы тоже одолеем!

В союзе с Аристотелем

Г. МИХАСЕНКО

Рисунки П. Саркисяна.

ГЛАВЫ ИЗ ПОВЕСТИ

У вас, ребята, появился новый большой друг. Это сибирский писатель Геннадий Михасенко. Может быть, многие из вас познакомились с ним, прочитав его книгу «Кандаурские мальчишки».

Геннадий Михасенко — участник IV Всесоюзного совещания молодых писателей.

С этого номера мы начинаем публиковать главы из его новой повести «В союзе с Аристотелем». Действие происходит на отдаленной окраине сибирского города, еще сохранившей некоторые черты старого быта.

ЛЕТАЮЩАЯ КАЛОША

Погода начала портиться. Небо заволокло сплошными серыми облаками, которые вскоре потемнели, пошел дождь. Переваловская почва превратилась в кисель, местами непролазный.

Теперь Юрка с Валеркой ходили в школу не по своей улице, а огородами перебирались на соседнюю, куда в половодье вода не докатывалась и где поэтому не было ила. Валерка носил ботинки с калошами, Юрка надевал сапоги.

Галина Владимировна сделала перекличку и озабоченно проговорила:

— Опять Поршенниковой нету! То хоть по субботам, а тут третий день подряд. Что с ней?

— Она на уколы ходила.

— Я знаю, Валера... Никто ее, ребята, не видел в эти дни?

Нет, оказалось, никто не видел.

— Да-а... Нужно узнать, что с Катей.

— Может, из-за грязи,— подсказал Фомка Лукин.

— Может, но едва ли... Она у нас слабенькая, а вы, я вижу, особенно мальчики, относитесь к ней холодновато, а то и просто грубо. Ей живется труднее, чем многим из вас: у нее нет отца... Так что давайте внимательнее относиться друг к другу... Нужно сходить к Поршенниковым, узнать, что с Катей. Лучше тому, кто ближе.

— Я живу близко,— сказал Валерка.— Я и Гайворонский.

— Вот, я прошу, узнайте, что с ней.

Валерка кивнул и медленно, скользя по спинке парты, опустился на сиденье.

— Только обязательно.— Галина Владимировна захлопнула журнал, велела раскрыть тетради и пошла между партами, просматривая домашнее задание. Когда учительница миновала Юрку, он дернул Валерку за плечо.

— Кто тебя просил высказываться?

— А чего?

— Ничего. Нужна мне эта Паршивенькая! Она в школу не ходит, а я ходи к ней, узнавай.

— А может, она болеет? Может, уколы не помогли?

— Может, может... А может, здоровая?

— Подумаешь, разворчался! Не хочешь — не надо. Я один схожу.

— Ну и иди.

— Ну и пойду.

— В чем дело, Теренин? — спросила Галина Владимировна.— Чего это вы расшумелись?

— Спросите у Гайворонского,— ответил Валерка, чуть приподнявшись, с опущенной головой.

— Юра, о чем спор?

— Спросите у Теренина.

— Ну вот что, друзья, все вопросы решите на перемене, а сейчас урок.

Юрка разозлился на Валерку, Валерка — на Юрку. Но Юрка злился сильнее, злость даже мешала ему понять то, что объясняла учительница. Ему вдруг захотелось чем-нибудь досадить Валерке — так он разозлился. Юрка вспомнил, что сегодня Валерка забыл дома мешочек для калош и, чтобы они не потерялись в гардеробе, принес их в класс. Юрка решил стащить одну калошу — пусть поищет. Уловив момент, когда Галина Владимировна отвернулась к доске, он тихонько нырнул под парту, дотянулся до Валеркиной калоши и осторожно передвинул ее к себе, потом уселся как ни в чем не бывало, погрозив пальцем Наташе — девочке, сидевшей рядом. И сразу же Юрке стало весело. Неожиданно явилось желание вытворить какой-нибудь номер с этой калошей, подбросить, например, ее вверх и снова поймать. Юрка действовал, как автомат, у которого только кнопку «пуск» нажмешь — и уже не остановишь. Он нагнулся, схватил калошу и, убедившись, что учительница стоит спиной к классу, размахнулся. Но бросать было неудобно, и, вместо того, чтоб взлететь вверх, как хотел Юрка, калоша стремительно описала дугу и шлепнулась на заднюю парту, к Фомке Лукину. Она задела чернильницу, наполненную до краев, стукнулась о стену и отскочила под парту. Чернильница куда-то улетела, веером рассыпав фиолетовые брызги по Фомкиной тетрадке и окропив лицо Фомки.

Ребята, обернувшись на шум и увидев разрисованного Фомку, от смеха легли на парты. Лукин сперва насильно улыбнулся, потом скривил физиономию и заплакал.

Галина Владимировна застучала по столу согнутым пальцем.

— А ну-ка тихо!.. Тихо!.. В чем дело, Лукин?

Фомка так разревелся, что не мог ответить.

— Ему калошей в чернильницу закатили, всю тетрадку заляпали и на лицо вон... Да не три ты, дурак, все размажешь!

— Лукин, перестань плакать! Иди умойся, принеси тряпку и вытри парту.

— Никуда я не пойду и вытирать не буду,— из-под локтя, зло, со всхлипыванием ответил Фомка.— Пусть вытирает, кто бросил, а я не буду. Вот!

— Безобразие,— сказала Галина Владимировна.— Кто это бросил? — Молчание, испуг и любопытство.— Я спрашиваю, кто это сделал?.. Не хватает смелости сознаться?! Лукин, достань калошу.

Фомка вынул калошу из-под парты.

— Ну-ка, отнеси к доске!

Как Лукин ни был разобижен, строгий тон учительницы пронял его. Он поднял калошу и направился к доске, бодливо склонив голову и спрятав лицо в согнутой руке. Положив калошу рядом с мелом, Фомка быстро вернулся и плюхнулся на место.

Галина Владимировна прошла к доске.

— Чья это калоша?

Молчание.

— Кто пришел в калошах, проверьте.

Валерка нагнулся и, к великому своему удивлению, увидел лишь одну калошу. Ничего не понимая, он забрался под парту, все оглядел и, пораженный, вылез обратно.

— У меня нет калоши, Галина Владимировна. Это, наверное, моя.

Учительница, круто выгнув левую бровь, как всегда делала в порыве недовольства, глянула на Валерку и со сдержанным раздражением спросила:

— Чего же ты, Теренин, молчал?

— Я не знал, что это моя калоша. Я думал, что это чужая калоша, а тут оказалось, что это моя...

— Разве не ты ее бросил?

— Я?.. Конечно, не я! Это же моя калоша, зачем я буду бросать свою калошу?

— Кто же ее бросил? — допытывалась Галина Владимировна.

— Не знаю! — Валерка от волнения даже охрип.

— Садись, Теренин... Гайворонский, встань.

Юрка встал. Калошу он кинул так быстро, что до сих пор вроде и не верил, что сделал это именно он. Он будто и раньше вот так сидел, и теперь вот так же сидит, и не доставал он будто ничего, и не бросал будто ничего. Но калоша лежала на желобе доски и явно требовала объяснения своему появлению там. Как много бы Юрка отдал, чтобы эта противная калоша исчезла оттуда и очутилась у Валерки под ногами и лежала бы там себе спокойно! Но... ничего не поделаешь. Юрка решил отпираться, отпираться, несмотря ни на что, отпираться нагло — будь что будет. Не расстреляют же!.. А сознаваться вот так, перед всем классом, после такого долгого молчания — нет, это беспредельно стыдно.

— Зачем ты бросил калошу? — спросила Галина Владимировна.

— Какую калошу?

— Калошу Теренина. Вот эту.

— Не бросал я калошу Теренина. Ведь это его калоша. Зачем же я буду бросать чужую калошу?

Решение не сознаваться придало голосу Юрки удивительную уверенность. Галина Владимировна не знала, что и думать.

— Что же, по-твоему, калоши сами летают?

— Не знаю.

— Постыдись, Гайворонский! Набедокурил, а сознаться боишься?! Наташа, это он бросил калошу?

Если б девочка не растерялась, Галина Владимировна почувствовала бы себя, наверное, бессильной. Но девочка растерялась. Сказать «да»— значит впасть в немилость у Юрки, сказать «нет» — обмануть учительницу. Она растерянно склонила голову. Но этого было достаточно. Галина Владимировна да и все ребята поняли, что бросил калошу Гайворонский.

— Садись, Гайворонский. После уроков останешься.

...Они сидели друг против друга, учительница и ученик. Она — за столом, он — на первой парте. Галина Владимировна, сложив на журнале руки, смотрела в окно. Юрка нашел на парте чернильное пятно и старался пальцем растереть его; он ждал, когда Галина Владимировна заговорит. Но она молчала, смотрела пристально в окно и молчала. Юрка несколько раз исподлобья взглядывал на нее. Вдруг ему стало не по себе от этого молчания, и он, не переставая тереть чернильное пятно, сказал:

— Галина Владимировна, это я бросил калошу.

Учительница посмотрела на него.

— Спасибо за признание.

— Я на Валерку разозлился.

— Из-за чего?

— Из-за дела.
— Из-за какого?

Юрка не ответил. Он вдруг понял, что причина недавней злости на товарища до того ерундовская, что говорить о ней не то что стыдно, а просто позорно. Можно было без ссоры сказать Валерке, мол, иди один к Паршивенькой Катьке, а я не хочу. Почему правильно соображать начинаешь так поздно, когда дело сделано?

— Хорошо,— сказала Галина Владимировна.— Это ваше дело, из-за чего ссориться, но при чем же здесь класс? Мы потеряли пол-урока да еще заработали себе неприятности.

Да, кто-кто, а Юрка заработал себе неприятности — это он понимал!

— Я и не хотел кидать ее,— с тихим вздохом произнес он.— Я хотел просто утащить калошу.

— А когда утащил, захотелось бросить,— продолжила Галина Владимировна.

Она больше не смотрела в окно, и тоскливость во взгляде у нее исчезла. Она точно вела урок с одним Гайворонским: спрашивала у него заданное, и ей было приятно слушать его ответ и вносить в него некоторые уточнения.

Да и Юрка, не то решив, что ничего страшного в разговоре уже не будет, не то просто почувствовав прилив откровенности, не таился:

— Я не хотел в Фомку бросать, я думал: чуть-чуть вверх подкину, поймаю и поставлю под парту, а она вон куда полетела. Я бы не бросил, если бы знал, что она так полетит, да я бы вообще не бросил, оно как-то само вышло, я только подумал, а калоша уже улетела...

— Да-да. Я верю,— ответила Галина Владимировна.— Вот мне, думаешь, не хочется сделать иногда что-то такое, неожиданное, например, кому-нибудь из вас уши надрать?.. Хочется. Прямо взяла бы и встряхнула хорошенько.

Юрка догадался, что это ему, Гайворонскому, Галина Владимировна не прочь надрать уши, и посмотрел на учительницу.

— Да, да, прямо встряхнуть. Но я ведь сдерживаюсь, потому что это — дурное желание... На улице и дома вам разрешается многое, но когда вы приходите в школу, вы становитесь коллективом — классом, где есть свои порядки...

Чернильное пятно перешло уже на пальцы, но Юрка продолжал полировать парту.

— Я напишу записку родителям,— сказала Галина Владимировна, вырвала из тетради лист, написала несколько слов и протянула Юрке.— Вот. Сегодня пятница. Пусть в понедельник кто-нибудь придет. Записку завтра принеси с подписью.

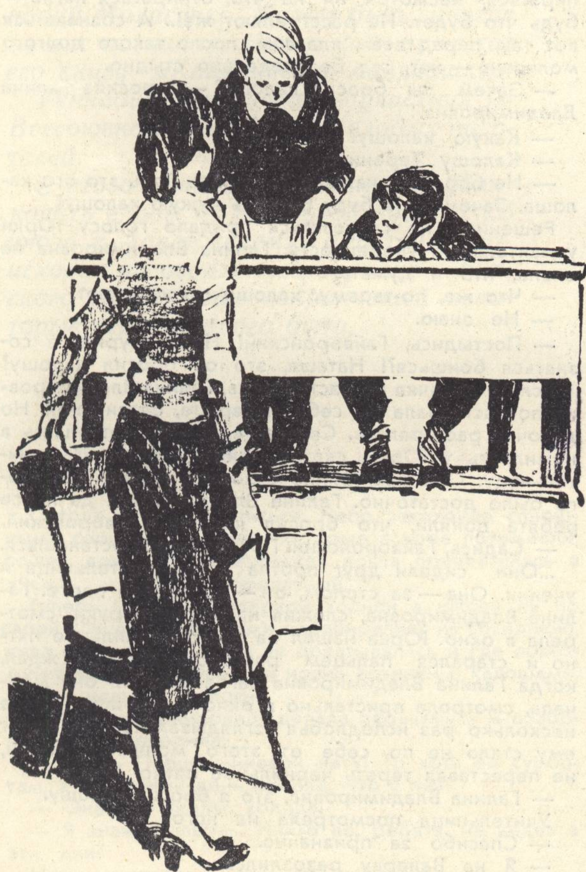
Юрка помедлил прятать бумажку. Он выжидательно посмотрел на учительницу. Она поняла его взгляд.

— Говорить будем не о калоше. О ней мы достаточно наговорились.

— А о чем, Галина Владимировна?.. Больше я ничего такого не делал.

— Не обязательно нужно что-то делать. Вон все наши девочки очень смирные, но их родителей я тоже вызываю... Это касается только взрослых... Пошли. Сейчас вторая смена нагрянет.

Однако разъяснения эти Юрку не успокоили.

СТРАННЫЙ ПОСЕТИТЕЛЬ

Валерка не считал себя виноватым в том, что Юрку оставили после уроков «на проработку». В чем его вина? Нет его вины. Юрка сам завел разговор о Катьке Поршенниковой, сам разозлился, сам стащил калошу и сам ее швырнул. Если бы Валерка слышал, как Юрка тянул калошу, он отобрал бы ее, и ничего бы не случилось... И все-таки было в душе какое-то чувство, которое заставляло думать: а в самом ли деле он не виноват? Это, наверное, всегда так случается, когда друг попадает в неприятное положение, а ты — нет... И надо же было именно сегодня забыть калошный мешок!

Едва Валерка шагнул во двор, навстречу ему кинулись куры. Мистер — так звали петуха — остался на месте, на завалинке, только прокукарекал, точно осудил куриное легкомыслие. Валерка присел на корточки, вытащил из сумки бумажный кулек, в котором носил в школу бутерброды, высыпал из него крошки в ладонь и поднес птицам. Те суматошно, разом сунулись к горсти и опустошили ее несколькими клевками. Горелую корочку мальчишка кинул петуху. Мистер тюкнул ее, пробуя, и вдруг как-то мягко, утробно заклекотал, куры мигом устремились к нему.

Валерка некоторое время следил за их беготней, потом вспомнил, что нужно сходить к Поршенниковым, и вошел в дом.

В кухне, служившей одновременно и прихожей, было сумрачно и тесно. Вера Сергеевна белила в горнице и сюда перетащила все вещи.

— Чего нос повесил? — спросила Вера Сергеевна, вытирая о тряпку выпачканные известкой руки.

— Так... Мешочек для калош забыл дома, под партой поставил... От них, знаешь, сколько грязи в классе.

— Чего ж ты так?.. Обедать будешь?

— Буду.

«Вот поем и сбегаю к Поршенниковым, узнаю про Катьку»,— подумал Валерка.

Загремел цепью и залаял Тузик.

— Дружки твои тут как тут, не успел прийти,— проговорила Вера Сергеевна.— Нет, вроде ко мне, высокий.

Тузик захрипел от ярости и от давившего горло ошейника. Закудахтали куры. Хлопнули легкие сенные двери, и без стука, опасливо пригнувшись (видимо, привык к низкой притолоке), вошел незнакомый бородатый мужчина с баульчиком в руке. На нем были кирзовые сапоги и грубый плащ с откинутым капюшоном, который, как огромная, чуть смятая жестяная воронка, покоился на загорбке.

Заглядевшись на вошедшего, Валерка ткнул ложкой в подбородок и пролил суп на колени.

— Сапоги, позвольте, не нашел, обо что оскоблить,— извиняющимся тоном проговорил мужчина, подбирая полы плаща и глядя на ноги.— Так, о ступеньки пошоркал.

— Пустяки. Тут, видите, какой содом!

— К побелке готовитесь?

— Белим уж,— ответила Вера Сергеевна.— И пальцы изъело известкой, и голова кругом — муторная работенка. Да куда же деться, Октябрьскую хочется встретить по-людски, в чистоте.

— Да-да, а там и рождество Христово.

— Ну, и рождество заодно.

Пришелец медлительно закивал и, поглаживая свою острую бородку-клинышек, оглядел кухню поверху, у потолка.

— Ничего, высоконькая изба. У хороших хозяев всегда все хорошо.— Он заметил в затененном углу прямоугольник с каким-то изображением.— Вот и иконка вроде...

— Это Пушкин,— сказал Валерка.

Он понял, что этот высокий пришелец с баульчиком — один из тех, кого судьба частенько заносит на Перевалку: бродячий художник, или бродячий фотограф, или еще кто-то бродячий. У них одинаковая манера: войдут неуверенно, с улыбочкой, поговорят о том, о сем и лишь затем «раскрывают карты». Художник предложит купить коверчик или хотя бы дать заказ на него и тут же вынет из мешка образец и развернет его перед глазами — озеро в сиреневых зарослях, с лебедями, с целующимися парочками; фотограф сует в руки донельзя заретушированные портреты: не желательно ли подобным образом запечатлеться? Теренины всех этих услужливых шарлатанов без раздумий выпроваживали, едва они раскрывали мешки.

Валерка и сейчас ждал, что посетитель щелкнет замком баульчика и явит на свет нечто, после чего Вера Сергеевна попросит его упрятать «диковинку» и укажет на дверь.

— Пушкин? — Мужчина глянул в глаза мальчишке.

— Я его повесил туда еще вчера, чтобы при побелке не забрызгать,— пояснил Валерка.

— Что вы, икона! Тут и без того сору не оберешься—смахиваешь-смахиваешь, скребешь-скребешь...— Женщина махнула рукой, поправила платок и, чтобы кончить пустой разговор, спросила:

— Вы, видно, по электричеству пришли?.. Счетчик-то мы загромоздили. Ну-ка, сынок, доберись-ка да посмотри, какие там цифры.

— Нет-нет, я не по электричеству,— возразил бородатый.— Нет.

— А что же вы?

«Вот сейчас он достанет...» — подумал Валерка.

— Я к вам от истинно верующих. Поддержите верующих, да спасет вас господь, чей день близок...

Это было настолько неожиданно, что Валерка не донес ложку до рта, застыл, а Вера Сергеевна растерялась, не зная, что и ответить.

— Вы мудро делаете, что икон не держите. Истинно верующему чужда икона — коверканье лика божьего. Христос и без того в теле его и мыслях его,— спокойно и наставительно высказался мужчина, не меняя благостного выражения лица.

— Знаете,— подала наконец голос Вера Сергеевна,— я ведь не понимаю ни истинных, ни неистинных...

— Истинные — это ждущие второго пришествия...— начал было незнакомец, но Вера Сергеевна тотчас прервала его:

— Я вовсе не о том. Что истинные, что другие какие, что третьи, сколько их там есть,— все я считаю дуростью.

— Не услышь, боже, этих слов, сказанных не по злобе, а по заблуждению,— воздев руки, быстро проговорил бородатый.— Гони, о женщина, из души сомнения, нашептанные сатаной, ибо поношение вседержителя — тягчайший из грехов.

— Хватит-хватит, милый человек, я-то крепкая, а вот мальчишку мне испугаешь. Хватит. Ничем поддержать истинных не могу. Если хочешь,— вот суп и хлеб, угощайся, поддерживайся.

— Благодарствую,—чинно кивнул мужчина, кашлянул в кулак и как-то беспокойно переступил, точно не решаясь на какие-то дальнейшие, ранее намеченные действия.— Не желаю... А все же не угодно ли, хозяюшка, хотя бы четвертушечку?

— Чего?

— Четвертушечку. Двадцать пять.

— Чего двадцать пять?

— Да рубликов [1], чего ж еще.

— Рубликов?

— Замолим содеянные грехи...

— Не-ет, двадцать пять рубликов совсем не угодно.— В душе Веры Сергеевны начала подниматься злость.— Двадцать пять?! За что же это вам четвертушечку?

— Не мне — господу.

— Господу — деньги?

— Разумеется. Как таковые деньги ему не нужны, потому что ему принадлежит все, но он ждет от нас доказательств верности...

— Постыдитесь! Взрослый человек... чушь-то нести... Если уж хватило наглости побираться, то радуйтесь тому, что дадут, а не заказывайте четвертушечки! Идите!.. Идите-идите...

— Молись, грешница! — прошипел мужчина.— Спасайся! — локтем толкнул дверь и, задев баульчиком косяк, быстро вышел.

— Что делается! — проговорила Вера Сергеевна.— Что делается, а!

— Это кто? — испуганно спросил Валерка.—Поп?

— Вроде нет: не крестился. Сектант какой-то, стервец...

Опять пес захлебнулся яростью и всполошились куры.

— Мам, Тузик не сорвется?

— Да хоть бы сорвался, потрепал бы его!.. Бездельники! Дураков ищут. И ведь знают, где ходить. В городе, небось, не пойдут, а здесь, думают, народ потемнее, и лезут, чтоб им!..

---

[1] Имеются в виду старые деньги.

Божий посланник мелькнул за окном и громко хлопнул калиткой.

— Ушел,— сказал Валерка, все еще не двигаясь с места и где-то в глубине души боясь, что пришелец вдруг вернется и сотворит что-то ужасное: или пустит изо рта клубы огня, или расколет под ногами землю.

— Мам,— сказал он, но тут же позабыл, что именно хотел спросить, а только смотрел на мать широко раскрытыми глазами.

— Ты не испугался?

— Нет.

— А то ведь он вон какие слова выбрасывал... И не выводятся, проклятые! Уж сколько Советская власть живет, уже спутники по небу летают, а эти поганцы все еще по земле шляются... Хлеба не принимают, нет, они от бога, им рублики подавайте, и не сколько-нибудь, а четвертушечками и чтобы хрустели —

непомятые... Паразиты... Я бы уж горницу кончала, да без расстройства. А тут вроде и силы убавилось.

Валерка улыбнулся:

— А здорово ты его турнула!

— С такими и надо без церемоний.

— Давай, мам, тарелку.— Он налил матери супу, глянул на портрет Пушкина, который... нет, ни в коем случае не походил ни на какую там икону, хоть глаза перекоси, и вышел в сени.

Тузик звякнул цепью, видимо, настораживаясь. Но вышел свой человек. Пес от радости закружился.

— Что, Тузик, налаялся? — Валерка отстегнул цепь, размотал ее и снова зацепил за кольцо.— Видел дяденьку?.. А где Мистер? Он тоже, наверное, на него налетал, да бесполезно: такой плащ когтями не продерешь... Цып-цып-цып...

Валерке захотелось срочно увидеть Юрку, несмотря на ссору. Он побежал к Гайворонским и на крыльце столкнулся с братом Юрки — Аркадием, возвращавшимся из института.

— Проходи, проходи!

— А у нас был верующий,— сказал Валерка.

— Это какой же? — спросил Аркадий.

Мальчишка начал рассказывать. Так они вошли в дом, где к словам Валерки с любопытством прислушалась и Василиса Андреевна.

— ...Вот. И потом он ушел,— кончил Валерка.

— Не его ли я встретил неподалеку от нас? — проговорил, задумавшись, Аркадий.— Говоришь, в плаще с капюшоном?

— И чемоданчик в руке, такой пузатый.

— Вроде, вроде... Но черт его знает, я был слишком занят своими мыслями... Да, в общем-то, это печально, но отрадно, что вы дали ему коленкой под зад. А вот наша мама на это не решилась бы, а?.. Так бы и выложила четвертную.

— Нет, Аркаша, я ему только десяточку дала,— проговорила вдруг упавшим голосом Василиса Андреевна. Валерка и Аркадий уставились на нее.— И то не потому, что чего-нибудь там такое, а так — испугал он меня. Будь кто дома, еще бы туда-сюда, хоть Юрка, а то ведь ни души. А он сперва будто ничего, а потом давай плести о каком-то пришествии. Ну, думаю, трахнет сейчас по башке. А тут на подоконнике десятка лежала — Юрке приготовила, в магазин,— и только он это заикнулся о помощи, я ему эту десятку и сунула, больше, мол, нету. Храни, говорю, вас господь. А он без креста взял да так без креста и вышел, басурман.

— Да-а,— после некоторого молчания протянул Аркадий.

— Только ты уж, сынок, отцу-то не говори, а то разворчится старик, мол, я зарабатываю, а ты тут раздариваешь. Не говори. Я уж сама чую, что сплоховала... Вера-то ведь вон какая смелая да решимая, а я все чего-то трушу... Да больно уж неждамши все получилось... Ну, ты подумай-ка... Взяла и своими руками отдала десятку. Юрке бы на две недели хватило в школу!.. Ну, не старая ли дура?..— Казалось, Василиса Андреевна только теперь по-настоящему разобралась в том, что произошло.— Истинно верующий!.. Разбойник, прости господи!.. Десятки как не бывало!

— Что десятка, мама!.. Дело не в деньгах, а в ситуации. Я смотрю, не тучу ли над тобой собирает какая-то секта.

— Да ну уж, тучу!

— С богом нельзя шутить, заигрывать. Его нужно отрицать и отрицать во всяких видах! Не оробела бы ты тогда перед этим субъектом. Вот проходимцы!.. Жаль, меня не было дома. Я бы ему без философских выкладок набил морду — и все!.. Вон Вера Сергеевна — молодчина!

— Пусть он еще придет,— погрозила пальцем Василиса Андреевна.— Пусть придет! Я его не хуже Веры турну.

Валерка вышел. Следом вышла Василиса Андреевна и на крыльце придержала мальчишку.

— Ты уж, Валера, тоже не сказывай Юрке про десятку-то.

— Нет, я не скажу,— уверил Валерка. У него блестели глаза. Он понимал огорчение Василисы Андреевны: еще бы, разве приятно чувствовать, что тебя одурачили! — Нет-нет, не скажу,— повторил он.

— Не дай старухе опозориться.

— Вот честное слово...

— Ну ладно, ступай. Да, а где же наш-то?

— В школе задержался. Вот-вот придет.

Валерка вышел за калитку, постоял некоторое время на дороге, вглядываясь в даль улицы, затем повернулся и отправился к Поршенниковым один.

МИСТЕРУ РУБЯТ ГОЛОВУ

Строгая улица с добротными бревенчатыми домами кончалась метров за пятьсот до насыпи; далее, почти до откоса, тянулись неприглядные, кособокие мазанки и насыпушки; даже электрические столбы против них как-то перекосились и потрескались, точно для того, чтобы не нарушать общую унылую гармонию. Здесь еще недавно запрещалось селиться, но потом разрешили, и все эти халупы выросли быстренько, как грибы. Теперь возле многих из них виднелись начатые срубы, бревна, доски, сложенные огромными клетками, чтобы продувало, вороха шлака и опилок. Но возле некоторых не было ничего, кроме неуклюжих поленниц. Хозяева либо смирились с убожеством своих жилищ, либо отложили дело в долгий ящик.

Поршенниковы жили в одной из таких лачуг.

Валерка ни разу не был у Кати, да и вообще он мало у кого бывал, кроме Гайворонских.

Остановившись возле ворот Поршенниковых, Валерка огляделся по сторонам. Ну, чего стоит войти, спросить, почему Катька не ходит в школу, и уйти! Ведь никто не заругает его, не съест. И все же Валерка стоял в нерешительности. Нет, надо было ему подождать Юрку, тот бы сразу все выяснил. Валерка потянул калитку. Если она окажется запертой, он уйдет и завтра скажет, что никого из Поршенниковых не застал дома. Но калитка, скрипнув, отворилась. Валерка почти испугался. Закусив нижнюю губу, он придержал дверцу и еще раз оглянулся. От насыпи к домам шла женщина. Валерка понял, что будет выглядеть подозрительно, если вот так и останется стоять у приоткрытой калитки. Нужно решаться: туда или сюда...

Он распахнул калитку, вошел во двор и, обходя разбросанные дрова, направился к двери. Он выспросит все и даже больше, он категорически заявит: «Чтоб завтра же Катя была в школе!» С горячностью Валерка распахнул дверь. Темнота ослепила его, в нос ударил запах не то квашеной, не то гнилой капусты. Валерка полнее открыл дверь и осторожно шагнул через порог. Земляной пол глушил шаги. Слева к стене была прибита низкая полка шириной в две доски. На ней стояло ведро, две корзины. Возле корзин лежало что-то вроде кучи тряпья. Подойдя, Валерка различил перья. Зарезанная курица. Нет, не курица, а петух — вот голова с большим темным гребешком. На гребешке — бородавка... Бородавка?! Валерка вздрогнул. Хвоста у петуха не было, торчало одно перо, и то было сломано... Мистер!

Валерка ничего не понимал. Он смотрел на распростертого недвижимого петуха и часто моргал. Неизвестно, что бы он ответил, если бы в тот миг в сени кто-нибудь вышел и спросил его, зачем он

здесь. И вдруг мальчишка вспомнил, что петуха не было во дворе, когда он звал его.

Валерка попятился к выходу, споткнулся о ступеньки и выскочил во двор. Выбежав на улицу, он полетел домой что было духу, не думая ни о чем, кроме самого факта: Мистер зарублен и лежит на лавке в чужом доме.

— Мама!—крикнул Валерка в форточку.

— Что?

— Мама!— повторил Валерка, но тут же отскочил от окна и бросился в комнату.—Мама! Петуха зарубили!

По торопливости сына, по его охрипшему вдруг голосу Вера Сергеевна поняла, что случилось что-то серьезное.

— Какого петуха?

— Нашего. Мистера.

— Кто зарубил?

— Не знаю. Он у Поршенниковых лежит на лавке. Я к ним ходил узнавать, почему Катька в школу не ходит, а в сенках увидел... голова отрублена.

— Наш петух?

— Да наш, говорю же тебе... Мистер.

— Ну-ка,— сказала мать,— пойдем-ка.

Они вышли во двор, и Вера Сергеевна принялась созывать кур. Петуха не было.

— Да нету его, мама. И не зови даже.

Но мать все звала и звала: «Цып-цып-цып...» Повизгивал Тузик, ожидая появления петуха, чтобы радостно залаять на него: дескать, вот он, разбойник.

Валерка и сам с надеждой оглядывался, не выскочит ли Мистер откуда-нибудь. Увы!

Из огорода сквозь планки заборчика просунулась рука, нащупывая вертушку дверцы. Это был Юрка.

— Здрасте,— сказал он.

— Юрка, у нас Мистер пропал! — крикнул Валерка.

— Как пропал?

— Я его видел у Поршенниковых с отрубленной головой.

— Валера, ты не ошибся?— спросила Вера Сергеевна.

— Нет, мам... Тут разве ошибешься!

— С отрубленной головой?— удивился Юрка.

— Ну и ну!— развела руками Вера Сергеевна.— А ну-ка, пойдемте к ним, разберемся.

— А ну-ка айдате!— поддержал Юрка.

По дороге Валерка подробно рассказал, что он видел. Юрка разозлился:

— Дурак! Я бы им дал там всем... Тоже мне!

— Так ведь стыдно.

— Нашел чего стыдиться. Они воруют, а ему стыдно. Я бы им сунул под нос петуха. Чей, спросил бы?

Ворота у Поршенниковых оказались на запоре. Вера Сергеевна встряхнула их, проволочный крючишко сорвался, и они вошли. Валерку била нервная дрожь.

— Окна занавешены,— сказал Юрка.

Дверь в сени тоже оказалась запертой. Вера Сергеевна постучала. Молчание. Она постучала сильнее. Опять молчание. Юрка подошел к низкому окну, заглянул под занавески, свистнул. Никто ни звука. Вера Сергеевна и Юрка посмотрели на Валерку. Он пожал плечами.

— Все было открыто.

Юрка повернулся спиной к двери и сильно стукнул по ней каблуком.

— Эй, вы! Отдайте нашего петуха.

Дом безмолвствовал.

— Никого нет,— сказал Юрка.

— Куды ж вы, дурье, ломитесь?— спросил вдруг кто-то со стороны.— В хате пусто, а они надсажаются.

В огороде среди подсолнухов стояла старуха, маленького роста, очень худая, с морщинистым лицом; одежонка висела на ней, как на пугале.

Юрка подошел к забору и спросил:

— Где же Поршенничиха?

— А я почем знаю? Вы бы не пришли, и об вас бы не знала. А пустую избу нечего трясти,— глянув насупленно и зло на мальчишку, проворчала старуха.

— Конечно,— согласился Юрка.— Пустую чего трясти?

— Только что двери были открыты,— опять сказал удивленный Валерка.

— Ушла хозяйка,—заметила бабка.

— А вы кто, соседка?— спросила Вера Сергеевна.

— Соседка не соседка, а не из того дома.— Вера Сергеевна некоторое время стояла, задумавшись, потом проговорила:

— Ну что ж, пойдемте.

— Мы еще вернемся!— крикнул Юрка, когда они покидали двор Поршенниковой, и почему-то погрозил старухе кулаком.

РАССУЖДЕНИЕ. ЗАПИСКА

Валерка вновь и вновь пересказывал, как он отправился к Поршенниковым, как колебался, войти ли во двор, как наконец вошел и увидел в сенях на лавке Мистера.

Юрка смотрел на друга, не понимая, как это с Валеркой, человеком тихим и сдержанным, произошел такой поразительный, острый случай, а вот с ним, Юркой, который жаждет именно таких случаев, ничего подобного не происходит.

И Юрка предложил Вере Сергеевне вернуться к Поршенниковым, чтобы разобраться во всем до конца. Но Вера Сергеевна ответила, что коли те в первый раз затаились, то теперь и подавно заметут следы.

Придя домой, они в три голоса стали звать петуха. Тщетно.

— Что же, значит, Мистеру крышка?— спросил Валерка, все еще недоумевая, как это так получилось.

— Петуху-то крышка, раз голова отрублена,— заметил Юрка.— Тут важно расследовать.

— Когда ж его могли украсть?—задумавшись, произнесла Вера Сергеевна.— Ведь я их вот вроде недавно кормила... Разве через забор перелетел да на дороге его хапнули?

— Нет, мам. Я его только что видел, как пришел из школы. Я ему еще корочку бросил.

— Хм... И вроде никого не было.

— Только этот, верующий.

— А-а!—вдруг вскрикнула Вера Сергеевна.— Валера, да это ведь он стащил петуха, он, сектант проклятый. Тьфу ты! Ну не так, так этак!.. И как же это я сразу не подумала, а? Как же это я не догадалась проводить его до калитки?.. Ну, приди ты еще сюда, божий человек, появись-ка тут, попробуй!.. Бродяга!..

Вера Сергеевна зачем-то отправилась на улицу, а Юрка затормошил друга, требуя немедленно рассказать про сектанта. И Валерка рассказал.

— Он. Он украл! — воскликнул Юрка.— Эх, ну почему же меня-то не было, а? Вот всегда так!

— А если дядька украл, то как петух оказался у Поршенниковых?

— Как?

— Да.

— Не знаю... У-у! В самом деле, как же?.. Слушай, пойдем еще раз к Поршенниковым.

— Мы же только что...

— Покараулим. Сядем у камышей и будем караулить.

В предчувствии чего-то необыкновенного Юркины глаза горели вдохновением. Валерка, однако, сказал, что ему не хочется сидеть в камышах.

— Тогда я один пойду. Во что он был одет?

— В плащ. И с бородой.

— Жди.— И Юрка вышел со двора.

Юрка устроился возле камышей, за кочкой, против дома Поршенниковых, и не спускал с него глаз. Здесь и обнаружил его Валерка час спустя. Ему показалось подозрительным столь долгое отсутствие друга.

— Ну, как?

— Ты где шел? Вдоль берега?

— Вдоль берега.

— То-то... Ни души. Понимаешь, хоть бы какая-нибудь кошка прошмыгнула во двор.

— Зачем нам кошка?

— Мда-а... Скрылись! Или к кому-нибудь еще пошли.

— Юрк, а ведь и у вас он был, верующий-то.

— У нас?

— Да. Просто я забыл раньше сказать. А что, и Аркадий не говорил?

— Никто мне ничего не говорил. И тоже денег просил?

— Наверно.

— И что, мамка дала?— опасливо спросил Юрка.

— Что ты!.. Ну... это... тетя Васеня его тоже, как мы,— фьють! — высвистнула.

— Да?— обрадовался Юрка и потер ладони.— Молодец, мамка... А ну-ка пойдем к нам, поговорим.

Гайворонские были уже все дома. Петр Иванович стоял возле умывальника и, морщась, сдирал с пальца клочок изоляционной ленты, послужившей, видимо, пластырем. Аркадий читал газету. Василиса Андреевна расставляла тарелки.

— Не помню случая, чтобы Юрка опоздал к обеду,— проговорил Петр Иванович.

— Нюх,— заметил Аркадий.

— Зато у вас никакого нюха,— сказал Юрка.— За стеной творятся чудеса, а вы и ухом не ведете... Что это вы от меня утаили, что у нас был сектант, а? Нарочно?..

— Сектант?—удивился Петр Иванович.

— Ну, ладно-ладно,— попыталась было унять сына Василиса Андреевна, наступая на него вроде бы шутливо, но с беспокойством и смущением в глазах.— Слышь, брось давай...

Юрка нырнул под ее руку и, отпрыгнув к печке, с пафосом проговорил:

— Да-да. Он выпрашивал деньги, но мамка его выгнала с треском! Катись, говорит, отсюда, пока цел!— И тут же продолжал тихо, с видом заговорщика:— Он и у Терениных был. И украл у них петуха! Нет больше Мистера.— И не медля рассказал все по порядку.

Гайворонские были поражены.

— Слышь, мать?— спросил Петр Иванович.— Может, он и у нас чего прихватил?

— В сенях-то чего у нас прихватишь, кроме ведер да коромысла,— проговорила Василиса Андреевна.— А тут я с него глаз не спускала... Валера, тащи себе стул из горницы. Уж не напутали ли вы тут чего с петухом-то?

— Чего путать, когда вот так вот лежит Мистер, а вот тут рядом его голова с бородавкой на гребешке. Чего путать?— вспылил Юрка.

— Уж больно много грехов зараз.

— А мы-то тут при чем?.. И не заступайся! Сама же выгнала, и сама же заступаешься!

— Да я и не заступаюсь. И не кричи так на мать.

— Я вовсе не на тебя, а вообще...

— Последние известия дурны,—сказал Аркадий.— Сколько на свете религий и сект!.. И вот... украли петуха... Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно. Ведь это — украсть!— суть всех богопоклонников. Украсть!.. Все крадут: разум, волю, хлеб да и саму жизнь... Недавно в «Комсомольской правде» писали о девушке, которая бросилась под поезд. Она была в какой-то секте, и от нее потребовали жертвы, так якобы угодно всевышнему. Она и пожертвовала — свою жизнь...

— Ты подумай!— ужаснулась Василиса Андреевна.

— У нас это было?— спросил Юрка.

— В частности не у нас, но вообще у нас, в Советском Союзе... И началось, может быть, вот так же: со случайного прихода какого-нибудь благочестивого брата во Христе.

За едой Аркадий рассказал о пятидесятниках-трясунах, об адвентистах седьмого дня. Знания Аркадия в этой области были не богаты, но и сказанное удивило Василису Андреевну чрезвычайно, так как она хоть и слышала о сектантах, но не понимала, что это такое, и уж никак не предполагала существования каких-либо других вер, кроме православной. «А тут и не крестись, и свечи не ставь, и святую воду не признавай — да что ж это такое?» — молча размышляла женщина. Ребята же переспрашивали, уточняли.

— Да, много всякой мути,—сказал Юрка.— А я вот одного не пойму: как Мистер оказался у Поршенниковых?

— Зашел же он к Терениным, этот сектант, ну и к Поршенниковым зашел, а петуха на лавке оставил, чтобы, значит, выходя взять его обратно,— рассудил Петр Иванович.

— А почему его сразу к Поршенниковым понесло? Нет чтобы к кому рядом зайти, а то через пятнадцать домов — к Поршенниковым,— не унимался Юрка.

— М-да,— протянул Петр Иванович.

— Странно, в самом деле... Чувствуя за собой грех и опасаясь возможного преследования, он к кому попало бы не зашел,—сказал Аркадий.

И вдруг Юрка вспомнил про записку учительницы. Вспомнил — и как-то сиротливо-неприятно стало на душе, точно в разгар купания скрылось вдруг солнце и дунул прохладный ветерок, а ты выскочил на берег, обхватил плечи, дрожишь и не знаешь, что делать... Юрка опасался, как бы отец не понял записку превратно да как бы не посадил «на киловатты». Это было единственное наказание, которое Петр Иванович применял к сыну,— запрещал ему покидать дом, пока счетчик не наматывал определенное количество киловатт-часов, назначаемое в зависимости от характера и размеров провинности: от одного и выше. А разве мог Юрка допустить, чтобы в такое время, когда назревают неслыханные события, его посадили «на киловатты»? Это же почти харакири!

«Покажу-ка я записку Аркадию,— вдруг подумал он.— Аркадий хоть и не родитель, но какую-то власть надо мной имеет, поэтому такие штуки, как записки учителей, его тоже должны касаться». Приняв это решение, мальчишка облегченно вздохнул и, принимаясь за чай, вернулся к мыслям о бородаче и Мистере, но ни до каких конкретных выводов не додумался.

Проводив Валерку и договорившись с ним о завтрашнем продолжении расследований, Юрка прошел

к Аркадию в комнату, достал сложенную вчетверо бумажку и протянул ее брату.

Юрке с великим трудом удалось выучить уроки: вся эта история с похищением Мистера не выходила из головы. Но зато когда он лег в постель, когда сунул руки под затылок и уставился взглядом в потолок, вот тогда разыгралось мальчишеское воображение... Если бы он, Юрка, не бросил эту проклятую калошу, если бы Галина Владимировна не оставила его после уроков, то он пришел бы домой вместе с Валеркой и наверняка бы, несмотря на размолвку, отправился вместе с ним к Поршенниковым. И уж он-то, увидев петуха, не сбежал бы, не испугался; он бы ворвался в комнату и спросил бы у тех, кто там оказался бы, откуда они взяли этого петуха... Но нет, не повезло. И даже сектанта не увидел... Сектант!.. Юрка вспомнил про девушку, от которой сектанты потребовали жертвы и которая бросилась под поезд. Вот фашисты!.. Может, и сейчас они собрались где-нибудь тут, неподалеку, у кого-нибудь в доме, поют свои жуткие песни или еще у кого-то с угрозами вымаливают жертву... Встать бы сейчас, да пройтись по ночной Перевалке, да прислушаться у каждого окна — живо бы раскрылась тайна, которой... может быть, и нет. Может быть, все это вроде миража пустынного?.. Но нет, обезглавленный Мистер не мираж, а Вера Сергеевна с Валеркой не какие-нибудь лунатики, да и Василиса Андреевна не призрак выгоняла! Хорошо, что Аркадий еще в прошлом году убрал икону, а божницу перевесил пониже — для графина с кипяченой водой,— а то бы этот тип подумал, что тут живут верующие...

ВИЗИТ К ПОРШЕННИКОВЫМ

Утром, до начала занятий, перехватив Галину Владимировну у дверей учительской, ребята рассказали ей все, что вчера случилось, а также все, до чего они сами додумались. Они ожидали, что Галина Владимировна по крайней мере удивится, если не ужаснется, но она только спросила, пристально взглянув на ребят:

— Значит, про Катю ничего узнать не удалось?

— Мы и говорим, что когда Валерка вошел в сени Поршенниковых и когда увидел зарубленного Мистера...

— Юра, я все отлично поняла... Сегодня я сама схожу к Поршенниковым, сразу после уроков. А теперь пойдемте в класс... Юра, принес записку?

— Принес.— Юрка вытянул из кармана бумажку и отдал учительнице.— Только не родители будут, а брат.

— Брат? Почему?

— Да так. А что, нельзя?

— Да нет, отчего же. Пусть приходит брат.

Юрка уловил некоторую растерянность в тоне Галины Владимировны и понял, что ей нежелателен приход брата.

Это какое-то время занимало Юркин ум. Затем, уже когда начался урок, он вспомнил, что учительница собирается идти к Поршенниковым, и тотчас зашевелился, заегозил беспокойно, поднял вдруг руку, тотчас опустил, и, когда учительница проходила мимо парты, он прошептал:

— Галина Владимировна, а мы пойдем с вами?

— Куда?

— К Поршенниковым.

— Ну, если ты во время урока будешь шептаться и мешать занятиям, то...

— Нет,— перебил Юрка хрипло,— я буду хорошо сидеть.

И действительно, до конца занятий Юрка был образцом внимания и послушания. И главное, он не пересиливал себя, не заставлял себя быть таким, а просто явилась откуда-то внутренняя собранность, взяла его в руки да так и держала. Правда, мысли его иногда увиливали в сторону от урока, то к жуланам, которые должны скоро прилететь, то к клеткам, которые предстояло ремонтировать к осенне-зимнему лову, то ко дню рождения, который близился и о котором следовало напомнить дома, а то, чего доброго, забудут о подарках, и еще что-то кружило в мыслях, но в этом был уже виноват не столько сам Юрка, сколько его беспокойное воображение.

— Основное — узнать, почему Катя не ходит в школу,— говорила Галина Владимировна, когда они втроем шли по улице.— Боюсь, что она может отстать, она ведь слабая. Вы понимаете?

— Если попадет в чужой класс, она совсем это...— Валерка махнул рукой,— пропадет...

— Вот именно.

— Разузнаем,— заявил Юрка.— Но мы и про сектанта спросим и про Мистера.

— А вы, ребята, ничего не напутали?

— Чего тут путать? Валерка же своими глазами видел.

— Ну, хорошо, спросим... Смотрите: дым.

Над трубой Поршенниковых вился дымок. Юрка как-то злорадно хмыкнул, мол, ага, попались, и первым вошел во двор. Там по-вчерашнему валялись поленья, рубленные крупно, без щепы, по-мужски, и по-вчерашнему была опущена занавеска на окне.

Юрка с силой толкнул дверь плечом,— дверь неожиданно легко распахнулась и ударилась о стенку так, что загудела висевшая рядом с дверью ванна.

— Кто там шарашится?— раздалось из комнаты сквозь притворенную дверь, и тотчас выглянула в сени широколицая женщина. Это была Поршенникова. Выглянула, присмотрелась исподлобья и как-то не удивленно, а вроде успокоенно протянула:

— А-а... Вон это кто. Заходите.

В комнате было темновато и пахло, как в сенях, не то квашеной, не то гнилой капустой.

— Здравствуйте,— сказала Галина Владимировна. Мальчишки молчали.

— Здравствуйте,— ответила Поршенникова, подставляя стул.— Садитесь. Гостями будете.—Она, видимо, обедала: стол был уставлен едой.

Лицо этой женщины лоснилось и казалось смазанным маслом с примесью угля. Или она не умывалась с того дня, когда ребята видели ее на лесозаводе, или этот лоск не отмывался вообще, или отмывался да возникал снова.

— Мы пришли...

— Знаю. За Катьку узнать.

— Да. Вот это ее одноклассники: Теренин и Гайворонский. Недалеко от вас живут.

— Здравствуйте,—сказал вдруг Валерка.

— Будь здоров. Что-то мне твоя наружность знакома. Не ты ли это вчерась прибегал к нам, а? Смотрю: идет через двор. Ну, думаю, про девчонку разведать учительница послала. А он что-то пошумел в сенях, как воришка, да и, гляжу, обратно побег, с прискоком. Не ты?

— Я!— выдохнул опешивший Валерка.

— Вишь, какая приметливая... Чего ж ты умчался? Зашел бы, спросил, как и что, и не мучил бы учительницу, а то вот самой ей пришлось тащиться по грязи.

— А потому что у вас в сенях лежал петух!— выпалил вдруг Юрка.

— Какой петух?

— Наш.

— Какой ваш?

— Которого сектант украл.

Поршенникова некоторое время пристально смотрела на Юрку, потом проговорила:

— Рехнулся.

— Кто рехнулся, я?.. Валерка, скажи!— обратился Юрка к другу, но тут же сам воскликнул:— Да он у вас на лавке лежал с отрубленной головой!

— Кто лежал?!

— Да петух наш.

— Вы отколь это свалились, а?.. Чего плетете? Какой это петух с отрубленной головой?.. Вы чего-нибудь понимаете?— спросила Поршенникова у Галины Владимировны,

— По-моему, ребята подозревают вас в укрывательстве краденого.

Поршенникова растерялась:

— Краденого? Какого краденого?

— Был у вас вчера какой-то верующий?

— Верующий? Был. Вот как раз когда парнишка-то прибегал, он вот тут и стоял, где вы стоите. Только верующий ли это? Нищий. А что молился, так кто ж подаст без мольбы?

— Ну, кто бы он ни был, а он украл у Терениных петуха,— сказала Галина Владимировна.— И спустя полчаса Валера обнаружил этого петуха у вас в сенях.

— Вот оно что... Тогда, конечно, нищий. Божий-то человек не осмелится украсть... А я дала ему, чего могла, да и выпроводила за порог, в сени-то выглянуть и не догадалась. Тут самой на электричку надо было. Гляжу: опаздываю, да все бегом, бегом... А он, видать, петушка-то в чемоданчик — и дальше... Зря вот ты, парень, в избу не заскочил. Как признал, так бы и заскочил. Мы бы вдвоем-то его за душу и взяли.

Юрке начинала нравиться эта решительная женщина. Он поддакнул:

— Я его тоже ругал за это. Так нет, побоялся!

— Кабы чужое, бойся на здоровье. А раз свое, нечего бояться,— проговорила Поршенникова.— За горло хватай!.. А теперь ищи-свищи его, петушатника.

— Ну, ладно,—сказала Галина Владимировна.— Это дело такое, мимоходное. Вот что с Катей-то?

— Болеет Катька.— Женщина вернулась к столу, потрогала чайник и стала наливать кипятку в стакан.— Подцепила гдей-то заразу и мается теперь. Уж не в школе ли, думаю?

— Да нет, в школе у нас вроде спокойно.

— Так здоровые все. Вон видите,— Поршенникова кивнула на Юрку,— весь нараспашку, щеки красные. Его никакая холера не возьмет. А моя пройди так до ворот — и смерть, прости господи... Она ведь у меня никудышная, преждевременная. Я ее на печке допаривала.

— Так что же, Катя в больнице?

— Нет. В больнице людей только угробляют. В городе, у бабки. Там ей и уход, и присмотр, и воздух. В низине-то нашей и воздуха человечьего нет — гниль. У меня уж у самой вот тут что-то покалывает. Как дохнешь, так...

— И сильно больна Катя?

— Вроде сильно. Вы так допрашиваете, что у меня горло пересохло.

— Ничего не поделаешь. Я учительница. Я должна знать, почему моя ученица не ходит в школу, не нужна ли ей моя помощь,— проговорила Галина Владимировна.

— Я понимаю. Конечно, это ваше дело. А помощь, спасибочки, не нужна. Может, ее от книжек и разобрало.— И Поршенникова принялась пить чай, ложкой зачерпывая из банки варенье.

Ребята мало-помалу огляделись. Избенка была однокомнатная, с низким потолком, с неоштукатуренными и даже непобеленными стенами, доски местами рассохлись, и образовавшиеся щели были забиты бумагой и тряпками, чтобы не высыпался шлак. Края досок у щелей по всем стенам были опалены, а кое-где просто обуглены: видимо, выводили тараканов паяльной лампой. В обстановке не было ничего примечательного. Выделялись же огромный сундук, обитый железными полосами, и кровать с высокой периной, на которой покоились две серо-зеленые пятнистые подушки. Эти подушки походили на гигантских, зловещих жаб, готовых по знаку прыгнуть на пол.

Поразмыслив некоторое время, Галина Владимировна сказала:

— На днях я зайду. Возьмите справку от врача.

— М-м,— засуетилась вдруг женщина, торопливо вышаривая что-то в карманах бурого передника и одновременно справляясь с пирогом.— Справка-то есть. Я и забыла... Вот она. Помялась, ах ты...

Справка была порядочно замусолена и замызгана, точно ее корова пробовала на вкус и за неприемлемостью вытолкнула языком.

— Что же вы ее всю...— поворачивая бумажку так и этак, заметила Галина Владимировна.— Документ ведь.

Поршенникова глянула на свои руки, поворачивая их тоже так и этак, точно искала в них оправдание.

— Кто ее знает? Суешься везде, хватаешь все...

— Ну, хорошо... Я или сама буду заходить, или ребят вот буду посылать к вам. Как только Кате станет лучше, вы, очевидно, возьмете ее к себе, и тогда мы сможем помочь ей заниматься. А вообще можно и в город съездить...

— Что вы, что вы!— вскинула руки Поршенникова.— Ее там то в жар, то в пот, а вы будете с книжками... Нет, нет, нет. Я мать, знаю, когда чего можно... Пусть поправляется. А вы и сами не беспокойтесь и парнишек не гоняйте. Я дам знать, как полегчает.

— Ну, ладно... Пойдемте, ребята. До свидания.

— До свиданьица.— Поршенникова проводила их до порога сеней, подождала, пока они пересекли двор, вышли на улицу, и вернулась в дом.

Все трое шагали молча.

— Значит, папка прав: сектант, а может, в самом деле нищий, оставил петуха на лавке, а выходя, прихватил его,—рассудил Юрка и вздохнул: рухнула, порвалась построенная в воображении цепь загадочных, таинственных происшествий, связанных с кражей Мистера.

ВСТРЕЧА С КАТЬКОЙ

В этот день Юрка и Валерка побывали в театре. После спектакля нужно было торопиться. До отхода электрички оставалось десять минут — ровно столько, сколько нужно, чтобы без памяти добежать до последнего вагона и уже на ходу упасть на подножку.

И мальчишки припустили вниз по улице.

Людей с таким предельно тонким расчетом оказалось больше, чем смогла вместить подножка, и поэтому часть из них осталась на перроне. Но мальчишки чудом прицепились. Юрка одной рукой держался за поручни, другой обнял ногу какого-то дяденьки, который поддерживал его еще за плечи.

В полуметре от их затылков мелькали мощные переплеты мостовых ферм. Под ногами чувствовалась бездна. Все это приятно волновало Юрку.

— Валерк, крепко стоишь?

— Крепко. Только на одной ноге.

— Ничего... Слышь, Валерк, давай в Толмачихинскую съездим, аэродром посмотрим, а? Там «ТУ-104» приземляется.

— Кто-то нас пустит на аэродром!

— Ну, хоть издали... Издали тоже видно. Там реактивных много... Поехали? В Толмачихинской пересядем на встречную и вернемся. В шестом часу будем дома.

— Поздно.

— Тогда в пятом. Идет?

— Идет.

На Мостовой тамбуры освободились. Ребята прошли в полупустой вагон и устроились у окна. Внизу, уходя вдаль, простиралась родная Перевалка, серая и плоская. Еле видимая в осенней мути, тянулась насыпь от лесозавода. Низкое небо вызывало такое сильное чувство ожидания дождя, что казалось, будто дождь и в самом деле начинается.

В Новом Городе пассажиров прибавилось. Мест не хватило, и многие толпились в проходе. Валерка оглядел тех, что стояли поблизости, но не обнаружил среди них достаточно пожилого человека, которому следовало бы уступить место.

Против Юрки сел усатый летчик и развернул газету. Юрка тотчас отметил, что усы нынче — редкость, а вот раньше, до революции, почти все мужчины ходили небритыми. У Аркадия есть папка с портретами русских композиторов, так из пятнадцати композиторов двенадцать с усами и бородами. Мальчишка, затенив свои глаза ладонью, стал рассматривать лицо летчика. Вдруг уши дяденьки вздрогнули и дернулись несколько раз взад-вперед. Юрка только рот разинул. Уши снова шевельнулись. Мальчишка окончательно смутился и, опустив голову, отвернулся к окну. «Может, человек больной, может, у него какой-нибудь родимчик, а я, как дурак, вылупился!» Но тут же он опять украдкой взглянул на летчика и неожиданно встретился с ним глазами.

— Видел?— спросил летчик с улыбкой.

— Что?

— Сигнализацию.

— Видел. Это вы нарочно?

— Нарочно. Когда я хочу познакомиться с каким-то человеком, я ему вот так вот сигнализирую. И мы непременно становимся друзьями.

— А каким вы это мускулом шатаете?— доверчиво спросил Юрка.

— Сам не могу понять. В общем, где-то на шее,— прошептал летчик, чуть склонившись к мальчишке.— Я еще в детстве научился.

— Я тоже научусь!— запальчиво заявил Юрка.— Так ведь можно переговариваться, да?

— Разумеется. Условиться, что, например, двадцать раз дернуть ушами — это одно, а сто раз — другое.

— А вы в Толмачихинскую едете?

— В Толмачихинскую.

— На аэродром?

— На аэродром.

Юрка не медля попросил летчика взять над ним с Валеркой шефство и по возможности познакомить с авиацией. Летчик согласился.

— Подайте-подайте... Несчастным на пропитание,— донеслось из конца вагона.— Двадцать копеек вам не в убыль, а слепому это кусок хлеба... Ради Христа, спасителя нашего, помогите горемычным, да ниспошлет господь милость на ваших ближних...

За свою жизнь Юрка видел нескольких нищих. Запомнил же он только мужика, у которого на обеих руках не было пальцев, но который таскал с собой гармонь и культышками, каким-то чудом извлекал из нее мотив «По диким степям Забайкалья» и хрипло подпевал. Люди ему подавали, и Юрка понял, что деньги ему дают не за гармонь, не за пение, а из-за его несчастья.

Между тем голос нищенки звучал уже рядом:

— Подайте, подайте... Слепой и бедной сиротке... Подайте... Кто как, кто что... С миру по копейке, нищему похлебка... Ради Иисуса...

Слышался частый стук мелочи о жестяное дно кружки или консервной банки. Нищая никого не благодарила.

Валерка знал, что у него нет ни гроша, но какое-то скорбное чувство так проняло его, что он обшарил оба кармана и неожиданно обнаружил двадцатник. Он обрадовался монете и стиснул ее в кулаке.

— Христа ради просим,— монотонно выводила слепая, протискиваясь к лавке, где сидели ребята. Она толкала перед собой маленькую девочку, которая мелко перебирала ногами и равнодушно-отрешенно смотрела вперед. Валерка с Юркой взглянули на девочку и вскинули брови.

— Катька!— прошептал в ужасе Юрка.

Девочка быстро подняла голову и, узнав ребят, испуганно попятилась, толкнув нищую.

— Чего ты шарашишься, прости господи!— проговорила старуха, отталкивая от себя девочку. Сухость и жесткость звенели в ее голосе. Старое, все в заплатах и дырах, пальто висело на теле нищей, как на колу.

И вдруг Юрка вздрогнул. Он узнал нищенку. Это была та старуха, которую они с Валеркой и тетей Верой видели в огороде Поршенниковых и которая ответила им, что дома никого нет! Да, да! Та самая старуха. Это она стояла среди подсолнухов, похожая на пугало.

Мальчишка, повернувшись к летчику, взволнованно проговорил:

— Мы знаем эту бабку... Валерка, помнишь?

— Помню.

— Мы знаем ее. И Катьку знаем. Она не сирота.

Старуха между тем, почуяв что-то недоброе, выгребла из кружки серебро, нервно ссыпала его в карман, сунула туда же кружку и двинулась к выходу, цепляясь за скобки сидений и таща за собой Катю.

— Что же делать? — испуганно спросил Юрка.

— А вы уверены?

— Конечно.

— Тогда действуйте.

Мальчишки недоумевающе смотрели в глаза летчику, затем Юрка схватил Валерку за рукав.

— Идем.

Они протиснулись следом за старухой, затем с трудом опередили ее, отдавливая кому-то ноги, и замерли перед нищей. Юрка ухватился за скобу. За эту же скобу взялась и старуха. Кожа на ее руке высохла и почернела, а жилы так резко выделялись, точно поверху опутывали кисть. Мальчишку пронзило мгновенное отвращение, но он не разжал пальцев.

Старуха тыкала другой рукой то в плечо Юрки, то в грудь, стараясь пробраться к выходу. Юрка не двигался. Он только перебрасывал лихорадочные взгляды с Катьки на старуху, со старухи на пассажиров и чувствовал, как к горлу подступает комок.

— Ну-ка пустите, кто тут? — прохрипела бабка.

Она вдруг резко двинула Юрку плечом, и маль-

чишка отшатнулся, освобождая проход. Валерка сам посторонился, втиснувшись между какими-то парнями.

Кто-то ругнул ребят, мол, что это за безобразие, мечутся по вагонам, наступают на ноги да еще пристают к людям, и без того обиженным судьбой.

— Мы их знаем! — крикнул наконец Юрка.— Это не нищие! Это Катька Поршенникова, наша ученица. У нее и мать есть.

В вагоне воцарилось молчание.

— Спаси нас, господи, ото зла,— проговорила старуха, живо крестясь и стараясь пролезть вперед.

— Товарищи, тут надо разобраться,— раздался мужской голос, и к виновникам всей этой сцены пробрался летчик. Он тронул бабку за руку, желая повернуть ее к себе лицом.

— Не надо от нас открещиваться, мы вам зла не желаем,— заговорил летчик, но старуха вырвала руку и опять закопошилась, расклинивая сгрудившихся пассажиров, однако толпа еще более уплотнилась.— Вы погодите, не вырывайтесь... Ребята говорят, что эта девочка учится...

— Учится,— перебил Юрка.— Она с нами учится, в третьем классе, и уже с полмесяца или больше не ходит в школу.

— Вот как? А я уже с полмесяца или больше встречаю ее в вагонах вместе с этой слепой женщиной.

— Слепой? — вдруг переспросил Юрка, позабывший было, что бабка действительно прикинулась слепой. Он быстро глянул на старуху, представил ее глаза открытыми и злыми, как тогда, на огороде, и крикнул: — Она же не слепая! Она врет!

Вагон ахнул. Над столпившимися возник второй ярус: некоторые пассажиры вставали на сиденья.

— Ах, даже вон как!— проговорил летчик.— Вот видите, как интересно получается, а вы, гражданочка, спешили скрыться... Да откройте, откройте глаза, а то веки вон в самом деле дрожат, устали.— Летчик присел перед Катей.— Девочка, а мама у тебя есть?

— Ироды! — прошипела вдруг старуха, открывая глаза и окатывая людей ненавистью.

Это был взгляд змеи, раздавленной колесом и готовой в агонии искусать и землю, по которой ползла, и траву, в которой укрывалась.— Ироды! Пустите меня!— И она полезла прямо на людей, тыкая руками куда попало и исторгая из горла какие-то прерывистые звуки. Но пройти было совершенно невозможно, и бабка в бессильной злобе, все более и более подвывая, начала колотить в грудь стоявшего рядом паренька. Сперва парень как-то смущенно и даже с улыбкой загораживался руками, но когда старушечий сухой кулак угодил ему в зубы, паренек энергичным движением схватил старуху за руки и сжал их, багровея от гнева. Старуха хотела было грохнуться на пол, но парень держал ее крепко, и она только задрыгала ногами, брякая кружкой и рассыпая мелочь.

Катя заплакала навзрыд. Летчик прижал ее к своим коленям, успокаивая.

— Ишь ведь что выплясывает, старая ведьма! Почуяла неладное и забрыкалась,— проговорила какая-то женщина.— И про Христа забыла.

— Шарлатаны проклятые, что делают!

— Девчонку-то, девчонку как настропалила!

— Да отпусти ты ее, пусть лбом поколотится, скорее в себя придет.

Запрокинув голову, бабка продолжала разыгрывать припадок. И никто уже не знал, что предпринять, как вдруг сзади послышалось поспешное распорядительное:

— Разрешите... Дорогу... Дорогу, товарищи... У меня, кстати, оказался с собой шприц. Сейчас мы этой голубушке... позвольте... впрыснем успокоительное...

Все обернулись. К середине вагона, к этому кратеру своеобразного вулкана, пробирался человек, подняв над головой саквояж. Старуха, услышав о шприце, мгновенно успокоилась, подобрала ноги и встала, с силой рванув свои кисти из цепких пальцев парня.

— Издеватели! Что мы вам такое сделали, что вы измываетесь?

Наконец человек с саквояжем протиснулся. Он оказался пожилым, в шляпе и в очках.

— Встала уже?.. Вот видите. Будь у меня на самом деле шприц, я бы ей непременно чего-нибудь впрыснул, хоть и не доктор.

— Вы не доктор? — спросил летчик.

— Что вы, я бухгалтер. Дело в том, что и я не раз видел эту особу с девочкой, и всегда у меня щемило сердце... Я благодарен этим молодым людям за их решимость,— кивнул он на Юрку и Валерку.— А вас, уважаемая, нужно немедленно в милицию, немедленно!

— В милицию ее. Где живет, прямо там в милицию и сдать! — поддержали пассажиры.

— Ну что, ребята? — спросил летчик.— Что будем делать? Где, вы говорите, они живут?

— На Перевалке. Это остановка Мостовая. Обратно ехать.

— Обратно?.. Ну что же, давайте тогда к выходу... На первом же полустанке сойдем... Бабушка, прошу.

— Может, помочь? — спросил бухгалтер.

— Справимся,— ответил летчик.— Нас трое. Спасибо, что истерику сорвали.

— По-моему, мать этой девочки тоже... штучка. Разберитесь.

На остановке, где был лишь дощатый навес, электричка замерла секунд на десять и покатилась дальше, постепенно тая в мутной и жухлой осенней дали.

— Отлично, пойдемте под навес, тут холодно, и подождем встречную электричку. Она вот-вот будет.

И они отправились под навес, где уже укрылась старуха. Покосившись на нее, летчик вдруг проговорил:

— Так уточним нашу задачу. Приезжаем на Мостовую и потом?

— Сдаем в милицию,— сказал Юрка.

— Все же в милицию?.. Ну что ж, в милицию так в милицию. Я, правда, ни разу не имел дел с милицией.

— Мы тоже,— заметил Валерка.

— Вот видите... Ладно, как-нибудь провернем.

Катя стояла между летчиком и Юркой, съежившись, в латаном пальтишке. Платок почти развязался и надвинулся на глаза, но девочка не поправляла его. Она в самом деле походила на нищенку, сироту бездомную. Юрка все порывался спросить, как так получилось, что она стала шататься по вагонам, но сдержался, чувствуя, что Катя все равно ничего не ответит, а то еще и разревется.

Продолжение в следующем номере.

МОЯ ДЕРЕВНЯ

Мария ЖАННА КАРОН

Центрально-Африканская Республика

Перевод В. Викторова.

Рисунки П. Кирпичева.

Цепочкой
Хижины стоят,
Соломой крыш
На мир глядят.
А в центре —
«Дерево бесед».
Во всей округе
Выше нет.
И слышал я от стариков —
Ему не меньше трех веков.
Оно касается небес.
Я целый день
По сучьям лез.
Там птицы Кайя
Гнезда вьют

И с криком
Вверх и вниз снуют.

На стенах хижин
С давних пор
Владельцы делают узор:
Рисуют известью зверей,
Рисуют птиц,
И рыб,
И змей.

На крышах сушится
табак,
Цветет пунцовый
портулак.

По вечерам
Спадает зной,
Все гуще тени под
листвой.

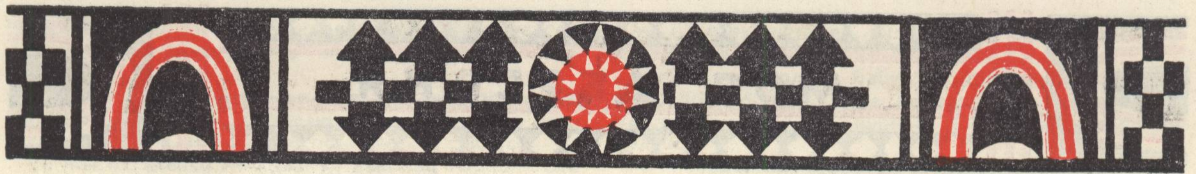

У женщин — отдых
от работ,
Скамейку
Каждая берет.
А на скамьях
Для красоты
Железом выжжены цветы.

К вождю
Под «дерево бесед»
Идут мужчины на совет.
Мерцают трубок
огоньки —
Пурпуровые светлячки.

Над очагами
Там и тут
Дымки кудрявые плывут...

Угомонилась детвора.
Проснулись звезды.
Спать пора...

ХОРОШИЕ РЕМЕСЛА

Хороших ремесел
На свете немало.
Без них наша жизнь
Невозможной бы стала.

Горшечник
Из вязкой бесформенной
глины
Искусными пальцами
Лепит кувшины.

Рыбак
Достает круглым неводом
рыбу,
Чтоб вкусный обед
Мы готовить могли бы.

Корзинщик
Из пальмовых листьев
и веток
Сплетет сколько хочешь
Корзинок и сеток.

Баоро — пастух
Ходит берегом Шари,
Торгуя быками
На каждом базаре.

Вот плотник.
Он делает способом
древним
Сараи и хижины
В нашей деревне.
Мой домик
Из глины, травы и соломы
Не хуже
Любого кирпичного дома.

Кузнец
Из огня добывает секреты.
Для девочек наших
Кует он браслеты,
Кует он для мальчиков
Легкие стрелы,
Чтоб каждая
К цели,
Как птица, летела!

Нам угольщик
Топливо
Носит
Из леса,

И сам он
Чернее,
Чем уголь древесный.

Охотно мы учимся
Разным ремеслам —
Все-все пригодится,
Когда станешь взрослым!

ВСЕ СПИТ

Хижина спит.
Плотно дверь заперта.
Тишина.
Темнота.
Теснота...

Лег малыш на бочок,
Сжав во сне кулачок.

Спит усталая мать
На циновке в углу.
Морду в лапы зарыв,
Дремлет пес на полу.

Сидя спит попугай,
Спрятав клюв под крылом.
Стоя спит табурет
Под убогим столом.

И сверчок
Не скрипит:
Утомился и спит.

Спит под пеплом огонь.
Спит в кувшине вода.
Только ходики в доме
Не спят никогда.
И, конечно, не спит
Ненасытный термит.
Ненасытный термит
Челюстей не щадит...

Хижина спит.
Плотно дверь заперта.
Тишина.
Теснота.
Темнота...

ГНЕЗДО ЛАСТОЧКИ

Много ли
Ласточке
Надо
Для дома?
Горстку земли
И охапку соломы.

Недаром любуюсь
Я птичьим гнездом —
Похож на него
И мой собственный дом.

Много ли надо
Для нашего дома?
Глины — для стен
Да на крышу — соломы...

КРОКОДИЛ

Он дремлет, дремлет,
Крокодил,
Он брюхо в воду опустил.
Лежит себе бревно
бревном,
Кора зеленая на нем.

Он дремлет, дремлет,
Крокодил,
Но пасть зубастую
раскрыл,
А на спине торчат бугры,
Как зубы дьявола, остры.

Он дремлет, дремлет,
Крокодил,
Но глаз и ухо навострил.
Ох, берегись его, рыбак, —
Ведь он охотник до зевак...

Т. МОРОЗЫЧЕВА

«СДЕЛАМ!»

Валя на занятиях по связи,

Когда звездный корабль «Восток-6» и его хозяйка Валя Терешкова были уже на земле, один журналист спросил Валю:

— Кого из самых близких друзей Вам хотелось бы сегодня обнять?

Валя ни минуточки не задумалась.

— Есть у меня в Ярославле подруга Таня Морозычева,— сказала она.— Если б когда-нибудь мне было плохо, я пришла бы к ней. Сегодня я счастлива. Хочется, чтобы рядом, вот тут, была Таня. Я знаю, она думает обо мне. Передайте, я обнимаю ее сегодня, мы скоро увидимся...

Самая близкая подруга... Интересно, какая она? Когда они подружились с Валей: давно или не очень? И как дружили? О чем говорили, когда были вместе? Что любили делать?

Нам до мельчайших подробностей известно все, что касается полета Вали в космосе, мы знаем, как мужественно и спокойно вела она свой корабль в просторах вселенной, а какая Валя в жизни, какой у нее характер, как ей удалось стать космонавтом?

Эти вопросы каждый день задают нам ребята, и мы попросили рассказать об этом Таню. Наш корреспондент В. Матвеев записал ее рассказ.

ВИНОЙ ВСЕМУ БЫЛ ПАРАШЮТ

Девчонками мы с Валей не дружили, просто не знали друг друга. Но зато, когда подружились, часто вспоминали детство — обеим было что вспомнить.

Познакомились мы позже, в 1959 году. Как-то в аэроклубе я записывала новичков на комиссию. Вдруг в комнату с гамом влетает толпа девчат. Впереди шустрая такая девчонка, веселые глаза.

— Тань, успокой ты эту компанию, а то, видишь, белых халатов испугались.

Интересная, думаю, повадка! Вызнала, как меня зовут, и разговаривает, словно с давней подругой. Обо всем расспросила: давно ли я прыгаю, страшно ли, сколько у меня прыжков. А сама все на своих поглядывает. «Видите, девчонки, совсем это не страшно». И первой к врачу. За ней и остальные.

Оказалось, вся компания — ткачихи с комбината «Красный Перекоп», а их предводительница — Валя Терешкова.

После комиссии, смотрю, Валя ждет меня.

— Знаешь, я хотела еще спросить...

«Ну и настырная,— думаю про себя,— девчонка!» А сама чувствую: нравится она мне своей настырностью.

Так и ходили весь тот вечер по улице от одного угла до другого. Мне домой в одну сторону, Вале — в другую. Сначала она меня провожает, потом я ее.

СКОЛЬКО ПЕСЕН ДО АЭРОДРОМА?

Тот, кто никогда в жизни не прыгал с парашютом, думает, наверное, что самый страшный прыжок — первый. А на самом-то деле не первый, а второй. Перворазник ждет и боится одного — шага в непривычную, пугающую пустоту. А перед вторым прыжком знаешь, что будет после него. И снова решиться на все это не так-то просто.

На второй прыжок девчата с «Красного Перекопа» ехали в автобусе молча. Вот уж чего никогда не случалось! Когда ездили смотреть,

как другие прыгают, настроение было повеселее! Дорогу на аэродром меряли песнями. Отсюда — восемь песен, а вот от того поворота — пять.

Но тогда ездили не прыгать... А сегодня... Страшно сегодня девчатам, да кому в этом признаешься?

Ты ведь тоже не любишь признаваться, когда тебе страшно. Боишься плыть через пруд, но плывешь за другими. Злишься на себя за свой страх, а ворчишь на Петьку.

Может быть, девушки с «Красного Перекопа» не поехали бы на аэродром, если б не Валя. Стыдно перед ней в трусости признаваться. Едут и втихомолку ее поругивают.

А она посмотрела на всех лукаво и тихонько так говорит:

— А знаете, девчонки, я с собой на прыжок зайца брала. Правда, правда! Засунула за пазуху. Дай, думаю, проверю, верно ли про зайца говорят, будто он первый трус.

— Ну и что же?

— Приземлилась, смотрю — цел и даже улыбается.

— Врешь ты все! — сердятся девчата.

А игрушечный заяц и вправду за пазухой у Вали сидит. Валина племянница Оля сказала, что зайчишка тоже хочет попрыгать. Ну как его не взять, пушистенького?

И вот уж и запели девчата в автобусе. Сначала протяжную, за ней другую, уже повеселей, а до аэродрома еще целых десять песен!

ТИ-ЛИ-ЛИ...

Небо сегодня голубое-голубое. Где-то над летным полем висит на нитке жаворонок, а еще выше разворачивается в широком вираже наш видавший виды «ЯК-12». Сегодня с него будет прыгать Валя. Пилот Володя Кондратьев, наверное, уже подал ей команду, Валя подошла к дверце. Открыла ее, поправляет парашют...

Девчата поодаль от меня притихли и впились глазами в черный квадратик на борту.

Мне очень хочется, чтобы Валя прыгнула здорово! Так, чтобы девчата с «Красного Перекопа» перестали наконец боязливо жаться друг к другу и уже без опаски подходили к самолету.

Я знаю, тебе тоже этого хочется. Но что поделаешь, если хочется, чтобы получилось так, а выходит иначе.

С первого мгновения Валю вертануло в штопор, а когда ей удалось открыть парашют, его вдруг потянуло в сторону, к самому краю летного поля и даже еще дальше, туда, где за рощицей паслось колхозное стадо. Буренки глядели на нежданную гостью, недоумевая, откуда она тут взялась...

Ты, наверное, удивишься, когда узнаешь, что у Вали было много неудачных прыжков, что многие в аэроклубе были «счастливее» ее. То, что у них получалось легко, стоило Вале больших трудов.

— Ну почему, ну почему, почему у меня хуже, чем у людей? — сжимая кулаки, спрашивала Валя. — Неужели я такая кулема?

Как-то на соревновании Валя «расклевала баранку» — значит, получила ноль очков за то, что не сумела выйти из штопора и «клевала», летя вниз головой.

В сердцах Валентин Иванович, Валин инструктор, крепко отчитал ее.

Возвращаюсь я после прыжка, Вали нигде не видно. А с аэродрома, говорят, она не уезжала. Что за напасть!

Вдруг смотрю, будто бы кто-то далеко, у самого края летного поля, в траве лежит. Посмотрела через стереотрубу — точно, Валя лежит. Подбегаю, а у нее глаза полны-полнешеньки слез. Вот-вот заревет. И верно, только захотела что-то сказать, а они, слезы, так и полились ручьем.

— Опять проклятое ти-ли-ли!

Ти-ли-ли — это такое особое Валино словечко. Его надо услышать. Валя так называет штопор, болтанку, неудачный прыжок, но в нем слышится гораздо большее: гнев, злость, досада.

Что греха таить, многие девчонки после неудачного прыжка плачут с досады. Но часто бывает: поплачут-поплачут втихомолку, а потом, глядишь, махнут рукой на небо — только их на аэродроме и видели.

А эта нет. Утерла слезы, тряхнула головой.

— А вот все равно! Увидишь, Танюша, сделам!

Это озорное «сделам» от «сделаем» идет у Вали в ход, когда бывает особенно трудно, но через это «трудно» она решила переступить, как бы ни было тяжело.

...Может быть, тебе знакомо это. Вспомни, как бегут на контрольной считанные минуты: десять, пятнадцать, двадцать, — а проклятая задача, задачка-неудачка, все никак не дается тебе. С какого бока ни подступишь, не видно ни одного хвостика, за который можно было бы уцепиться: все так хитро спрятаны.

А другие ребята тем временем уже давно отложили в сторону черновики и переписывают набело. Слышно только, как перья скрипят. И ты тоже лихорадочно начинаешь делить, складывать, умножать, просто так, напропалую. Понимаешь, что делаешь не так,

но надо хоть что-то делать! Вот тут-то и вертануло тебя в штопор. Началось ти-ли-ли, как сказала бы Валя. Но она не станет на твоем месте метаться в отчаянии! Ручаюсь, она бы сказала: «А вот все равно сделам!»

И взялась бы медленно и спокойно распутывать коварный клубок. Может быть, и не решила бы задачу на этот раз. Но все равно не сдалась бы!

Ведь дело-то не в задаче и не в удаче, а в характере. Задачка крепка, а характер крепче. Страх перед темнотой силен, а характер сильнее. И так всюду. Многие прыгали лучше Вали. А в школу космонавтов попала она. Характер оказался сильнее неудач.

ЧТО ОСТАЛОСЬ ОТ ДЕТСТВА

Долго мы с Валей удивляли наших знакомых.

— Все прыгаете?

— Все прыгаем.

— На танцы сегодня, конечно, не пойдете?

— Не пойдем.

— А в сад не хочется?

— Нет, не хочется.

Это мы врали, конечно. В сад хотелось. Для чего же я тогда себе и Вале новые платья сшила? Шила, старалась, получилось, по-моему, так себе. А Валя говорит:

— Отличное платьице! Никогда у меня такого не было. Вот бы в нем в сад сходить. Жаль только, некогда...

Ну, а если уж и пойдем куда-нибудь, в кино или в гости, и тут умудримся поговорить о парашютных делах. В девять уже вскакиваем: пора уходить.

— Что вы в такую рань собрались? — недоумевают хозяева.

— У нас завтра подъем в два часа.

Опять удивление.

Летом утро лишь забрезжит, а мы уже на аэродроме. Полеты начинались еще до солнца, когда вокруг все тихо-тихо. Даже птицы еще спят.

Вставать приходится затемно. Но зато перед прыжками нам разрешают ночевать в аэроклубе. Устраиваемся на укладочном столе (он огромный, метров двадцать в длину да два в ширину) или на стеллажах — они тоже широкие и в несколько этажей. Уляжемся, где кому нравится, и болтаем или песни распеваем. Удивительно приятное дело — лежать, зарывшись в пахучий шелк парашютов, и откровенничать в темноте.

В полночь Валя толкает меня в бок.

— Пойдем скупнемся.

Мы спускаемся к пустынному пляжу. Громко шуршит под ногами песок, вода плещет о деревянные сваи. Мы любим ночные путешествия к реке. В эту пору легко говорятся всякие девчачьи секреты.

Любим мы бродить и по ночному городу, когда кругом все спят. Этого всегда хотелось в детстве, но тогда мамы не пускали. Они и сейчас ворчат, когда нас долго нет вечерами. Хорошо все-таки, что мы выросли, а чувствуем себя, как в детстве.

Валю в детстве тоже, оказывается, звали «боеч». У нас в Ярославле это то же, что всюду «сорвиголова», атаман, заводила. Ей не хотелось отставать от мальчишек. Если один из них кинулся в воду с моста, а другие от восхищения рты разинули, Валюшке тоже непременно надо кинуться с того же самого моста. Мальчишка, горделиво поглядывая на всех, гарцует верхом на лошади. Неужели же девчонка не сможет доказать, что она проскачет не хуже? Мальчишки хвалятся своим, будто бы недоступным девчонкам умением бросать камни далеко-далеко. Надо доказать, что и девчонки, если захотят, могут бросить камень в такую же даль. И драться они могут почище мальчишек. А работать даже лучше.

Равноправие! Это же ведь не только закон страны. Это чувство таких вот девчонок. Оно

Валя и Таня после прыжка.

На летном поле Ярославского аэроклуба.

в душе живет у девчонки, равноправие. Она так и говорит мальчишкам: мы равноправные, — а про себя-то думает, что она еще и получше их.

«ВЕДЬ МЫ, ПАРАШЮТИСТЫ, ОТЧАЯННЫЙ НАРОД»

Однажды приходит Валя в аэроклуб, и чувствую: у человека случилось что-то необыкновенное. Печальное или радостное? Да, конечно же, радостное!

— Танюш, понимаешь, выбрали меня секретарем комитета комсомола...

— Ну, теперь для Терешковой парашют погиб, — говорили в клубе. — С ее беспокойным характером — секретарь! Дел выше носа!

Да не тут-то было. По-прежнему на рассвете вспыхивал над летным полем купол ее парашюта. И это было удивительно похоже на то, что говорилось в песне, которую мы с ней в ту пору распевали и в воздухе и на земле.

В ней пелось об отчаянном и веселом народе — парашютистах, которые ни свет ни заря уже в небе. Ранние прохожие смотрят вверх и сокрушенно покачивают головами: «Какой черт занес их в такую рань под облака!», — а потом, видно, поняв, желают им «ни пуха ни пера».

Приземлившись, Валя складывала парашют и бежала к машине. К началу рабочего дня она должна быть на комбинате. И у проходной ей встречаются те самые ранние прохожие, которые видели в небе ее белый парашют, и, узнавая ее по синякам, улыбаются.

Но однажды, отпрыгавшись чуть свет, мы приехали в город раньше, чем всегда.

Идем по набережной, разговариваем.

Утро выдалось теплое, тихое.

От воды парок поднимается. И видим мы с Валей, что на водной станции, неподалеку, ни души. И вышка для прыжков в воду никем не занята. Ни в субботу, ни в воскресенье к ней просто не пробьешься: столько там народу. И вдруг такая возможность попробовать сальто!

Посмотрели мы друг на друга и, ни слова не говоря, бегом к вышке.

Я забралась на верхнюю площадку — в это время как раз солнце показалось — и солдатиком в воду.

Шлепок получился такой, что воробьи в страхе поднялись в небо. И вдруг, разбуженный этим шумом, появляется откуда-то сердитый бородатый старик. И как закричит на меня!

Я даже испугалась. А Валя смотрит на эту сцену с высоты и хохочет.

— Да он же добрый, этот старик. Он же нарочно сердитым притворился, ведь правда?

И рассказала старику, кто мы и как оказались в его владениях. Послушал дед и говорит:

— Так вот, значит, с кем я дело имею!

Пошел в свою будку и выносит нам наши вещички.

Оказывается, он их до этого спрятать успел.

— Раз такое дело, даю вам разрешение. Каждый день можете приходить. Только смотрите, чтобы обязательно рекорда достигли!

— Достигнем, дядя Ваня, — говорит Валя. — Дайте срок, обязательно достигнем.

Так до осени и ходили по утрам на купаль-

ню к дяде Ване. И всех аэроклубовцев с собой водили.

Жаль, на следующий год дяди Вани на водной станции не было. Может быть, он так и не узнал, что Валя выполнила свое обещание. Она достигла такого рекорда, о котором дядя Ваня даже не мог и подозревать...

«ПРОЩАЙ, ПОРА!»

В нашей песне о парашютистках был такой куплет:

О космосе мечтаем, в полет стремимся мы,
Чтоб прыгнуть нам на Землю не с неба,
а с Луны.
Ну что ж, дружок, прощай, пора
сказать ни пуха, ни пера,
Ни пуха, ни пуха, ни пуха, ни пера.

Мы с удовольствием пели этот задорный куплет, но разговоров о том, что кто-то из нас может в действительности стать космонавтом, мы не вели. Зачем разговоры?

Может быть, это была слишком сокровенная мечта, о которой не хотелось говорить. Мы знали, что полетит тот, кому очень посчастливится, но каждая из нас была внутренне готова лететь. Мы надеялись.

Знаю только, когда в райкоме комсомола принимали ребят в комсомол, Валя (она была членом бюро райкома) задавала каждому один и тот же вопрос:

— А хочешь ли ты быть космонавтом?

И всегда серьезно и весело слушала ответ.

Прошло некоторое время, и Валю вызвали в Москву... А вскоре от нее пришло первое письмецо. «Понимаешь, Танюша, летаем тут далеко, прыгаем высоко»,— писала она.

Я читала между строчек. Я догадывалась, где она теперь, моя Валя. И завидно было и очень радостно.

«Тут такие корифеи, представляешь, сальто с закрытыми глазами делают»,— писала она. А в следующих письмах уже сообщала: «Заднему сальто научилась. Могу соперничать теперь даже с тобой».

«Трудно. Сколько надо знать! Но ты не сомневайся, Танюша. Сделам!» И тут же, рядышком: «Пока не прыгай, я буду за тебя прыгать!»

Незадолго до полета Валя была у нас дома, в Ярославле.

Мы долго разговаривали в ту ночь. Валя была спокойна. «Все будет, как надо, Танюша, сделам!» — сказала она.

И сделала!

* * *

Наверное, ты тоже хочешь стать космонавтом. И тоже думаешь: «Но ведь все не могут быть космонавтами. Надо, чтобы очень посчастливилось, чтобы крепко повезло».

Когда-то я думала так же. А теперь знаю: «везенье» не так случайно, как может показаться. «Счастье» выбирает без промаха самого верного человека.

Значит, «везенье» можно сделать, как сделала его Валя! Правда, для этого много надо. Надо копить мужество, самообладание, выдержку. Уметь дружить. Научиться думать о других. И быть веселым человеком тоже, по-моему, нужно. И, конечно, крепко любить свою Родину! Тогда тебе и повезет.

Ну, а если нам с тобой все-таки не удастся стать космонавтами, все равно будем стараться: это даром не пропадет.

ЧУДО-ЮДО

Водяные жители
Чудо
Вдруг увидели:
Круглый глаз,
Четыре лапы.
И дивятся
Рыбы,
Крабы.
— Что за чудо!
И откуда
Это чудо,
Чудо-юдо!

И сказал
Морской Конек:
— Это страшный
Осьминог!
— Нет,—
Ответила
Минога,—
Половина
Осьминога!

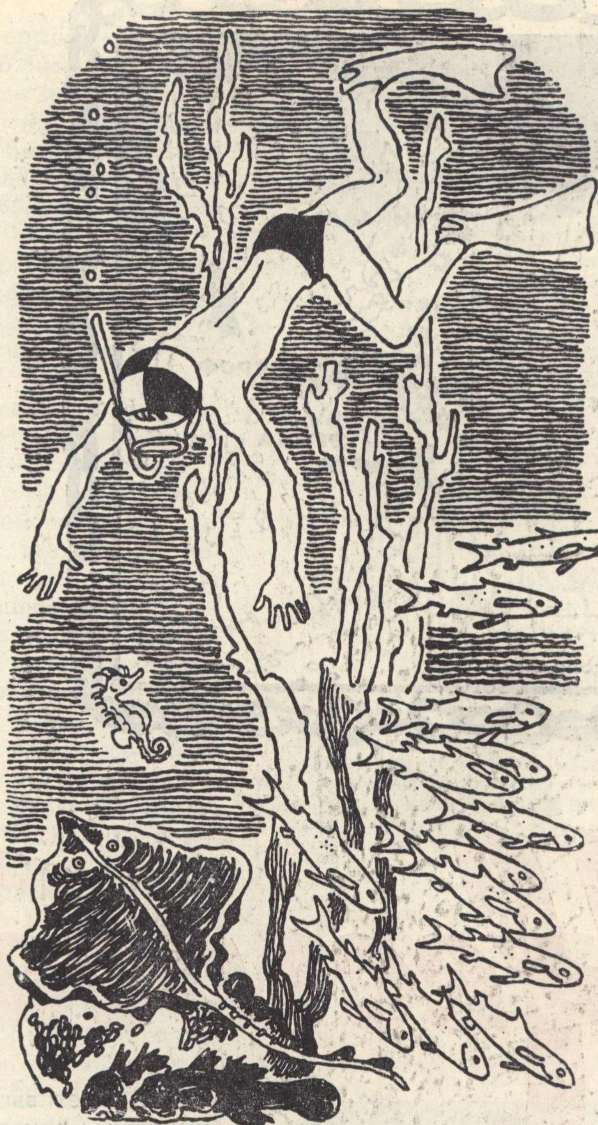
— Что нам делать!
— Мы пропали!
Врассыпную все:
Кефали
И Ставридки,
И Бычки,
И Морские Ласточки...

Опустел
Подводный скат.
Лишь на камне
Сонный Скат
Колыхается
Лениво:
— Где же, где
Морское диво!

Из-под камешка
Клешня
Указала
На меня.

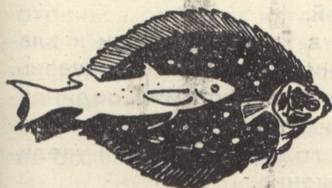
Не пугайтесь,
Это я!
Чудо-юдо —
Это я!
Я хвостастый,
Я глазастый:
У меня очки
И ласты.

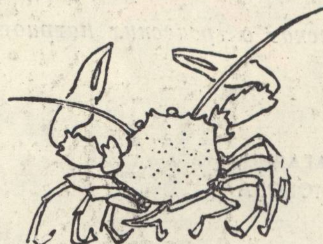
Стал подобен рыбе я,
Человек-амфибия!

Стихи Г. САПГИРА

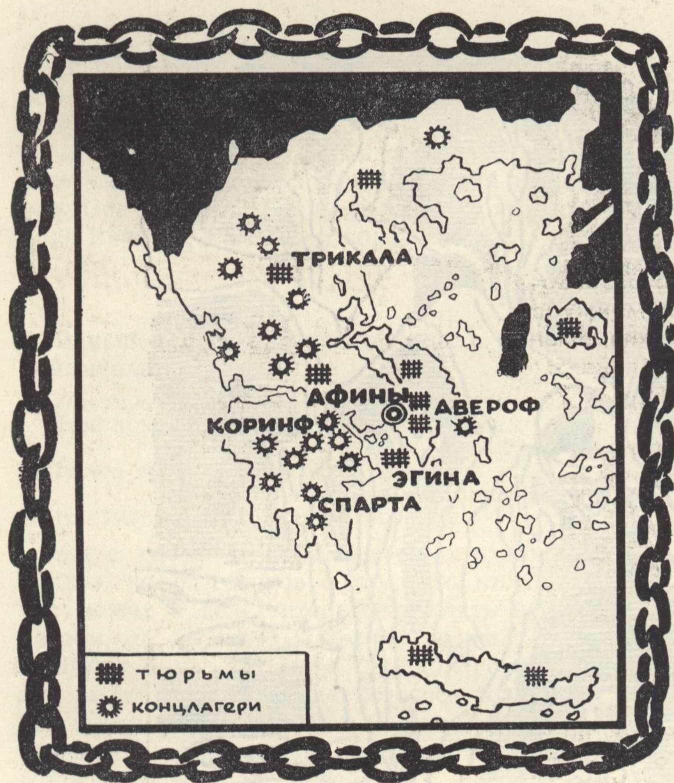
Рисунки Н. Цейтлина.

КАМЕНЬ И ВОДОРОСЛИ

Я видал
Под водой
Камень с рыжей бородой.
И представьте:
Масса рыбы
В бороде у этой глыбы!

Это карта Греции, страны, где впервые родилось слово «демократия». «Демос» по-гречески значит «народ», «демократия» — «власть народа». Но сегодня народ Греции в оковах. Посмотрите: сколько на карте тюрем, концентрационных лагерей! В них томятся сотни патриотов, бойцов движения Сопротивления фашизму.

Несгибаемые

Рассказ о греческих патриотах

Н. АГАЯНЦ,
С. ЛОБОВА

Все, о чем вы прочитаете здесь, мы узнали от зарубежных друзей, из документов и брошюр, изданных в греческом подполье. В руках у нас были тоненькие книжки, на обложке которых крупными буквами напечатаны названия самых страшных в Греции тюрем. Тоненькие книжки родились в застенках. Их авторы — политзаключенные.

Эти люди — настоящие герои, гордость всего греческого народа. В годы войны многие из них с оружием в руках сражались против итальянских и немецких оккупантов. Почему же бойцы Сопротивления, народные герои за решеткой? За что?

За то, что они любят свою родину и хотят видеть ее свободной и счастливой.

После разгрома Гитлера в Греции пришли к власти реакционеры, прислужники крупной буржуазии. Они вступили в сговор с империалистами Соединенных Штатов, предоставили им территорию для складов оружия и военных баз, год от года стали увеличивать расходы на вооружение.

Полицейский режим, насилие и террор — вот чем поддерживают свою власть реакционные правители. Патриотов, которые ведут борьбу за права народа, жестоко преследуют. Их заносят в «черные списки», арестовывают, заточают в тюрьмы без суда и следствия. Повсюду рыскают агенты асфалии (тайной полиции), они прислушиваются, выведывают, нет ли где «заговора», «красной опасности».

Коммунистическая партия Греции, прославившая себя в боях с фашизмом, вынуждена была уйти в подполье. А фашисты, такие, как военный преступник Мертен, который сжигал греческие города и деревни, разгуливают на свободе.

Охранникам реакционного режима внушают страх даже дети. В феврале нынешнего года полиция арестовала в Афинах двух братьев — Константина и Эвангелоса Ватис. Константину восемь лет, Эвангелосу — десять. Начальник полицейского участка, куда доставили перепуганных ребят, стал грозно допрашивать их, пытаясь выяснить «политические убеждения» братьев Ватис. Мальчишки молчали, не понимая, чего от них требуют. Когда в участок прибежал отец, полицейские холодно объяснили ему, что его дети являются «подозрительными лицами». Их «преступление» состояло в том, что они два раза в неделю ходили в Общество греко-советской дружбы... изучать русский язык.

Чудовищным пыткам подвергаются патриоты, брошенные в тюрьмы. В Греции 1 178 политических заключенных. Многие из них находятся за решеткой около двадцати лет — со времени фашистской оккупации. Так, 468 узников тюрьмы на острове Эгина отсидели в общей сложности 6 463 года!

Тринадцать лет назад по приговору военного трибунала в застенок был брошен герой-партизан Яннис Влахос. В тюрьме он тяжело заболел. Много раз передовая общественность Греции обращалась к правительству с требованием освободить Влахоса, дать ему возможность лечиться. Однако «помилование» пришло, когда Влахос был уже мертв.

Погиб в тюрьме и легендарный руководитель вооруженного сопротивления фашизму в Северной Греции Георгис Эритриадис. Когда он умирал, для него «не нашлось» ни врача, ни медикаментов.

Но герои Греции, даже расставаясь с жизнью, не сдаются. Недаром в народной песне поется:

Рыба не живет на суше,
И цветок — на песке,
А греки не могут жить
Без свободы!

Когда на суде одного из патриотов заставляли отречься от своих взглядов, он гордо сказал:

— Человек боролся тысячи лет, чтобы стоять на двух ногах. Как же вы смеете предлагать мне стать на колени?!

Да, те, кто проливал кровь за родину, кто любит ее больше жизни,— сильнее тюремщиков и палачей. Их не согнуть, не поставить на колени! Потому что с ними народ.

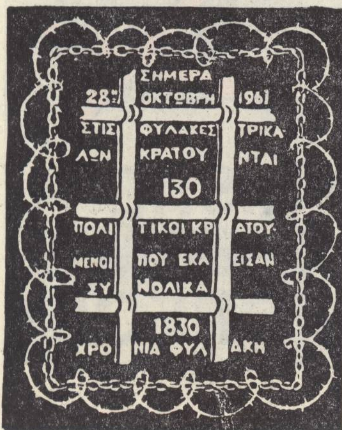
Эти рисунки сделаны художником, руки которого закованы в цепи. Верхний называется «Свидание». Только так, через железную решетку, могут увидеть патриоты своих близких. Внизу — тюремщик с дубинкой. По любому поводу он может избить заключенного.

«Амнистию греческим патриотам!» Это — требование всех честных людей земного шара. Оно написано на плакате, выпущенном участниками движения за амнистию политическим узникам Греции.

Так расправляются правители Греции со всеми непокорными. Полицейские — против студентов. Это сцена, которую можно увидеть на улицах Афин и Салоник. Но молодежь не запугаешь. Она вновь и вновь выходит на демонстрации протеста против режима насилия и террора.

«TRIKALA...»

«Трикала»... Ее называют греческой Бастилией. Старая, полуразвалившаяся крепость, построенная еще во времена турецкого господства. Крохотные сырые камеры. Без солнца, почти без воздуха. Небольшой мрачный двор — каменный колодец, куда заключенных выгоняют на «прогулку».

О том, что творится за стенами крепости, о ее страшном режиме рассказывает книга, которую вы видите на снимке слева. Она написана узниками «Трикалы». На обложке слова: «На 28 октября 1961 года в тюрьме «Трикала» находятся 130 политических заключенных, которые все вместе уже отсидели 1 830 лет тюремного заключения».

1 830 лет! Большинство узников (87 человек) были арестованы и брошены за решетку в возрасте 17, 20, 25 лет. Теперь они выглядят изможденными стариками. Вся их «вина» заключается в том, что они хотели мира, свободы и лучшей жизни для своего народа.

Безногий инвалид за решеткой — герой Сопротивления. Гравюра сделана одним из заключенных тюрьмы «Трикала».

«ЗАПРЕЩАЕТСЯ!»

По-гречески эта книга называется «Апагоревете!», что в переводе на русский язык означает «Запрещается!». Ее в течение долгих дней, тайком от надзирателей писали узники греческих тюрем. Эта книга — самое яркое и убедительное свидетельство их героизма и несгибаемой воли.

Те, кто отгородил патриотов Греции от всего мира высокими стенами темниц, колючей проволокой концлагерей, хотят, чтобы герои отказались от своих идеалов и убеждений, от борьбы за мир и независимость своей родины. Их лишают самого необходимого. Им запрещают все.

Об этом рассказывается в книге «Апагоревете!».

Камеры, в которых держат заключенных, сырые и холодные. Отопление запрещено. Вот почему среди узников так много больных ревматизмом и туберкулезом. Им не оказывают медицинской помощи: это тоже запрещено.

В течение многих лет заключенные получают на завтрак кружку пустого чая. На дневное питание тюремные власти расходуют сумму, равную стоимости... пачки сигарет. Заключенным запрещено писать, петь, разговаривать.

Все это запрещается палачами с помощью дубинок и прикладов, зуботычин и пинков. За малейшее нарушение «правил» — карцер.

Палачи боятся, что правду о чудовищных условиях, в которых находятся греческие политические заключенные, узнают все честные люди на земле. Но разве можно спрятать правду?!

Она, как птица, летит из тюремных камер, зовет народ к борьбе за освобождение патриотов.

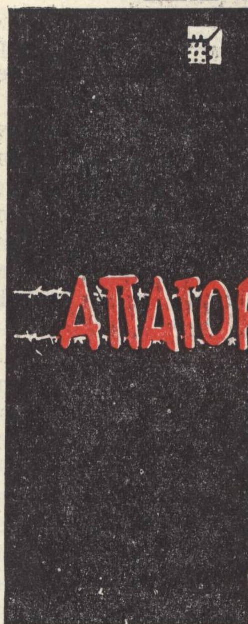
Перед вами первая страница и обложка книги «Запрещается!». На верхнем рисунке изображены греческий флаг над Акрополем и поверженная, растоптанная фашистская свастика — напоминание о подвиге, совершенном Манолисом Глезосом.

ΚΑΤΩ ΑΠ ΤΗ ΣΚΙΑ ΤΗΣ ΑΚΡΟΠΟΛΗΣ

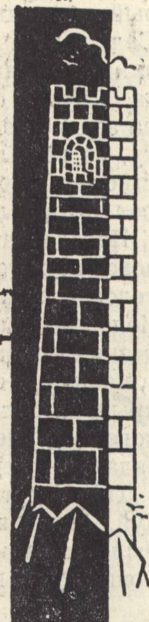

ΟΙ ΕΛΛΗΝΙΚΕΣ ΦΥΛΑΚΕΣ

Эта книжка написана узниками тюрьмы на острове Эгина.

Как весной под толстым слоем льда и снега пробиваются ручейки, так под тяжелым покровом реакционного режима вспыхивает огонь народного возмущения. Сегодня Грецию охватило мощное движение за амнистию политическим заключенным и восстановление в стране демократических прав. В этой борьбе участвует почти все население. Все чаще предъявляют свои требования трудящиеся. Бастуют портовые рабочие Пирея и строители Афин, учителя и студенты. Только за первые месяцы этого года в забастовках приняло участие более ста тысяч человек. Недалек тот час, когда заря свободы взойдет над многострадальной Грецией. Рухнут темницы, и народ пойдет по пути справедливости и счастья!

Велосипед и его семейство

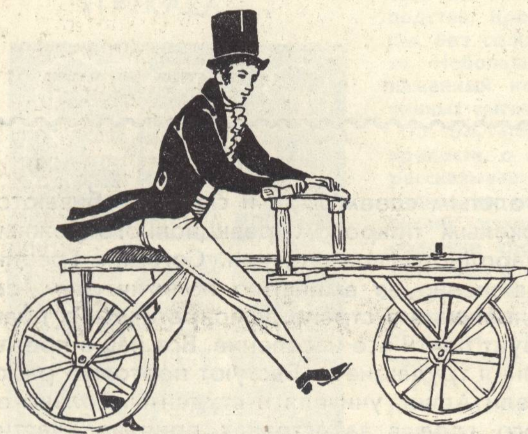
А. НЕКРАСОВ

Рисунки Г. Алимова.

Нет, наверное, на свете мальчишки, который не мечтал бы о мотороллере. Еще бы! Сел, нажал на стартер, дал газу — и мчись, как ветер, на стадион, на другой конец города. Скучно одному ехать — сажай товарища на заднее седло — и вместе за город, на речку, на рыбалку, мало ли куда!.. Удобно, быстро, дешево: ведь бензину-то совсем мало берет мотороллер.

Передвигаться быстро и дешево... Нет, это вовсе не детская забава. Добрая часть усилий человечества ушла на решение этой задачи. Колесницы фараонов и римские мосты, железные дороги и современные автострады, автомобили и самолеты, корабли на подводных крыльях и пассажирские ракеты — все это в конечном счете варианты решений все той же задачи — передвигаться быстро и дешево!

Тысячелетиями самым быстрым и, пожалуй, единственным средством передвижения была лошадь. Сейчас мы с улыбкой обгоняем лошадку, рысцой трусящую по шоссе. А было время, и совсем ведь недавно, когда в Сибирь скакали на тройках, когда на конных дорогах стояли подставы и станции, когда лихие ямщики с гиканьем, со свистом неслись по дорогам, и тот путь, который сейчас на мотороллере можно проделать за час, пробегали за сутки! И казалось тогда, что это очень быстро, что быстрее и невозможно ехать; и только в мечтах да в сказках жили крылатые кони, ковры-самолеты и бегуны-скороходы, которые могли бы обогнать простого коня...

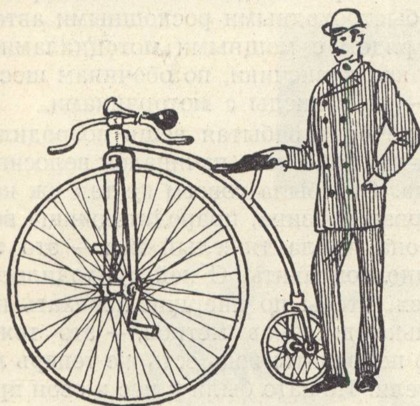

Вот так выглядела дрезина — прародительница всего множества велосипедов, мотоциклов и мотороллеров.

Но вот лет двести назад появилась на свете странная игрушка: два колеса, перекладина с седлом и руль... Больше ничего. Человек садился на седло, брался за ручки руля, разбегался вместе со своим странным экипажем и подбирал ноги.

Лошади косились на эту странную штуковину, и если бы они умели смеяться, они бы уж вдоволь посмеялись над этой нескладехой, посмевшей выйти на дороги. Но странная игрушка начала головокружительную карьеру: прошло немного лет — и «дрезины» (так назвали эту неуклюжую машину) уже сотнями катились по дорогам Европы. Потом переднее колесо у дрезины выросло до невероятных размеров, на оси появились педали, и чудовищные велосипеды-«пауки» быстро сменили дрезины. Что дало это большое колесо? Конечно, можно бы и на маленьком колесе поставить педаль, но тогда дрезина катилась бы очень медленно. Медленнее, чем прежде, когда седок разгонял ее ногами. А с большим колесом — другое дело. Большое колесо за один оборот пробегало метров шесть по дороге, и велосипед-«паук» сразу прибавил скорость. По хорошей дороге эти неуклюжие машины легко обгоняли самых быстроногих коней. Влезть на такой велосипед нелегко, но зато ехать на нем быстро и дешево. Во всех городах Европы были гонки на «пауках», были чемпионы, были рекорды. Тысячи безвестных мастеров, имена которых

давно забыты, каждый день вносили усовершенствования в конструкцию «пауков», и постепенно «пауки» становились нашим со-

Нелегко было забраться на седло такой машины, но если спешишь — пойдешь и на это.

временным велосипедом — машиной, которая сыграла в истории техники далеко не последнюю роль. Многие из этих усовершенствований умерли, едва родившись. Но многие прочно прижились и, больше того, начали свою самостоятельную жизнь, независимую уже от породившего их велосипеда.

Переднее двухметровое колесо отжило свой век. На смену ему пришла цепная передача... Велосипед стал удобнее. Подшипники трения уступили место подшипникам качения — шариковым. Велосипед стал много легче на ходу и сразу увеличил скорость. На смену

Для женщин в дни юности велосипеда придумали машину «поудобнее». У нее вместо педалей устроены подножки, вроде как у прялки. Но машина эта умерла, не оставив следа в истории велосипеда.

жестким шинам пришли упругие шины из цельной резины, а потом и надувные, пневматические... И вот тут велосипед показал, на что он способен: за короткий срок он стал чемпионом скорости, королем улиц и дорог. Только поезда еще пыхтели, соревнуясь с велосипедистами, но и они не всегда выходили победителями.

А люди уже заглядывали вперед. Им не терпелось освободиться от необходимости крутить ногами велосипедные педали. Паровую бы машину поставить на велосипед! Да тяжела она, паровая-то машина. Там нужен котел, вода, топливо. Значит, и кочегар нужен... Вот бы такой двигатель, чтобы без котла и без кочегара!

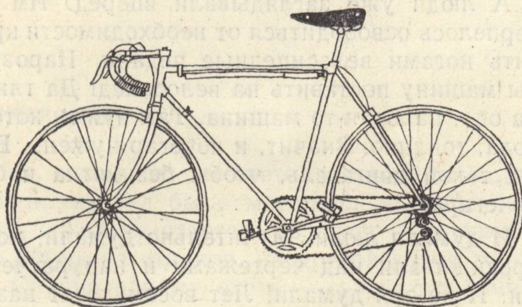
И думали люди. Мучительно думали, ночи просиживали над чертежами и над расчетами. И не зря думали! Лет восемьдесят назад появился первый на свете велосипед с механическим двигателем. Новый, легкий велосипедный двигатель, если бы его поставить рядом с сегодняшним двигателем от мопеда, показался бы вам тоже довольно тяжелой и неуклюжей машиной. Но главное в нем было уже найдено, решено и построено: не было у него котла, не было запаса воды для парообразования, не было топки. Но кое-что осталось в нем и от паровой машины — цилиндр, поршень, шатун, маховик... Только топливо не уголь, не дрова, а легкий высококалорийный бензин. И сгорал он не в отдельной топке, а прямо в цилиндре... И этот первый двигатель внутреннего сгорания работал, и первый велосипед с таким двигателем ездил! Вот в этом-то и была самая главная победа.

И так же, как недавно велосипед, стал совершенствоваться новый механический экипаж.

Двигатель скоро расстался с велосипедом. В те годы они не подошли друг к другу. Велосипед пошел своим путем — стал еще легче, еще дешевле, еще удобнее, но так и остался простым велосипедом с мускульным двигателем. А двигатель, построенный для велосипеда, пересел на четырехколесный экипаж, и от него родилось великое племя автомобилей.

Впрочем, недолго продолжался разрыв. Велосипед скоро вновь встретился с двигателем внутреннего сгорания, и появилась на свет новая машина — мотоцикл. Это была уже надежная, прочная машина, подешевле автомобиля и почти такая же быстроходная. А велосипед не хотел уходить со сцены. Он и до сих пор живет сам по себе и прекрасно обходится без мотора. И проживет еще не од-

но десятилетие, потому что из всех средств быстрого передвижения он как был, так и остался самым дешевым. Вскочил в седло, нажал на педали — и гони, пока силы хватит, по 30, по 40 километров в час! Быстро и дешево!

А с этим-то правнуком дрезины все вы знакомы — это наш советский велосипед.

Говорят иногда, что новое — это хорошо забытое старое. Это не всегда, конечно, верно, но иногда так оно и бывает. Так и с велосипедом получилось. Когда мотоциклы получили общее признание, когда и в армии они успели послужить и в хозяйстве научились работать, произошла новая встреча велосипеда с мотором. Это было лет 60 назад. В то время появились совсем маленькие моторчики, которые легко устанавливались на обыкновенный велосипед. И получилось неплохо: велосипеду больше и не нужно было мощности, и он резво бегал со своим бензиновым «сердцем». Да вот беда — уж очень ненадежным оказалось это «сердце». Казалось, ничего уже нельзя сделать. В технике часто возникают неразрешимые противоречия.

Так и тут получилось. Велосипедный моторчик должен быть очень легким. Это ясно. Но он должен быть и достаточно мощным. Чтобы с килограмма веса двигателя «снять», как говорят техники, наибольшую мощность, нужно сделать такой двигатель по возможности более быстроходным, многооборотным. Но детали быстроходного двигателя изнашиваются скорее, чем детали тихоходного. Значит, их нужно делать прочнее. А раз так, то они должны стать толще, больше, а значит, и тяжелее... И тут, казалось, замкнулся круг.

Но вот прошла вторая мировая война. Техника снова шагнула вперед. Появились новые прочные материалы, новые точные станки, и то, что вчера казалось неразрешимой задачей, стало обычным делом. Вот тут и вспомнили снова о моторе для велосипеда. И он появился, этот новый мотор. И он отлично служит теперь на дорогах всего мира, и рядом с быстроходными роскошными автомобилями, рядом с мощными мотоциклами стрекочут, как кузнечики, по обочинам шоссе мопеды — велосипеды с моторчиками.

И еще одна забытая вещь возродилась в наши дни: то, с чего начинался велосипед, — дрезина. Она была совсем не так уж неудобна, первая дрезина, прародительница велосипеда: она имела тяжелый ход — это теперь нетрудно поправить. С ней приходилось разбегаться, чтобы по инерции проехать на ней несколько десятков метров, — это тоже нетрудно поправить: ведь есть же теперь легкие двигатели. Но зато были у нее и свои преимущества. Велосипед — высокий, дрезина — низенькая. Значит, она устойчивее велосипеда и мотоцикла... И вот старушка-дрезина на шариковых подшипниках, на пневматических шинах с бензиновым двигателем снова вышла на дороги в виде новой, невиданной еще машины, получившей имя «мотороллер»...

...Когда нам было по 14 лет, мы мечтали о велосипедах. Это в то время было почти несбыточной мечтой: велосипедов не делали в нашей стране. Не было таких, как нужно, труб для рамы, не было спиц, ободов...

А сейчас свои автомобили строит наша страна, свои велосипеды, свои мотоциклы, мотороллеры...

Тут на вклейке изображены мотоциклы и мотороллеры. Рассмотрите их внимательно — вы найдете немало портретов своих давних знакомых.

Вы-то, уж, конечно, знаете все их марки, знаете, что по всей стране раскинулись автомобильные, мотоциклетные и мотороллерные заводы. И уж, конечно, мечтаете приобрести мотороллер... Но вот тут одно серьезнейшее препятствие стоит на пути к свершению вашей мечты: ваш возраст.

Пока что вам, ребята, остается только мечтать о собственном мотороллере... Впрочем, почему только мечтать? Сорганизуйтесь, создайте кружок, изучите это дело хорошенько, а там, глядишь, и сами построите мотороллеры, и, когда придет время получать настоящие водительские права, вы на своей детской автотрассе уже научитесь мастерски управляться с дешевой, общедоступной, быстроходной, экономичной и красивой машиной — ближайшей родственницей дрезины, велосипеда, мотоцикла и даже автомобиля — мотороллером.

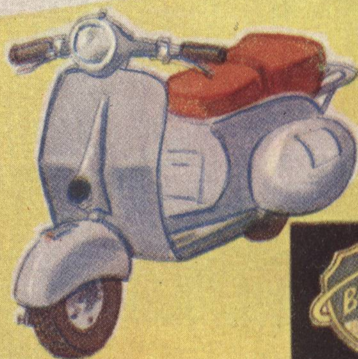
ВОТ ОНИ КАКИЕ РАЗНЫЕ

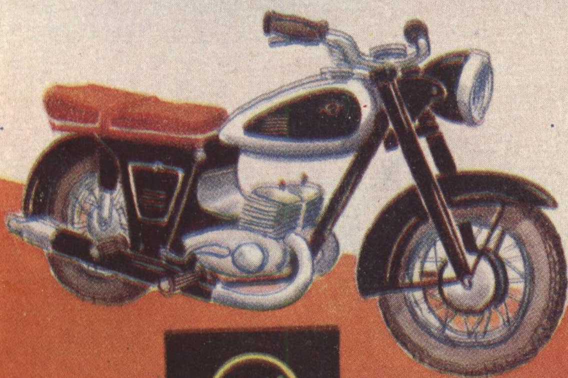

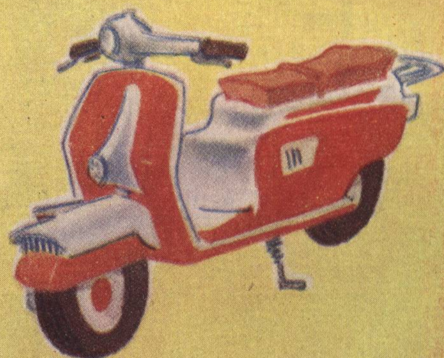

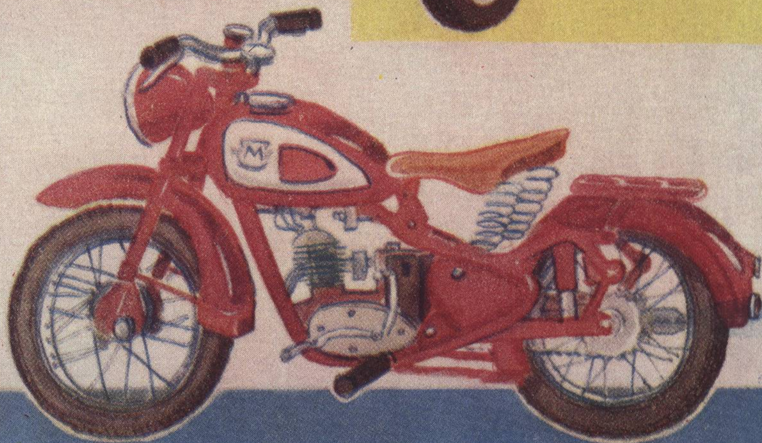

КИСТЬЮ, ПЕРОМ

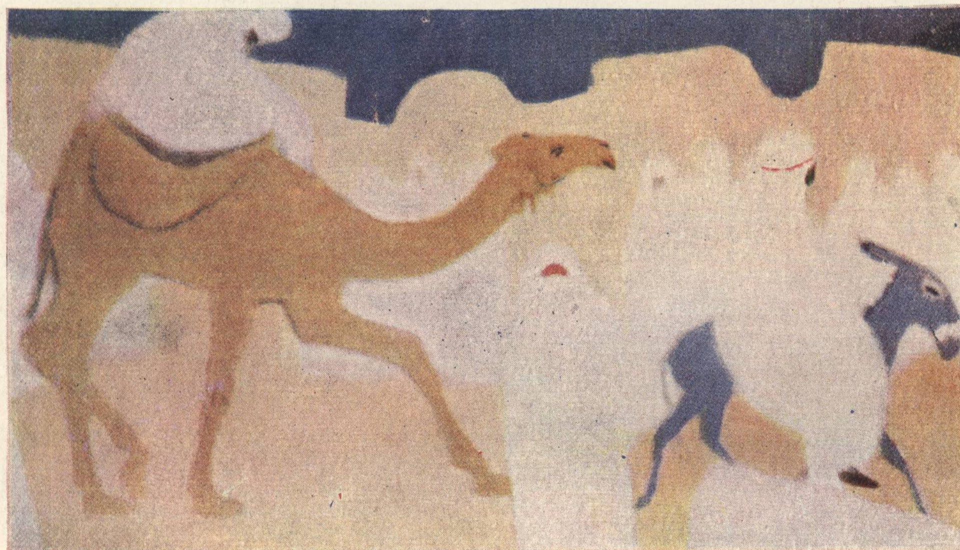
ЛОШАДИ С ЖЕРЕБЕНКОМ.

И. Ефимов.

ВАРАНЫ.

В. Федотов.

ВЪЕЗД В ГОРОД.

Г. Никольский.

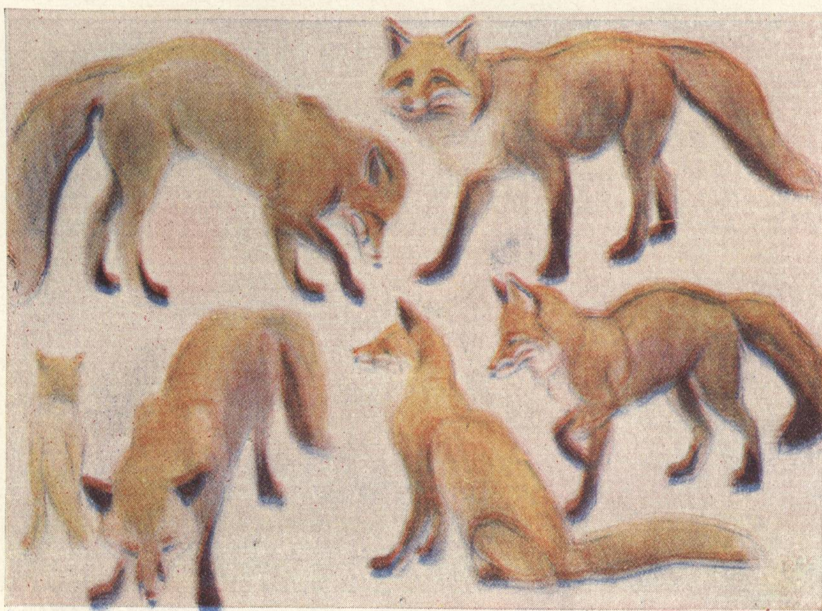
И РЕЗЦОМ

ЧЕЛОВЕК И ЛОСЬ. П. Рябов.

НА СЕВЕРЕ. ПОЧТА. В. Цигаль.

ПРИДИ, КОТИК, НОЧЕВАТЬ.

К. Кузнецов.

ЛИСИЦЫ.

В. Ватагин.

КОЛДОВСТВО ХУДОЖНИКА

Н. НАДЕЖДИНА

Что за звери... (Гравюра на дереве.) В. Фролов.

Это будет разговор о твоих друзьях, добрых и верных, знакомых с раннего детства, хотя их самих ты ни разу не видел в глаза.

Они приходили в твой дом неслышно, невидимо, как волшебники. Но ты видел вещи, к которым прикоснулись их искусные руки, и вещи эти казались тебе живыми, они зачаровывали тебя.

Я в детстве искренне верила, что медвежонок, нарисованный на донышке моей тарелки, живой.

Живыми казались и книжки с зверюшками. Помню, как одна малышка показывала мне, где в комнате живет мама, где папа, где бабушка, где она сама...

— А здесь, — открывая книжный шкаф, таинственно сказала малышка, — здесь живет Ухти-Тухти!

В шкафу стояла книжка про добрую ежиху Ухти-Тухти, которая стирала и штопала штанишки медвежатам, зайчатам и всей лесной детворе.

Сказку придумал писатель, но если бы не было рисунка, сделавшего этот образ осязаемым, вряд ли бы девочка сказала, что Ухти-Тухти живет в шкафу.

Тебе бабушка тоже читала книжки. И тогда глаза у кота на рисунке начинали светиться, а тень в углу превращалась в великана. Это сказка подходила к твоей постели на бархатных кошачьих лапах, или подлетала на лебединых крыльях, роняя на подушку перо.

Ты начал листать книжки. Пусть ты еще не знал букв — неважно! Нарисованные зверюшки сами рассказывали тебе свои приключения.

Взгляни на рисунок К. Кузнецова — это рассказ без слов! Но тогда ты еще был мал, чтоб подумать о незнакомом друге, который своим волшебным искусством заставил рисунок заговорить.

В сказках звери и птицы служили человеку верную службу, но ты видел, что и в жизни не только домашние животные, но и вольная птица-синица платит добром за добро. Если сыпать ей крошки зимой, если весной ей построить дом, она поселится возле жилья человека, будет охранять от гусениц яблони в саду.

И вот первый раз в жизни ты пришел в лес. Все было для тебя ново: запахи, щебеты, шорохи, игра света и тени, искры росы, следы чьих-то лапок на грязи у ручья. Но ты не чувствовал себя здесь чужим.

Тот разговор, что вели с тобой на картинках зверята и птицы, был приглашением: медвежата, синичата, лисята, ежата зазвали тебя в природу, в свой родной, зеленый, шумящий ветвями дом. Ты еще не знал здесь многого, но ты все это уже любил.

Так разве художник, который передал тебе свою

Буйволы. (Линогравюра.) В. Трофимов.

любовь к природе, открыл тебе ее красоту, не заслужил, чтоб его назвали твоим добрым другом, хотя его самого ты не видел в глаза?

От латинского слова «анималь», что означает «животное», художников, которые рисуют животных, называют «анималистами». Летом в Москве была открыта их выставка.

О ней и будет рассказ.

* * *

Обезьяны. (Рисунок.) В. Трофимов.

Мы входим в зал, с которого начинается осмотр выставки, и останавливаемся перед небольшой картиной: женщина, по-восточному закутанная в покрывало, доит кобылицу. Послушная лошадь неподвижна, но всем своим существом — глазами, беспокойным изгибом шеи — она тянется к жеребенку. Он топчется здесь же, милый, смешной, длинноногий, молча спрашивая: «А мне останется молока?»

Ласковым теплом веет от картины. Художник изобразил не только домашнее животное — слугу человека, он изобразил мать.

Эта картина — одна из многих превосходных работ народного художника РСФСР Ивана Семеновича Ефимова, умершего четыре года назад.

Он начал работать еще в конце прошлого века, так же как и А. Н. Комаров, ныне заслуженный деятель искусств РСФСР, и В. А. Ватагин, ныне член-корреспондент Академии художеств СССР. Эти трое оказали огромное влияние на более молодые поколения художников, рисующих зверей.

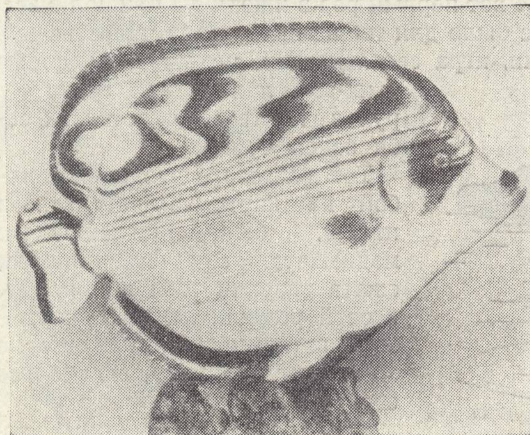
Ватагин — художник-ученый. В художественную школу он пришел учиться, имея университетский диплом зоолога. Его уже знали как иллюстратора научных книг. Научный рисунок должен быть точным. Ватагин всегда точен: он видит под шкурой зверя каждый мускул, каждый сустав.

Но в молодом иллюстраторе научных книг жила душа влюбленного в природу художника. Ему было мало, что люди по его рисункам узнают, каков из себя тигр. Он хотел передать и великолепную пластичность поступи тигра и переливы его меха, а главное, характер. Он хотел создать художественный образ зверя. И он этого достиг.

Ватагинский тигр, которого мы видим на выставке, — выразительный портрет владыки джунглей: величавая хищная сила, кошачья вкрадчивость и затаенное коварство. Невольно вспоминается киплинговский Шер-Хан. Кстати, иллюстрации к «Маугли» были для Ватагина любимым делом жизни.

И совсем другой характер у ватагинских лисиц. Сколько лукавства в непринужденных позах этих лесных красавиц! Но, чтобы передать эту легкость и непринужденность, нужен не только талант, но и нелегкий, упорный труд.

Зверь не позирует как натурщик. Лисицу не уговоришь не вертеться, бегущему оленю

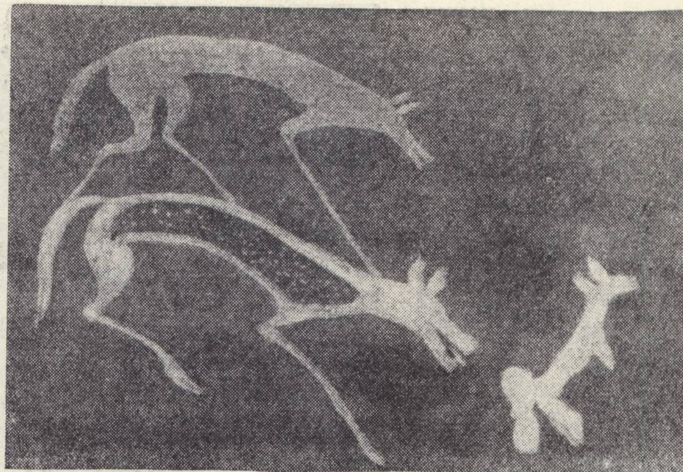

Тропическая рыба. (Дерево.) В. Ватагин.

не прикажешь — стой! Мгновение — и все исчезло. И нужно поймать на кончик карандаша это неповторимое мгновение, нужно успеть положить на бумагу хоть несколько штрихов.

Впрочем, есть у художников и другой секрет. Айвазовский по памяти рисовал вечно изменчивое море. Внутренним зрением он видел волны, штормы и шквалы. Море шумело в его мастерской.

Так и художник-анималист должен иметь острую, цепкую зрительную память, чтоб в его мастерскую «прилетал» орел, «прибегал» олень. И надо эту память тренировать, все время обогащая впечатлениями. Только тот глаз способен оценить, что было самым важным в неповторимом мгновении, кто видел зверя в природе не один раз.

Волки и заичик.
(По материалам древних наскальных рисунков.) **П. Рябов.**

Поэтому-то художники-анималисты — заядлые путешественники. Они плывут на кораблях с океанографами, уходят в тайгу с геологами, а иногда на островке, затерянном среди болот, зажигается одинокий костер. Кто его разжег — рыбак или охотник? Деревенские говорят:

— Чудак какой-то: цапель рисует. И как его комары не съедят?

Каждая картина — рассказ об увиденном. И мы, посетители выставки, мысленно путешествуем вместе с художниками по тем же местам. На верблюдах въезжаем с Никольским в восточный город, лезем с Гавриловым на скалы птичьего базара, мчимся с Цигалем по тундре на собачьей упряжке, ныряем с Кожиным на морское дно, пробираемся с Трофимовым через Беловежскую пущу в гости к зубрам, но тут же неутомимый художник из белорусских лесов переносит нас в тропики, на остров Цейлон.

А сейчас с художником Павлом Рябовым мы отправимся в удивительное путешествие в глубь веков.

Кошка. (Линогравюра.) **Я. Манухин.**

* * *

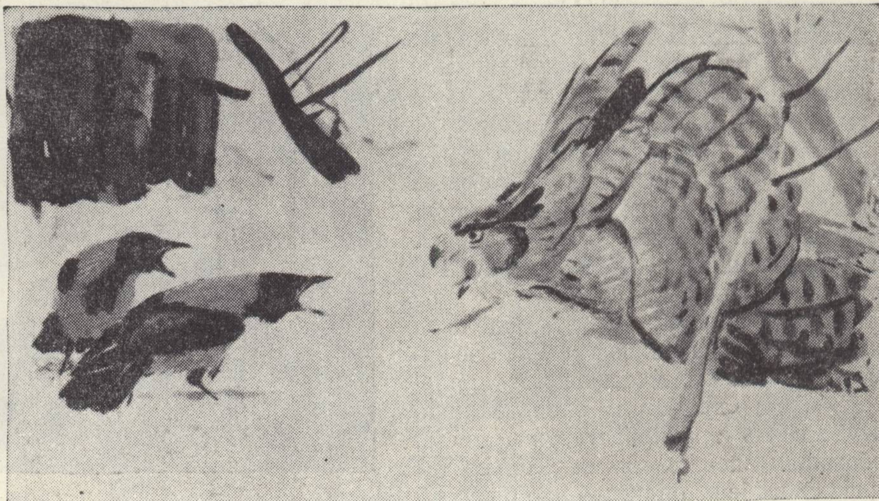
Изобразительное искусство — одно из самых древних искусств. Человек научился рисовать раньше, чем писать. Не карандашом на бумаге — твердым камнем он высекал или процарапывал на скале свои рисунки, а краской ему служила сажа от костра да «кровавик» — красная охра, добытая из земли.

Прошли тысячелетия, но краски первых анималистов сохранили свой цвет. Да, анималистов. Потому что раньше, чем себя, свою жену, свой дом, которого, в сущности, еще не было, человек стал рисовать зверя. Ведь от удачной охоты на зверя зависела вся его жизнь. Мясо — еда, шкура — одежда, жир — топливо, свет. Первобытный человек верил, что нарисовать зверя — значит овладеть зверем. Это было колдовство.

И в нашей стране, например, на сибирской реке Селенге, встречаются камни с древними рисунками. Они покрыты загаром пустыни

или мелким накипным лишайником. Можно пройти мимо, ничего не разглядев. Но изменилось освещение, и на камне таинственно проступил силуэт зверя.

Рябов был на Селенге, на Лене, был и на Ангаре. Там три скалистых острова, посреди реки, а на каменных лбах этих островов рисунки-писаницы давностью в семь тысяч лет: огромный фриз, поэма на камне о лосях.

Вороны и филин. (Рисунок.) **В. Белышев.**

Сейчас эти острова под волнами Братского моря, но писаницы, перенесенные Рябовым с камня на бумагу, стали экспонатами московской выставки, радуя и удивляя наш глаз. Только художник, тонко чувствующий соотношение цвета фигуры и фона, мог решить эту творческую задачу, но и не всякий художник взял бы на себя этот огромный труд. Тут нужны были терпение и изобретательность, упорство и одержимость.

Лосиные писаницы ставят загадки ученым: почему на каменном фризе, где изображены лоси, идущие в одну сторону, зверям вдруг преграждают путь вертикальные полосы красной охры, сквозь которые видны десятки голов? Может, это жерди загона, куда гонят будущее стадо, может, это начало скотоводчества?

Но не меньше, чем ученым, интересны писаницы людям искусства. Как смело и как просто, несколькими скупыми линиями переданы не только лосиный облик, но и чувства, которые эти лоси испытывали: радость, довольство, волнение, ужас, боль.

Есть люди, которые говорят, что мы не можем так остро, как первобытный человек, чувствовать зверя, мы, современные люди, все дальше и дальше уходим от природы, и в будущем анимализм обречен.

Но мы по-другому смотрим в будущее и говорим, что без четвероногого друга человеку не обойтись. В Колтушах поставлен памятник собаке, которая, по словам великого ученого Павлова, «вывела человека в люди». Развивая эту же мысль, можно сказать, что собака «вывела» человека в космос. На ней была проверена возможность полета в космос живого существа. И мы уверены, что в тот день, когда мечта свершится, на другую планету ступит и нога человека и лапа зверя.

В будущем на многое в природе человек будет смотреть по-другому. Зачем ради меха убивать прекрасное животное, когда есть заменитель — искусственный мех! В будущем отношение человека к животному станет бескорыстней, добрей, человечней. И, чтобы выразить это новое отношение, вновь понадобится искусство художника-анималиста, его талант, его мастерство.

* * *

А вообще что такое мастерство? Чем рисунок новичка, который только пробует свои силы, отличается от рисунка мастера? Новичок хочет, но не умеет, не может. А мастер и хочет, и может, и находит самое верное и яркое выражение своего замысла.

Мастерство — это развитый до совершенства талант, поэтому оно восхищает и поко-

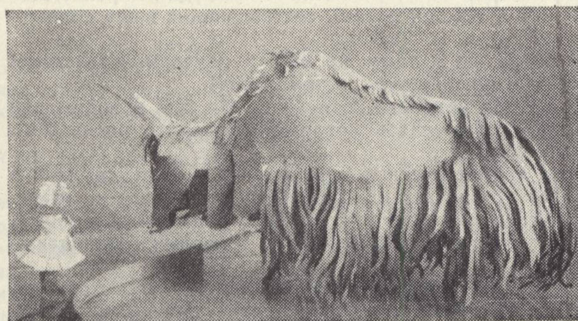
Ящерицы-круглоголовки. (Линогравюра.) **В. Федотов.**

ряет, но в то же время оно многолетний опыт и труд, поэтому его уважают.

Художник может по-разному выражать свой замысел. Смотришь на рисунок Белышева «Вороны и филин» и, кажется, слышишь тревожные хриплые крики разъяренных птиц. Белышев взял сюжет из жизни и был ей во всем верен. Пользуясь только оттенками черной размытой туши, он сумел передать даже различный цвет птичьих перьев.

А вот «Ящерицы-круглоголовки» Федотова сделаны совсем по-другому. У ящериц не выписан чешуйчатый узор их кожи. Но как выразительно переданы характеры! Посмотрите на хвосты: именно эти хвосты рассказывают нам историю погони за мухой. Один хвост завидует, другой хвост в отчаянии, третий философствует. Необычайно жизнерадостен и весел этот рисунок.

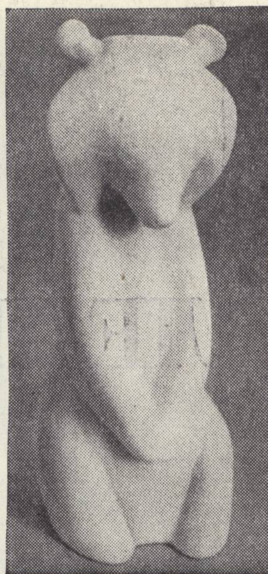
Разнообразна техника, которой пользуются художники. Даже удивительно, как к одной цели они порой приходят разными средствами. Чтобы передать пушистость и легкость лисьего меха, Ватагин взял для своих «Лисиц» цветные мелки — пастель. А Фролов изображает медвежат и бурундуков жесткими, четкими штрихами гравюры. И тем не менее мы и здесь ощущаем ту же мягкую пушистость.

Як. Из серии «В Московском зоопарке». (Бумага.) Л. Чага.

Хочется погладить ослика, сделанного Горловым. Это гладкий, блестящий, раскрашенный фарфор. Другая работа Горлова — гималайский медведь — тоже фарфор, но шероховатый. Мы ощущаем лохматость шерсти мишки, который искоса, чуть сконфуженно поглядывает на нас. Что он натворил, озорник?

Николаеву понравился круглый крапчатый камень, похожий на свернувшегося в клубок ежа. И художник его разбудил. Из углубления выглянул нос, заблестели глаза, проснулся еж, проснулся и камень, ставший по воле художника ежом.

Гималайский медвежонок. (Фарфор.) Д. Горлов.

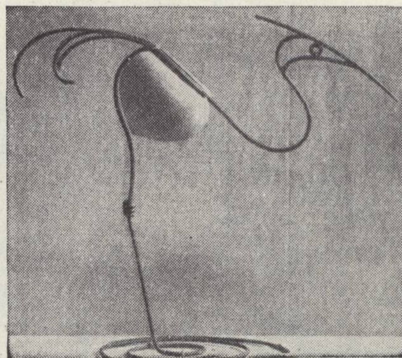
В руках Ватагина слои дерева разного цвета становятся то струями воды, сквозь которую просвечивает брюхо тюленя, то узором на чешуе тропической рыбы. Страхов превращает желтый изогнутый камень в гибкое тело кобры. А какие чудеса делают с бумагой ножницы художницы Чаги! Жесткие перья страуса, шелковистая бахрома на попоне белого пони, густые космы шерсти горбатого яка — все это бумага.

Чага колдует с бумагой, Цигаль — с проволокой. Вот он скрутил узлом длинную проволоку — получилась голенастая нога цапли. Вот завернул крутой завиток и проглянул глаз Конька-Горбунка, а пять растопыренных проволочных концов — это распущенный хвост, который на бегу раздувается ветром.

Все: проволока, кость, бумага, дерево, глина, камень — все оживает, если к ним прикоснется талантливая рука мастера.

Нарисовать зверя, чтоб им овладеть, — какая глубокая мысль! Но в отличие от первобытных людей мы понимаем ее по-другому: овладеть не для того, чтобы убить, а чтобы создать живой, прекрасный образ.

Пусть годы прошли с тех пор, как ты его видел, он по-прежнему перед тобой. И это чудесно, здесь древние люди абсолютно правы, это действительно колдовство!

Цапля. (Проволока.) В. Цигаль.

ОРУЖИЕ УЧЁНЫХ

СЛЕДЫ НЕВИДИМОК

Как увидеть незримое! То, чего не покажет ни один микроскоп,— крохотные частицы, из которых строятся атомные ядра, и сами атомы, частицы, которыми наполнена вся безграничная Вселенная.

Они так невообразимо малы, что по сравнению с ними какой-нибудь микроб столь же огромен, как Галактика по сравнению с семьей планет, составляющих нашу солнечную систему.

Как же все-таки увидеть невидимое да к тому же еще и неуловимо быстрое! Может быть, тут ничего нельзя придумать! Физики сумели придумать!

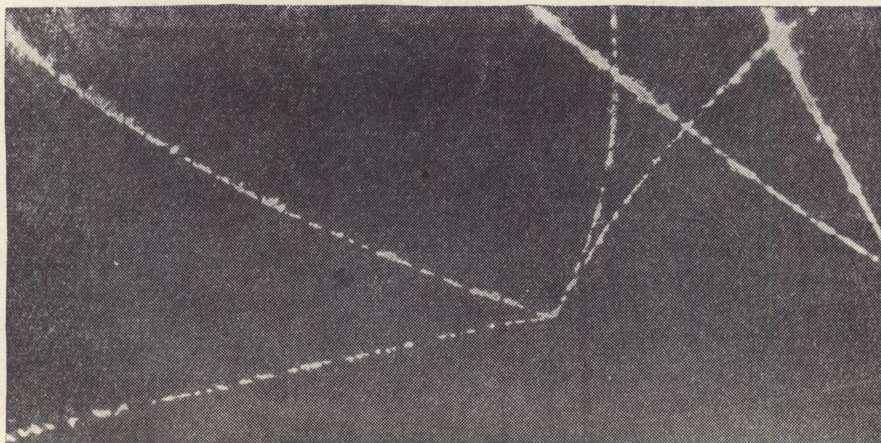
Вспомните роман Герберта Уэллса про человека-невидимку. Он был невидим для своих преследователей, пока не выпал снег: следы, которые оставались после него на снегу, были отлично видны и выдали его.

Впрочем, так бывает не только в фантастических романах. Вы, может, слыхали о песчаных и грязевых журналах! Зоолог устраивает их где-нибудь на берегу и читает, как по книжке, кто приходил сюда и что делал. Лягушка, ящерка, долговязый куличок, косолапая кряква — все они оставляют следы на песчаных или грязевых страницах — все поведают биологу о себе.

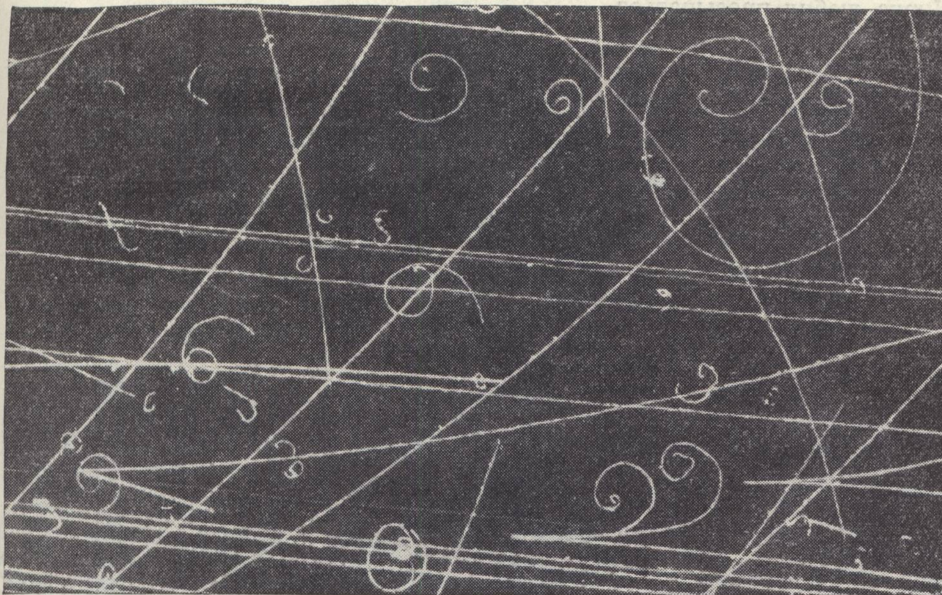
Физикам тоже надо было придумать «журнал следов». Но как сделать, чтобы частицы оставляли следы! На чем! Сначала физики заставили своих невидимок оставлять следы на молекулах водяного пара. Вы скажете, что молекулы пара тоже невидимы. Совершенно верно! Но летящая частица заряжает встретившиеся на пути молекулы. К этим заряженным молекулам прилипают их соседки, образуя капельки. А капельки вполне можно видеть и даже фотографировать.

«Капельный след» выдает не только присутствие невидимки, но и всевозможные подробности ее поведения и даже происшествия, которые с нею случаются.

Камера Вильсона. Так называется прибор, где частицы оставляют следы из водяных капель. Но частицы бывают разные. Как же физики различают по следам одних невидимок от других!

Если вы увидите на дороге след, отпечатанный здоровенным башмаком, номера этак сорок пятого, вы разумеется, не подумаете, что здесь прошел октябренок. А легкие следы крошечных, почти игрушечных пинеток яснее слов сообщат вам о малыше, который неуверенно шагал здесь, овладевая искусством ходьбы.

Вот так и физики никогда не спутают след большого, массивного протона с легкими, изящными следами электронов и позитронов.

Впрочем, давайте взглянем на снимки. Объектив фотоаппарата запечатлел следы невидимок; попробуем сами стать следопытами. На снимке слева — четыре следа из одной точки. Здесь, в этой точке, случился «взрыв», раскололась какая-то нейтральная частица. Пока она была сама собой, она при движении не оставляла следа. А образовалось из нее четыре частицы, и все четыре заряженные. Вот вам и четыре следа! Два из них (те, что правее) принадлежат электрону и позитрону. Еще правее, в углу снимка, пересекая след этой пары, идут два толстых следа. Здесь пролетели два протона, два водородных ядра (ботинок № 45!).

А теперь пойдем по следам на втором снимке. Они получены с помощью другого прибора — пузырьковой камеры. Эта камера наполнена газом пропаном, приведенным в жидкое состояние. Там, где сквозь жидкий пропан мчалась «невидимка», возникали пузырьки газообразного пропана.

Сколько всевозможных сведений о невидимках выдают нам эти следы из пузырьковой камеры! Вот, например, «вилка». Здесь из какой-то нейтральной частицы образовался протон (жирный, прямой и короткий след) и другая, легкая частица, возможно, электрон с большой скоростью.

А что за спиральки и завитушки видны по всему снимку! Это тоже следы электронов, только более медленных. Их сильно отклоняет магнитное поле, в которое помещена камера. Чем выше энергия заряженной частицы (а она зависит от ее массы и скорости), тем меньше может ее отклонить магнитное поле. На основании этого вы вправе заключить, что плавная спираль вверху справа — след частицы более быстрой, более массивной.

А теперь обратите внимание на следы четкие, прямые и стремительные, словно их прочертило соединение реактивных самолетов. Это частицы очень высоких энергий, а значит, и скоростей. Против них сверхзвуковая скорость — сущий пустяк. Потому-то они и прошли сквозь пропановую камеру, не задерживаясь, словно игла сквозь сливочное масло.

Длинные следы, идущие им наперерез, уже имеют некоторую кривизну. Эти следы тоже принадлежат быстрым частицам, но все же не таким быстрым. Власть магнитного поля на них уже сказывается.

Физики не только смотрят на фото, как это делаем мы с вами. С помощью математических расчетов, основываясь на длине пробега частицы, ее скорости, степени отклонения в магнитном поле и на других особенностях ее движения, они точно определяют ее массу покоя, а затем ее «имя и фамилию».

На капельных и пузырьковых следах они проверяют теоретически выведенные закономерности микрокосмоса.

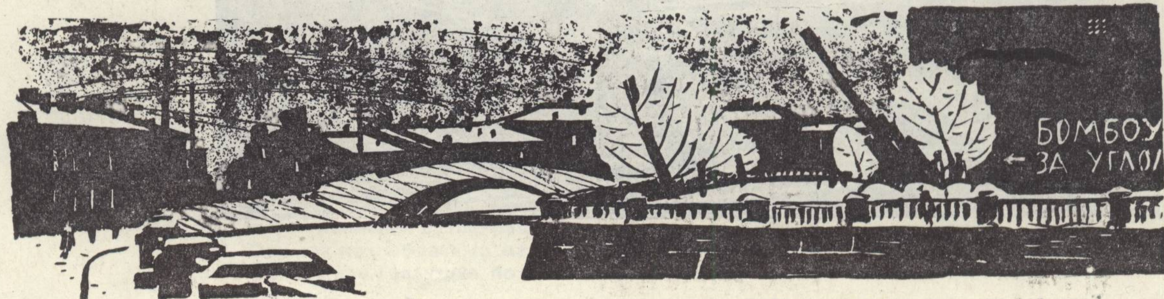
Е. РУБЦОВА

ХЛЕБНЫЕ КАРТОЧКИ

Евгений РЕЙН

Рисунки Е. Медведева.

Больше всего Шурка любил просыпаться. Он открывал глаза, поворачивался на левый бок и внимательно разглядывал толстые синие цветы на обоях. Пока он это делал, есть еще не хотелось. И, может быть, если бы лежать так целый день и глядеть на обои, то есть не захотелось бы вовсе. Но лежать долго нельзя, во-первых, потому, что просыпается Катя, и надо ее одеть, умыть, напоить чаем, а во-вторых, потому, что у Шурки и своих дел хватает.

А когда Шурка выбирался из-под двух одеял, пальто и пианинного чехла, то сразу же разные мысли насчет еды приходили ему в голову. Шурка мотал головой, чтобы отогнать их, и старался одеться поскорее. В комнате было так холодно, что пальцы коченели, и застывшие скользкие пуговицы ни за что не попадали в петли.

А потом начинались дела: Катя, печка, вода, и самое важное дело — пойти в булочную за хлебом.

Мама очень боялась, что Шурка забудет какое-нибудь дело, и, уходя на работу в госпиталь, оставляла записки. Но Шурка уже наизусть знал все, что в них написано, ведь он был взрослым человеком, и записки эти ему совсем ни к чему.

Шурка подошел к окну, подышал на стекло, отогрел маленькую круглую дырочку для глаза. На улице все было точно так же, как и вчера: разрушенный дом напротив, зенитки в саду, мешки с песком, синие надписи на стенах.

Война шла уже восемь месяцев, и поэтому вид из окна менялся прямо на глазах у Шурки: был дом — нет дома, был сад — стали окопы с зенитками. Но за эту ночь ничего не изменилось, спокойная была ночь, ни налета, ни артобстрела, совсем довоенная ночь.

И вот как только Шурка подумал про это, сразу же проснулась Катя и сказала:

— Шур, а Шур, а если орех в котлету засунуть, это вкусно?

— Орех в котлету? — переспросил Шурка. — Где же ты их возьмешь?

— Нигде, — ответила Катя, — это так просто, приснилось.

— Все равно котлету надо на второе, орех на третье... А ну, вставай.

— Ты знаешь, Шур, я не могу встать, я уже два раза хотела встать, пока ты в окно глядел, и не могу. Я ведь уже давно не сплю, все про котлету с орехом думаю.

— Давай я тебе чаю согрею, вот ты и встанешь. Ладно? — И Шурка пошел на кухню за чайником.

— Нет, — сказала Катя, — от чая я не встану, мне нужна или котлета с орехом, или кусочек хлеба.

— Ну, тогда я за хлебом схожу, ладно? А ты пока полежи и погляди на обои, здорово интересно, и есть не хочется.

— Нет, — сказала Катя, — ты почтальона обожди, он сейчас придет. Сегодня будет письмо обязательно-обязательно.

— Конечно, — сказал Шурка, — письма с фронта знаешь как идут нерегулярно.

И тут раздался снизу звук горна, пионерского горна, и как будто не было блокады, немцев и голода, а словно ты попал в пионерский лагерь или на пионерскую линейку в школе.

Но нет, как раз была блокада, а горн сигналил потому, что в Ленинграде не хватало почтальонов, и ребята помогали разносить письма.

Усталые, ослабевшие от недоедания, они не могли уже бегать по этажам, и поэтому, заходя в подъезд, они сигналили своим пионерским горном, извещая жильцов о прибытии почты. Вот этот-то сигнал и услышали Катя и Шурик.

Шурик надел пальто, валенки, повязал мамин теплый платок на шею и пошел вниз по лестнице. Трое ребят с сумками и горном стояли внизу, прислонившись к холодной батарее. Шурка их сразу узнал — как же, ведь это из седьмого «В», как-то он с ними чуть не подрался на перемене из-за того, что они словчили в фантики и обыграли его. А теперь Шурка им бы всю свою коллекцию отдал, ведь они письма ему носят, да и не до фантиков им.

— Ну, как... есть? — спросил Шурка, стараясь не волноваться.

Они не ответили, только помотали головами.

— Завтра, наверно, — сказал тот, что держал горн. — Письма идут знаешь как!

— Как?

— Нерегулярно, — ответил горнист.

— Тяжело вам с письмами? — спросил Шурка.

— Ничего, — сказал горнист, — все-таки письма не то, что твои зажигательные бомбы. Говорят, вчера три штуки к тебе попали.

— Две, — ответил Шурка. — Три — это у звена Лебедева.

— Ну, ладно, — сказал горнист, — нам пора.

— Счастливо, — простился Шурка и вышел на улицу.

На улицу выходить Шурка не любил, потому что на улице есть хотелось больше, чем дома. Во-первых, там были вывески «Бакалея», «Столовая», «Продовольственный магазин», а во-вторых, просто хотелось есть — и все тут. Мимо Шурки провезли на саночках девочку, закутанную в одеяло. Лицо у нее было серее затоптанного снега на тротуарах. Глаза она закрыла, и только тоненькая ниточка пара подымалась от губ. И вообще она была похожа на Катю. Шурка догнал саночки. Их везла женщина, совсем еще молодая, в ватнике, но такая худая, даже зубы у нее проступали сквозь кожу.

— Тетенька, давайте я помогу, — предложил Шурка.

— Нет, нет, что ты! — ответила женщина и улыбнулась.

— Давайте, — твердо сказал Шурка и взялся за веревку. Женщина не произнесла больше ничего, а просто пошла рядом.

— Куда вы? — спросил Шурка.

— В детдом, — сказала женщина, — соседкина это дочь. Мама ее ночью умерла, а она тоже еле живая.

Дальше они пошли молча. Шурка стал думать про маму, папу и Катю.

Отец на фронте. Старший лейтенант танковых войск. Вот только писем от него давно нет. Мама в госпитале медсестрой работает,

хотя на самом деле она художница по фарфору и такие красивые чашки делает, что даже чай пить из них жалко. Но она в госпиталь пошла, чашками, говорит, Гитлера не побьешь. А вот Катя, она и до войны-то часто болела, а теперь совсем ей плохо. Что же сделать, чтобы Кате помочь? Достать ей котлету с орехом, да где? Сколько же граммов хлеба такую котлету заменяют?

Дальше Шурка подумать не успел, потому что женщина привела его к дому, сказала «спасибо» и помахала рукой.

И Шурка пошел за хлебом в булочную.

В этот февральский день даже и дневной свет был тусклым и мутным, а в булочной с окнами, забитыми фанерой, Шурка и совсем ничего не различал. У прилавка горела коптилка. Наверное, от этого огонька тени легли на стенки булочной еще темнее и гуще. Чернели пустые полки, громоздилась касса в углу, бегали унылые блики на витринах, совсем пустых, но зачем-то начищенных до блеска.

Ах, как хорошо Шурка знал эту булочную! Тогда, до всего этого, она считалась лучшей в районе. За самым свежим хлебом ходили сюда.

На рубль, на один только рубль тут можно было купить столько хлеба! И чего только не было в булочной! Ржаные кирпичи с твердыми и острыми уголками или караваи, похожие на автомобильное колесо. А длинные батоны с шоколадной корочкой, присыпанной чем-то — мукой или сахаром! А другие — толстые колбаски — рыжие с ложбинкой посредине, те, что обязательно пялили на тебя свой изюмный глаз! Или сдобные булочки — желтое такое стадо сладких цыплят! Когда вынимали последнюю из ящика, там всегда оставались осколки глазури, изюм и сахарная пудра, и, пока продавщица отворачивалась за новым ящиком, можно было набрать горсточку этого добра и сунуть в рот.

— Ну, что ж ты стоишь, твоя очередь, — услышал Шурка голос продавщицы.

Он подал карточки, и продавщица старательно выстригла из них крайние талончики, сбросила их в коробку и только потом взялась за нож.

Теперь Шурка глядел на весы. Вот стрелка дрогнула и показала такую знакомую цифру — «500». Пятьсот граммов хлеба, двести пятьдесят — маме на рабочую карточку, сто двадцать пять — Кате и сто двадцать пять — ему.

Шурка взял хлеб, сырой и тяжелый, похожий больше всего на хозяйственное мыло; завернул его в газету и спрятал за пазуху.

«Может, взять еще и на завтра, пусть Катя съест побольше, иначе ей не встать». И Шурка стал думать об этом, хотя прекрасно знал, что мама запретила получать хлеб сразу за два дня. «Нельзя, — говорила она, — мы не вытерпим, съедим хлеб сразу же, а на второй день будем голодать». Но сегодня Катя не встала с постели, значит, надо ей побольше хлеба!

Шурка в раздумье опустил голову и вдруг прямо у себя под ногами увидел комок разноцветных бумажек. «Карточки», — догадался он, и голова у него закружилась от волнения. Он стал соображать быстро и ясно, как будто какой-то строгий начальник отдал ему приказ. Шурка уронил перчатку, нагнулся, подсунул под нее карточки и ловко спрятал все вместе в карман. Поглядел кругом: нет, никто ничего не заметил.

Тогда он тихонько пошел к выходу, прикрыл за собой дверь булочной и только тут припустил домой что было сил. А сил у него было немного, поэтому он даже не бежал, а просто старался побыстрее перебирать ногами.

Да, он нашел карточки, и, как ни странно, такие же, как у них, — рабочую и две детских. Хлеб за сегодня был получен, значит, завтра он принесет домой ровно килограмм хлеба, все будут сыты, Катя встанет, и он сам поджарит большой кусок на сковородке и запьет его кипятком.

Когда Шурка вернулся домой, часы пробили четыре, и вместе с последним ударом, как будто по расписанию, над городом завыли сирены. Шурка включил радио: «Воздушная тревога! К городу прорвались вражеские бомбардировщики». И сразу из репродуктора застучал метроном. Его всегда включали в сеть при налетах, и он точно отсчитывал секунды, каждая из которых могла стать последней.

Но когда застучал метроном, Шурки уже не было в комнате; с Катей на руках он спускался вниз, в бомбоубежище, и Катя держалась за лямку Шуркиного противогаза.

В бомбоубежище (раньше это был просто подвал, куда ходить ребятам строго запрещалось) Шурка посадил Катю на скамейку, попросил соседку Анну Борисовну поглядеть за ней и снова стал подниматься по лестнице, на самый верх, на чердак, где он дежурил во время налетов.

Через слуховое окно Шурка вылез на крышу и огляделся. Все уже были на местах, начальник поста, управдом Елисей Петрович, глядел в небо через свой знаменитый морской бинокль. Шурка тоже под-

нял голову. Все небо покрылось белыми, словно ватными, клочками — это рвались зенитные снаряды.

Немецкие бомбардировщики летели звеньями по трое.

И вдруг угловой дом, тот самый, где булочная, раскололся наискосок и погрузился в тучу дыма и осколков.

Это было единственное попадание в Шуркином районе. Когда дали отбой, он первым сбежал по лестнице и пошел к разрушенному дому. Дома уже не было, ну и булочной, конечно, тоже. Один край стены обломился у четвертого этажа, а другой — чуть ли не у самой земли. Вот там, на четвертом этаже, одна комната осталась совсем целой, качался абажур, стояли цветы на окне.

Спасательная команда уже прибыла, мимо Шурки пронесли носилки, потом почему-то трюмо с зеркалом. Шурка увидел в нем себя, поправил съехавшую шапку.

Все, булочной больше не существовало, теперь надо будет ходить за хлебом в другое место.

И как только Шурка подумал об этом, он сразу вспомнил о карточках, и ему стало обидно и страшно. Почему он не отдал их сразу? Ведь все равно бы отдал. А как же теперь быть? Где искать этих людей? Если нет булочной, где их найдешь? Три человека останутся без хлеба, и все это наделал он, Шурка.

Прислонившись к столбу, он стоял так минут пятнадцать. И думал все об одном: «Как же я сразу не отдал? Как?»

Потом он повернулся и пошел назад к своему дому, потому что в его доме помещалось отделение милиции. «Только пусть найдут этих людей, карточки им отдадут, — решил он. — А что мне будет? Ладно, там увидим, не так уж это важно».

Опаленное в боях

Евгений ВОРОБЬЕВ

Полк на марше. Впереди — командир Иван Федотович Мельников.

Тогда, в горячке боя, не заметили, кто принес в штаб это пионерское знамя, не знали, кто нашел его в подвале дома на южной окраине города Касторного.

Но день, когда знамя было найдено, помнят в полку хорошо — 28 января 1943 года. В этот день немцев выбили из Касторного.

В штабе полка развернули алую материю. Обычное пионерское знамя: на шелку гарусом вышит костер и слова призыва к борьбе за дело Ленина.

Заботливые ребячьи руки спрятали знамя в темном углу подвала до тех дней, когда можно будет вновь ходить в школу (там немцы открыли ресторан), можно будет носить пионерский галстук, петь свои песни и собираться у костра.

К вечеру весь город был в наших руках: полк преследовал немцев по пятам.

Груженые сани уже стояли у дома, где штаб полка нашел себе недолгий приют. Телефонисты сматывали провода, связные второпях собирали нехитрое штабное имущество, офицеры складывали карты.

— А куда девать пионерское знамя? — спросил кто-то.

Знамя стояло, прислоненное к стене, у остывшей печи.

Наступило молчание.

В самом деле, где сейчас в обезлюдевшем городе, сотрясаемом разрывами снарядов, найдешь хозяев знамени? Не отдавать же его в первые попавшиеся руки!

И тогда помощник начальника штаба полка старший лейтенант Мельников предложил:

— Возьмем с собой. Пусть воюет вместе с нами. А храниться будет вместе со знаменем полка.

Вскоре весь полк узнал о пионерском знамени. Стало известно, что знамя нашел разведчик Юрий Лисиченко. Его оставили при штабе и сделали знаменосцем полка.

На митинге, который состоялся уже вдали от Касторного, бойцы решили не расставаться с пионерским знаменем, пока не будет освобождена от оккупантов вся страна, пока не будет возвращено детство всем советским детям.

30 апреля полк вел упорный бой за высоту 254,6 севернее Поныреи. Здесь получило боевое крещение пионерское знамя. Старший лейтенант Горелов шел в атаку с бойцами первой роты и нес в руках знамя. Он успел водрузить знамя на высоте, но был тяжело ранен. Храбрая санитарка Саша вытащила его из-под огня. В тот же день Горелова отправили санитарным самолетом в Москву, а через несколько месяцев он вновь появился в полку. Первый вопрос, который Горелов задал:

— Пионерское знамя живо?

В другом бою был ранен знаменосец Юрий Лисиченко. Он прижал знамя к груди и не выронил его даже после того, как потерял сознание.

Полк с боями продвигался вперед. Вместе с ним двигалось пионерское знамя, уже опаленное огнем, с бурыми пятнами крови на шелку.

Пионерское знамя слышало многодневную канонаду Орловско-Курской битвы. Полк форсировал Десну, Сновь, Ипуть, Сож, прорывал оборону немцев юго-западнее Гомеля, форсировал Березину, вел бои с окруженной группировкой немцев юго-восточнее Минска, брал штурмом крепость Осовец.

Пропахшее порохом,
дымом, ветрами,
Оно развевалось
над боем всегда.
И гордо шагали мы
с ним городами,
И кланялись низко
ему города! —

писал безвестный фронтовой поэт.

Бойцы освобождали детей из концентрационных лагерей. Бойцы видели расстрелянных и умерших от голода детей. Бойцы видели детей, которые, казалось, навсегда разучились смеяться,— горькие складки у рта, мученические глаза.

Дети на отекших ногах. Дети с кровоточащими от цинги деснами. Подростки с руками, трясущимися, как у стариков.

Осенью 1944 года полк пришел на край родной земли, на границу Восточной Пруссии. Вблизи станции Моньки солдаты собрались на митинг. Надо было решить вопрос о пионерском знамени из Касторного. Ведь полк собирался вернуть пионерам знамя, когда дойдет до границы.

Вся советская земля была освобождена из-под фашистского ига. Но еще томились в Неметчине дети, их старшие сестры, братья, отцы. Фашизм мог угрожать будущему наших детей. И тогда бойцы на митинге решили: «Нести с собой пионерское знамя до полного разгрома врага, как знамя борьбы за счастье детей, как знамя мести».

24 января 1945 года у местечка Швиддерн полк перешел немецкую границу, с боями прошел Восточную Пруссию и в начале апреля участвовал в штурме Кенигсберга.

И. Ф. Мельников прощается с пионерским знаменем перед возвращением знамени в Касторное.

И. Ф. Мельников с группой пионеров объезжает памятные места боев. Лето 1962 года. Фото О. Лайне.

Старший лейтенант Мельников, предложивший когда-то взять с собой пионерское знамя, командовал в звании подполковника этим полком.

И вот вскоре после победы солдаты вновь собрались на митинг по поводу пионерского знамени. И теперь решили вернуть его пионерам города Касторного.

В память о пройденном пути на нем золотом вышили надпись:

«Это пионерское знамя воины 1023-го полка пронесли через суровые битвы от Касторного до Кенигсберга, с 28 января 1943 года до дня Победы 9 мая 1945 года».

«Будьте спокойны, любимые! — писали участники митинга.— Враг никогда не омрачит вашего детства. Будьте достойны тех, кто, не щадя ни крови своей, ни жизни, отвоевал ваше счастливое детство. С великой победой!

Под Кенигсбергом
Май, 1945».

* * *

10 августа 1945 года на станции Касторное собрались пионеры. Встречали делегацию полка, которая прибыла из Германии. Знамя привезли капитан Гончар, старшина Сучков, сержант Лобанов, младший сержант Евстратов и ефрейтор Веселов. Все пятеро сражались 28 января 1943 года за Касторное.

Трибуну на площади украсили полевыми цветами. Капитан Гончар вручил знамя начальнику штаба пионерской дружины Гале Бачиной. Галя Бачина опустилась на колено и поцеловала край знамени. Она же надела делегатам полка красные галстуки. Капитан Гончар и его боевые товарищи стали почетными пионерами дружины. А касторненской средней школе № 1 присвоили имя 1023-го ордена Кутузова стрелкового полка.

«После того, как наш полк был расформирован,— писал мне семнадцать лет спустя Иван Федотович Мельников,— знамя отправили на архивный покой в Бузулук. Но осталась еще одна частица полка — пионерское знамя в Касторном, с ним можно увидеться.

И вот после стольких лет разлуки 9 июня 1962 года я подъезжаю к станции Касторное вместе с корреспондентом «Пионерской правды». Подъезжаю и, представьте, волнуюсь. С каким поездом приедем, мы в телеграмме не указали: зачем беспокоить людей? Ехали в последнем, четырнадцатом вагоне. Подтянулся наш длинный состав к станции — ничего не узнаю. Был на этой станции давно, зимой и не на поезде приехал, а шагал и ползал по снегу. Пер-

рон далеко впереди, идем, а навстречу нам две женщины. Здороваются, называют меня по имени-отчеству. Так и есть — учительницы из школы! Прошли дальше — еще какие-то люди спешат к нам. Вот и перрон. Народу-то, народу! Выстроилась пионерская линейка, издали красные галстуки — как одна ленточка. Блестят трубы оркестра. А в середине строя — наше знамя! Увидел я знамя, и чем-то застило мне свет, все поплыло перед глазами, будто оказалось за мокрым стеклом. Полагается степенно идти, а так и подмывало побежать бегом. На подходе заиграл оркестр. Что играли, не помню, но вскоре оркестр затих — то ли того церемония требовала, то ли музыканты тоже разволновались, трубачам не хватило дыхания, как мне. Подошел быстрым шагом, идти медленно не хватило сил, поцеловал знамя, отошел в сторонку и, признаюсь чистосердечно, обмяк, до слез дело дошло.

Ученица седьмого класса Валя Кандыбина выступила с приветственным словом. Как она говорила! Лучше, чем взрослые. Говорила о святыне полка и школы, о том, как дорого пионерам знамя, как стараются они быть достойными своих отцов. И поход они провели по местам боев полка, и кукурузу растили в соседнем колхозе, и первое место заняли на районном фестивале. Душевно так сказала о погибших в боях за Касторное. Пионеры буквально засыпали меня цветами. Думал, у меня одного глаза на мокром месте, а оглянулся — и военком местный Борис Герасимович Полинцев, и секретарь райкома партии Давыдов, и другие тайком глаза трут.

Назавтра в одиннадцать утра официальная встреча. Школьники построились на спортплощадке. Под музыку вынесли знамена — пионерское-полковое и школьное. Я прошел мимо строя со знаменосцами. Пришлось держать маленькую речь. С ответом выступил Миша Стасин. Молодец! Очень хорошо говорил! Затем приняли меня в пионеры города Касторного, повязали галстук, а я дал пионерскую клятву, как полагается. После того строем, под оркестр направились в Дом культуры.

Большой новый Дом культуры был битком набит. Знамена пронесли на сцену, я кратко рассказал о боях под Касторным, о пути знамени. Как все слушали!

Начался концерт детской самодеятельности. Сижу в первом ряду, слушаю... Хор исполнил «Славься, наша родная держава», «Тачанку», «Бухенвальдский набат». Ребята запели «Зарю встречает поезд наш» и вдруг замолкли. Стоят, как немые. В чем дело? Встаю, оглядываюсь, а меня уже, не дав опомниться, обнимает — кто бы вы думали? — Дмитрий Михайлович Пеньков! Капитан Пеньков, один из лучших офицеров полка, был командиром батареи тяжелых минометов. Он опоздал на официальную встречу и приехал прямо на концерт!

Потом мы отправились к братским могилам, а на следующий день с группой учителей и школьников на машине объехали места боев. В селе Георгиевке, откуда полк наступал на Касторное, встретились с жителями. Да, смотрели мы с Дмитрием Михайловичем на памятные высотки, берега речки, ложбинки, рощицы и все время перебивали друг дружку: «А помнишь?» Но потом одумались и повели рассказ по порядку, а пионеры все записывали.

Вечером сфотографировались у пионерского знамени с учителями, школьниками, и они нас сердечно проводили в дорогу.

Поехали к Пенькову в колхоз имени Куйбышева, в село Новенькое, Белгородской области; Пеньков в том колхозе председателем. А спустя сутки расстался я с фронтовым товарищем.

Я веду розыск своих однополчан, переписываюсь со многими. В августе 1963 года мы соберемся, чтобы отметить двадцатилетие Орловско-Курской битвы, на станции Поныри. Неподалеку от станции, на высоте 254,6, пионерское знамя получило боевое крещение...»

САМЫЙ КРАСИВЫЙ ГРИБ

Юз. АЛЕШКОВСКИЙ Рисунки О. Гоха.

В нашей деревне раньше всех петухов просыпается петух моей бабушки. Он долго, как горнист, тянет первое «ку-ка-ре-ку!».

Соседский петух Гусар сразу же начинает злобно квохтать. Потом он тоже кукарекает, но как-то сипло и скрипуче, словно спросонья откашливается. Бабушкин петух побеждает Гусара в пении, но проигрывает ему в боях и к концу лета теряет больше половины перьев.

Бабушка однажды сказала:

— Не горюй, Петенька, не горюй. Ведь ты — артист, а Гусар — хулиган.

...Я сидел на крыльце, цедил из крынки молоко и смотрел, как Петенька и Гусар готовятся к бою.

Они неподвижно стояли друг против друга, вытянув нахохленные шеи. Кончики их клювов едва-едва заметно то отпускались, то поднимались, как носики весов в сельпо. Я смотрел на петухов, а Мишка и Борька почему-то все не шли и не шли. Мы еще вечером договорились пойти на зорьке по грибы.

Увидев, что с Мишкой и Борькой идет Зойка, я задохнулся от злости и бросил в петухов брикетом торфа.

Эта Зойка лучше всех играла в «чижик» и на днях маяла меня почти целый час. Я отмаялся и двинул ее как следует. Она упала и разбила коленку.

Я готов был испепелить Мишку и Борьку, когда они подошли поближе.

— Договорились вчера?! Договорились?! И гоните ее! Или я, или она!

— Пошли, Зойка! — сказал Мишка.

Я тут же перестал считать его самым справедливым человеком в деревне.

Зойка, грустно стоявшая поодаль, виновато на меня посмотрела, а Борька мстительно поджал губы: «Жадиной меня дразнил? Дразнил». Борька тоже крикнул Зойке:

— Пошли!

Это меня ошарашило. Я, сам того не замечая, поплелся следом за ребятами.

На краю оврага, за которым начинался большой лес, Мишка обернулся и, увидев меня, что-то сказал Борьке и Зойке. Они присели на пенечки, глядя в мою сторону.

Когда я подошел, Мишка сказал:

— Мы тут конкурс устроили. Первая премия тому, кто больше всех соберет, а вторая—за самый красивый гриб. Будешь?

Я не хотел разговаривать. Я только дышал от злости часто и жарко, как дракон из киносказки, а потом крикнул:

— Из-за вас забыл жратву и лукошко!

Борька сказал:

— Вечно на чужое надеешься.

Тогда я снял рубашку, затянул узлы на вороте и на рукавах, сказал:

— Еще увидите!..— и первым вошел в густой березняк.

Сердце у меня билось, как на стадионе, когда назревает первый гол. Я пробормотал свое главное заклинание: «Нет грибов в лесу. Совсем нету. Плохой лес. Пойду лучше домой...» — и сразу увидел в траве сыроежку. Она была розовая, запотевшая, с прилипшей к шляпке желтой травинкой, очень похожая на моего двоюродного братишку после ночевки на сеновале. Я не срезал ее, а пошел дальше. За березкой мелькнул синий Борькин свитер. Я еще раньше заметил, что если начинаешь злиться, грибы не попадаются, да и в «чижик» перестает везти. Поэтому я плюнул Борьке вслед, спокойно присел на корточки, заглянул под елки, потом подошел к трухлявому пню. Из него выскочила ящерица.

Я не успел додуматься, почему это у ящериц отрастают хвосты, а у бульдогов ни капли не отрастают: рядом с папоротником стояли два подберезовика. Я их срезал под шляпку и пошел низинкой. Там было видимо-невидимо подберезовиков. Только я не радовался, а думал: «Ну и что? Наберу их полную рубаху, а они в кашу превратятся. Пойду лучше на пригорок, где сосны и елки. Найду самый красивый гриб и кину его в Зойку. И не надо мне премии... Предатели!»

Вдруг где-то слева от меня зааукала Зойка. Я, не откликаясь, пошел в ее сторону. Зойка стояла на пригорке и аукала, не замечая меня.

Я еще больше ее возненавидел. «Подумаешь, заботится... Не такой я человек... Сам не заблужусь».

Я шел и ворчал.

— Что ты говоришь? — спросила Зойка, подлизываясь.

Я молча прошел мимо, но успел заметить, что в Зойкином лукошке полно маслят, и подберезовиков, и подосиновиков, а сверху лежат два крепких боровичка.

«Как дам сейчас пенделя по лукошку и все грибы растопчу, растопчу!» Сказав себе это, я немного успокоился и увидел Мишку. Он разглядывал кору на старой березе. А Борьки нигде не было видно. Я точно знал, что он идет стороной по своим тайным грибным местам. Я как-то хотел за ним увязаться, но он нарочно петлял и проваливался будто сквозь землю.

Мишка срезал кору с березы и пошел дальше. Я побрел за ним, и вдруг мне стали попадаться белые. Один! Другой! Потом целых три настоящих боровичка, присыпанных залежалой хвоей.

Мишка и не думал их находить. Он смотрел не под ноги, как я, а на ветви старых деревьев и засохших кустов. Еще он копался в валежнике.

Зойка тоже шла неподалеку. Я злобно следил за ее действиями. Заметив гриб, она неторопливо подходила к нему, и плавно кланялась, и улыбалась. Эта воображала как будто говорила: «Здравствуй, милый гриб».

Я прямо выходил из себя. К тому же мне было неудобно нести наполовину набитую грибами рубашку. И тут мне повезло. Я нашел картонный ящик от конфет, высыпал в него грибы, обвязал рубашкой, и получилось лукошко.

Вдруг Мишка крикнул:

— Эй! Привал! Есть охота!

Он прилег под елкой, Зойка села напротив него, а запыхавшийся Борька немного погодя вынырнул из-за кустов.

Я присел поодаль от них на брусничной лужайке. От холодных горьковатых брусничин только сводило скулы и есть хотелось еще больше. Я чуял запах черного хлеба, колбасы и лука. Я слышал, как кто-то сдирает кожуру с холодных картофелин, и чуть не плакал от голода, но думал: «Вот умру здесь в лесу, а не попрошу и не подлижусь... Ни за что! Ни за что!»

— Вовка! Айда! Все готово! — крикнул Мишка.

Я обернулся, хотел встать и пойти хорошенько поесть, но вместо этого почему-то огрызнулся:

— Обойдемся... не нуждаемся...— Я даже рот раскрыл от удивления и подумал про себя: «Вот дурак-то, ну и дурак»,— как будто огрызнулся не я, а кто-то другой.

— Не хоэт... не адо... упрашиать не буэ...— сказал Борька, уже набивший полный рот.

А я все ел и ел целыми пригоршнями бруснику и не смотрел в сторону ребят. Они сначала молчали, потом разговорились.

— Значит, я две премии получу? — спросил Борька, сыто икнув.

— Когда кончим искать,— неохотно ответил Мишка.

— По премиям деньги будут? — спросил Борька.

— В тыщу раз поважнее денег! — сказал Мишка, а Зойка радостно ойкнула.

Борька вздохнул.

— Ладно. Грибы-то я все равно на рынке продам. Сушеные. Рупь за нитку.

Мишка громко сплюнул.

— Скучный ты тип... а гриб твой, правда, красивый.

Я сразу обернулся, чтобы взглянуть на самый красивый гриб, а Зойка, привстав на коленки, добродушно протянула мне полбатона.

И колбаса в нем краснела, чайная, наверно, и масло блеснуло, и у меня потекли слюнки! Только я сказал:

— Пошли дальше! Расселись, как... эти...

Мы снова побрели по лесу неподалеку друг от друга. Борька уже не прятался. Он набрал почти полную корзину грибов и, находя боровик, выбрасывал подосиновики и моховики.

У меня от брусники заболел язык и хотелось пить. Тогда я нашел огромный рыжик. В его огненной шляпке-воронке накопилось много росы, а может, вчерашних дождинок. Я срезал рыжик под самый корень и выпил всю эту холодную, мягкую воду, как из золотого ковшика. И еще два нашел и выпил.

Грибов было много, но самый красивый все-таки не попадался. А он мне нужен был больше всего на свете! Больше Зойкиного полбатона и рыжиковой воды! Только бы его найти! Ко мне подошел Борька.

— Помоги нести корзину за десять белых...— Я молчал...— Ну, за пятнадцать...

Тогда я заорал:

— Пшел! Как двину, и рассыплешься в пух и прах! У! У! У!

Борька, чуть не выпустив из рук корзины, шарахнулся в сторону.

Я снова начал колдовать: «Плохой лес... никогда сюда не приду... Ух, какой плохой лес!..»

— Ну, как дела? — Ко мне подошел Мишка и заглянул в коробку.— Ничего. Но победит, конечно, Борька. А жаль. Пошли обратно. Поздно уже.

Широкая корзина Мишки была полнымполна всякой коры и сучков, а за плечами у него висел маленький пенек с колючими отполированными корешками.

— Пошли,— сказал я.

И мы двинулись в обратную сторону. Зойка шла за нами следом, а Борька пыхтел над корзиной и нудил:

— Отдавайте мне премию. Домой же идем...

— Вот выйдем из лесу, тогда и получишь,— сказал Мишка.

Меня подташнивало от голода. Я думал: «Скорей бы деревня, там щи стоят в печке и хлеб теплый... Все съем! А потом молоко из погреба... и киселя с бубликом... и еще щей налью...».

Мы шли долго-долго, но все почему-то не выходили к широкой просеке. Тогда мы свернули круто вправо, прошли километра четыре, но тоже не вышли к ней и поняли, что накрепко заблудились.

Борька сказал:

— Вот и хорошо. Отдохну и всю корзину донесу.

Он отошел в сторону, за кусты. Я наблюдал за ним. Он отошел как будто по одному делу, а сам вынул из-за пазухи кусище хлеба и луковицу и стал быстро есть. Потом он вышел из-за кустов как ни в чем не бывало. Я задохнулся от злости, но вдруг меня осенило.

— Спички! — закричал я.— Спички есть?

Мишка порылся в карманах.

— На... я печку утром растопляла...— еле слышно сказала Зойка.

Я вырвал коробок у нее из рук.

— Грибы будем жарить. Дров давайте. Встали, как... эти...

Костер мы разложили под большой елью почти на краю оврага. Было темно в лесу, но не страшно.

— За меня не беспокоятся,— сказала Зойка,— мы уже третий раз до утра заблуждаемся.

Я нанизал на обструганную веточку шляпки боровиков, но держал их не над огнем, а над угольками уже сгоревшего хвороста.

мый красивый гриб. Глаза у Борьки были слегка раскрыты, как будто он сторожил свою корзину. Мне стало противно, и я сел рядом с Зойкой.

Она никак не могла удобно устроиться и все перекладывала голову с одной коленки на другую. Потом Зойка сложила на груди свои руки крест-накрест и прижалась ко мне. Я крякнул про себя, как старый дед: «Хм... вот дуреха... заснула, видите ли, со своими кудряшками».

Эти кудряшки щекотали мое ухо, но я даже дышать старался осторожно, чтобы не разбудить Зойку. Мне почему-то было ее жалко-жалко.

Когда я проснулся, уже начинало светать. Я побежал на пригорок и залез на высоченную сосну, чтобы заметить, откуда покажется солнце. Я вспомнил, что оно выходило по утрам из-за колхозной бани. И как только слева от меня показался его красный гребешок, я слез с сосны и растолкал Мишку, Зойку и Борьку.

— Пошли, я выведу. Разоспались, как... эти...

Мы, позевывая и зябко поеживаясь, побрели к солнцу и немного погодя вышли к просеке. Ее, как сцену, уже заливали сотни солнечных прожекторов. А в прожекторах порхали белые бабочки.

— Воображают, как девчонки,— заметил я вслух.

Зойка тут же сказала:

— Смотри! Вот жук летит!

Здоровенный жук летел мимо нас по прямой и вдруг — бац! — с разгона стукнулся лбом о дерево.

— Как мальчишка! — засмеялась Зойка.

Я раздул ноздри и приготовил кулаки, но она не намекнула мне про полбатона и не съехидничала. И тогда я, ни на кого больше не злясь, вовсю разговорился с умным Мишкой. Мы вместе думали, почему у ящериц отрастают хвосты, а у бульдогов нет.

Борька еле тащил свою корзину и то и дело нудил:

— Когда же премия? Две давайте мне премии.

Я совсем не думал о самом красивом грибе и вдруг в сторонке среди кустиков костяники увидел огромную бурую шляпу боровика.

Я развел руки, как будто ловил голубя, и не дыша, на цыпочках пошел прямо на гриб.

Мишка и Зойка тоже жарили шляпки. Борька рассматривал Мишкины находки.

— Зачем тебе это барахло вместо грибов?

— Пригодится,— сказал Мишка,— вон из той ветки боярки я сделаю фигурку «Злюка».— Борька ехидно покосился в мою сторону.— А из пенька со щупальцами выйдет скульптура «Жадина». Понял? Из коры с веткой «Альпинист» получится. Вот зачем.

Борька надулся.

Потом пошел дождь. Костер зашипел, запарил и стал гаснуть. Мишка, Зойка и Борька перебрались под большую ель и прижались друг к дружке, а я сел за стволом с другой стороны.

— Давайте спать, чтобы не бояться,— сказала Зойка.

Она разгребла руками грибы в лукошке, достала с донышка полбатона и пододвинула лукошко поближе ко мне.

«Не дождешься... ни за что не съем... не такой я человек...»,— думал я, покраснев и сглотнув слюну. Я ерзал на своем месте и чуть не плакал оттого, что я такой злюка, а Зойка такая добрая со своим полбатоном.

Дождь все лил и лил, но капли сквозь ветви не падали.

Я боролся с полбатоном изо всех сил, а потом дотянулся до него и съел. И даже подобрал с земли мокрые крошки хлеба. Мне было стыдно, но я тоже захотел спать. Сначала я присел рядом с Борькой. Так было теплее. Он и во сне не выпускал из рук са-

Но он и не думал бежать, и я встал на колени перед гигантским и добрым грибом. На его шляпе, свернувшись в клубочек, как кошка на крыше, лежала улитка и ползли мураши. Я подумал, что такой большой гриб, наверно, должен быть гнилым, и заглянул под шляпу, но она была ровная, светло-желтая, вся в капельках влаги и без единого червякового зигзага. И пахло от нее, как от полной тарелки грибного супа.

Вот она, первая премия! Я вынул ножик, но увидел Зойку. Она шла, не замечая меня. Тогда я отошел в сторону и притворился, что ищу костянику.

Зойка чуть не споткнулась о гриб и ахнула и тоже встала перед ним на колени.

— Вовка!.. Вовка!.. Гриб!..

Я подошел, посмотрел с удовольствием на гриб и сказал, пожав плечами:

— Ну и что? Ну, гриб... Удивляется, как... эта...

Мишка и Борька подбежали к нам и тоже встали перед грибом на колени.

— Давай Зойке премию! — сказал я Мишке.

— И мне...— скрипнул зубами Борька.

— Премия за самый красивый гриб,— объявил Мишка,— присуждается Зойке. А за количество — Борьке.

— Давай! — Борька подставил руки.

— И Зойка и Борька получают высшую на свете премию — Радость Победителя!

Зойка захлопала в ладоши, а Борька закричал:

— Не надо мне радость!.. Я хочу... чтобы в руки... что-нибудь твердое! Наду-ули!

Я хотел срезать гриб и отдать Зойке, но она оттолкнула меня.

— Не надо... Жалко... Пусть растет до конца.

— Подумаешь... пусть... — сказал я.

— Короную тебя на пост царевны, королевны и принцессы всех грибов! — торжественно провозгласил Мишка, и мы пошли дальше, но долго еще оборачивались.

Потом просека кончилась, запахло дымком, и я засмеялся, услышав звонко-золотистое «ку-ка-ре-ку!» и злобное квохтанье. Это тужился хулиган Гусар, а кукарекал «артист», славный петух моей бабушки.

РУЧЕЙ У ОКЕАНА

В. КОРЖИКОВ

Из-за тайги, слетев с горы,
Ручей пробился к океану,
И люди, прячась от жары,
К нему с утра приходят рано.
А он летит себе с высот,
Хвоинки весело качая,
И свежесть каждому несет,
Прозрачной песни не кончая.

Еще ничем не знаменит,
Он каждый звук о берег точит.
Ручей звенит, звенит, звенит,
А океан слегка рокочет.
И начинает сам кипеть
И пробует басы ретиво,
Как будто хочет он напеть
Ручья таежные мотивы.

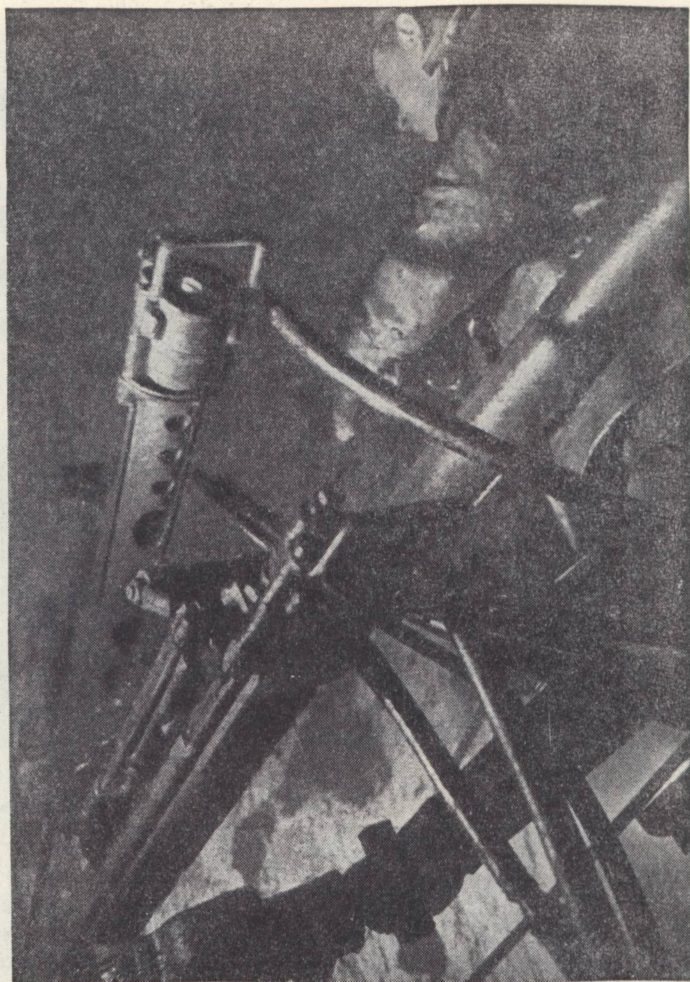
МОГУЧИЕ ПОМОЩНИКИ

Вы, конечно, знаете, что люди сегодня работают совсем иначе, чем, скажем, двадцать лет назад. Например, токари. Они режут металл в десятки раз быстрее. И не только у токарей так. Геологи теперь гораздо чаще находят подземные клады, нефтяники больше добывают нефти, хлеборобы скорее убирают урожай...

Почему же это происходит? Да прежде всего потому, что на помощь человеку приходит новая, все более мощная, все более совершенная техника.

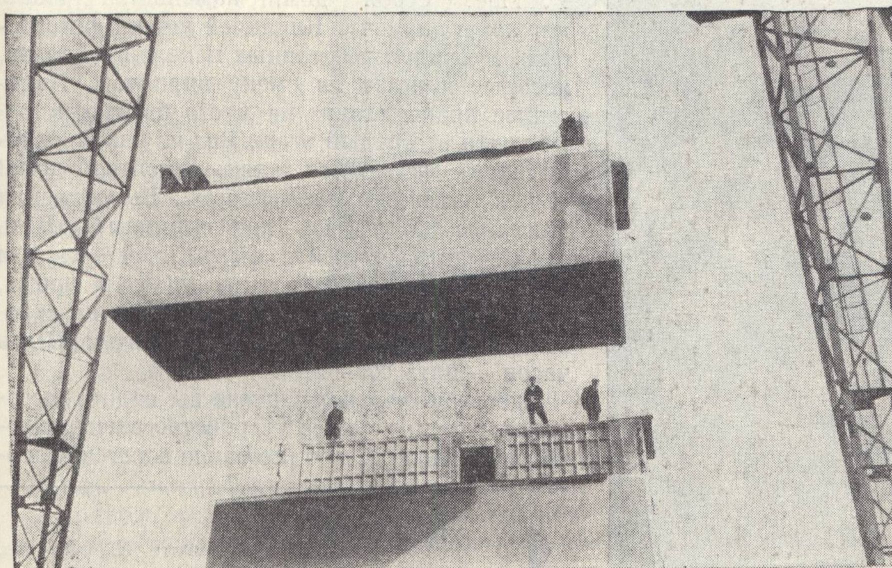
У нас в Советской стране техника развивается очень быстро. Фотографии, которые вы здесь увидите, расскажут вам о новейших машинах, установках, приборах, изменяющих труд наших рабочих и ученых.

Снимок справа называется «Шахтер». В книжках про давние, дореволюционные времена вы, наверно, читали о том, как тяжело, вручную —

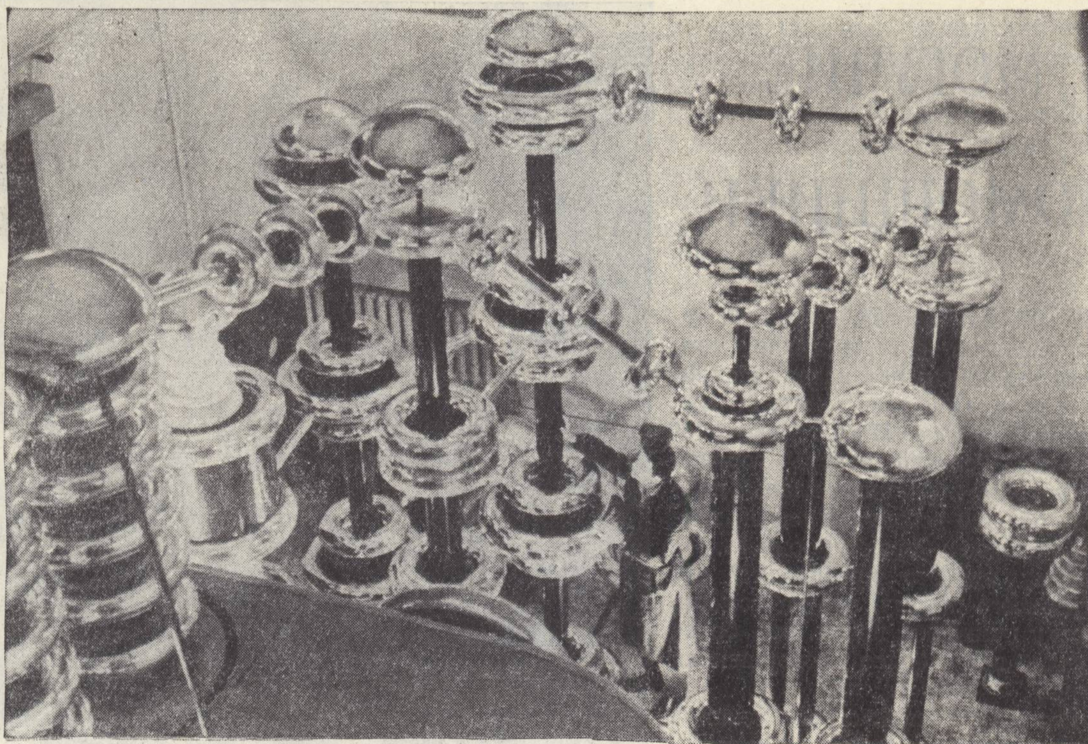
Шахтер.

Фото А. Малкина.

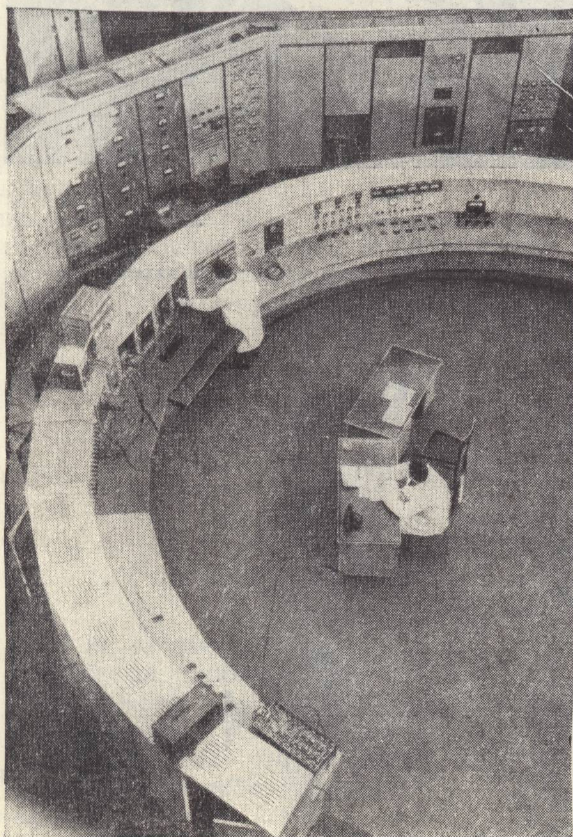

Пять дней—пять этажей.

Фото А. Птицына.

У электронного микроскопа.
Фото А. Устинова.

с кайлом и обушком — трудились под землей шахтеры. Но разве похож на старого горняка человек, управляющий буровым станком, который так стремительно вгрызается в породу?

А вот строители (нижний снимок на 53-й стр.). Это тоже старая профессия. Раньше, строя дом, каменщики клали кирпич к кирпичу. Кирпичей нет на фотографии. Не видно и бетонных панелей и блоков, которые пришли на смену кирпичам. Подъемные краны ставят на место быстро и точно почти что целый этаж. Вот из каких «кирпичиков» монтируют теперь строители дома! И как изменился темп работы! Вы обратили внимание на подпись под снимком? «Пять дней — пять этажей». Пять дней — и дом готов! Не сомневаюсь, что пройдет время, и кто-нибудь из вас будет работать на строительной площадке с новым лозунгом: «Пять часов — пять этажей!».

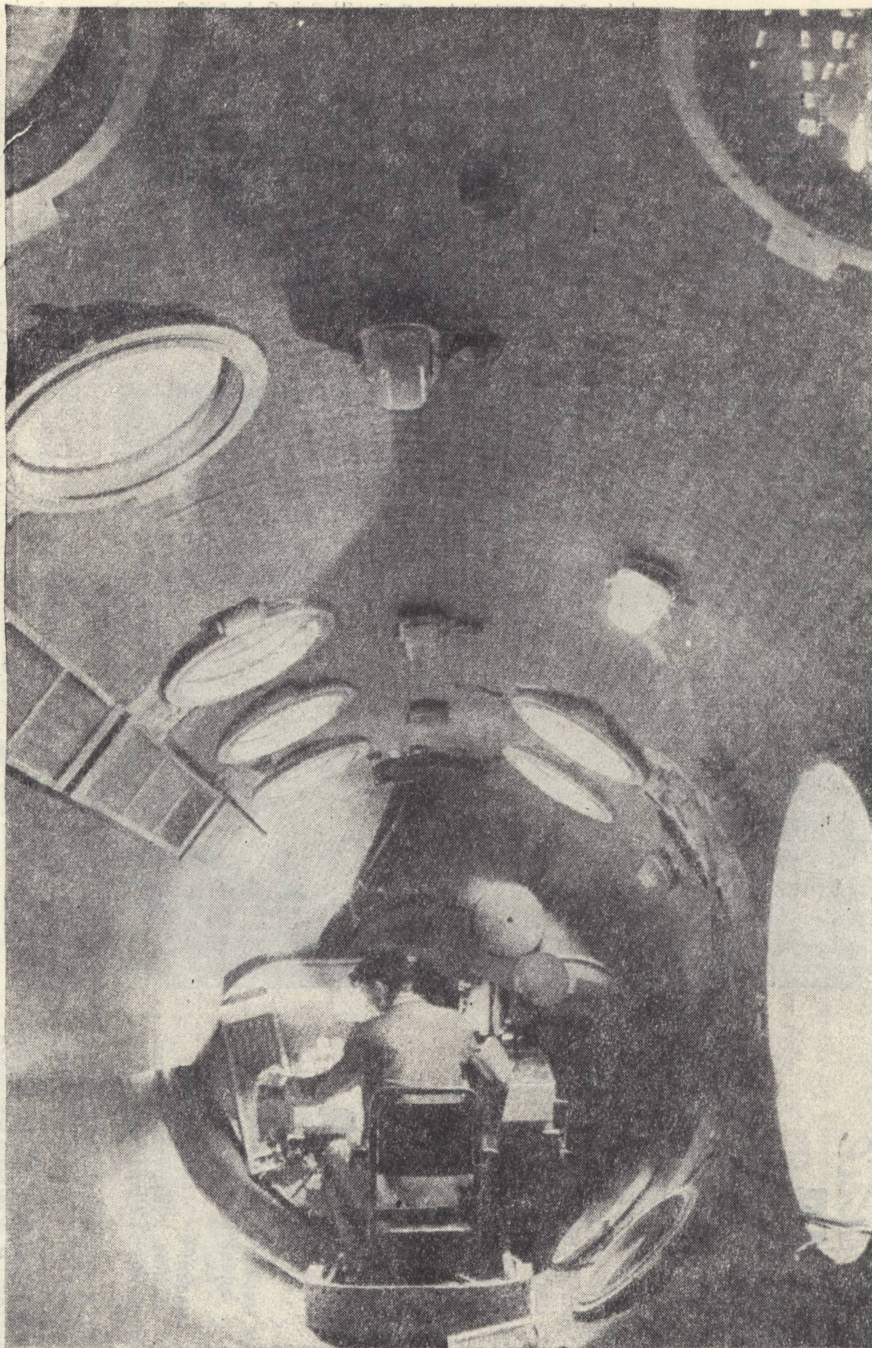
Здесь на верхнем снимке вы видите высоковольтное питающее устройство электронного микроскопа. С его помощью советские био-

Пульт управления.
Фото А. Батанова.

логи и физики изучают вирусы, внутреннее строение мельчайших бактерий, частицы вещества, которые всего в несколько раз больше атома. Электронный микроскоп увеличивает их в двести тысяч раз! А ведь самый сильный световой микроскоп, которым до недавнего времени обычно пользовались ученые, увеличивает лишь в две — две с половиной тысячи раз.

Внизу на стр. 54 — пульт управления атомным реактором. Инженер, сидящий в центре, следит за экранами осциллографов, вспышками сигнальных лампочек, самозаписывающими аппаратами. В его власти самая могучая энергия — атомная. У нее огромное мирное будущее. Атомные реакторы уже вырабатывают электричество, вращают гребные винты ледокола «Ленин», помогают вести исследования в науке.

Кто из вас догадался, что изображено на фотографии справа? Отсек подводной лодки? Часть воздушного лайнера? Или, может быть, камера для тренировки космонавта? Ни то, ни другое, ни третье. Это кабина управления сильнейшего радиотелескопа.

Земля слушает... Фото Н. Хоружего.

Из бесконечных глубин вселенной идут к нам на землю неведомые радиоволны. Какова природа их возникновения, какие космические тела излучают их? Этими вопросами занимается совсем еще молодая наука — радиоастрономия. С помощью мощных радиотелескопов ученые открыли новые звездные миры и радиотуманности, о существовании которых недавно никто не догадывался. А когда в космос запускается спутник, радиотелескопы наблюдают и за ним.

Юз. АЛЕШКОВСКИЙ

ПИОНЕРские ИЗВЕСТИЯ

№ 29 АВГУСТ 1963 г.

Что вы увидели, узнали, чему научились этим летом, что лежит в ваших походных рюкзаках? Этот вопрос редакция «Пионерских известий» задала своим юнкорам в разных городах и селах, всем ребятам, которые писали нам в эти летние месяцы.

И вот пришли ответы.

ТРЕВОГА

На рассвете нас разбудил шепот:

— Всем быстро вставать и одеваться!

Мы собрались на веранде.

Анатолий Александрович сказал:

— В «Красном партизане» сохнет кукуруза. Первый и второй отряды после завтрака идут на прополку. Наш отряд не берут. Говорят, малы.

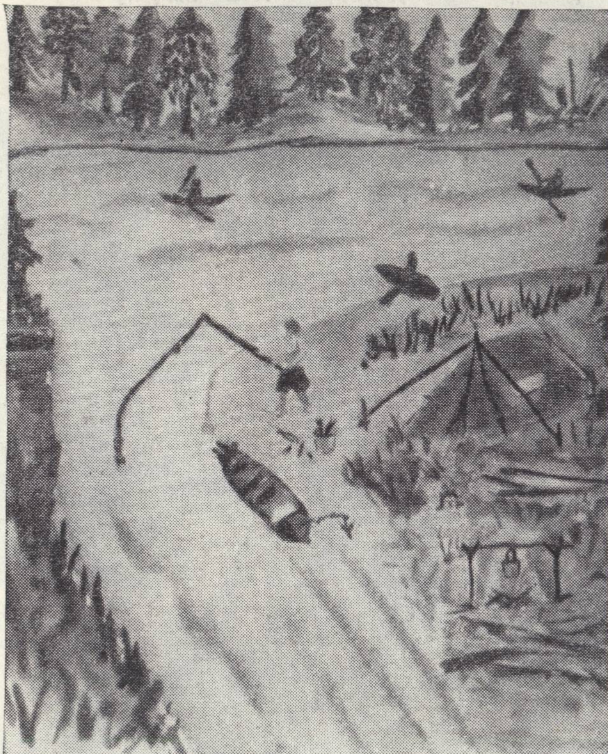
Мы, как всегда, закричали и сказали, что пойдем тоже. Прямо сейчас, до подъема. А к восьми вернемся как ни в чем не бывало.

Мы работали здорово! До восьми нужно было успеть прополоть весь участок, и каждый старался изо всех сил. Особенно в последние полчаса. Что тут было! Без пятнадцати восемь, а три рядка еще остаются. Все кончившие свои рядки бросились на них. Последний заканчивали всем миром. И бегом обратно.

В лагерь пробрались со стороны леса. Когда протрубил горн — вышли на зарядку. Потягиваемся, зеваем, будто только что из постелей. Так никто ничего и не заметил.

Потом наши посыльные донесли: второй отряд явился после завтрака на участок, а он уже прополот!

Лена Суворова,
Пионерский лагерь «Рассвет»,
Северная жел. дор.

Я И ПАПА НА РЫБАЛКЕ.
Этот рисунок прислала нам семилетняя девочка. Нам понравился рисунок, и мы сразу опубликовали его. Но девочка забыла подписать свою фамилию. Мы просим девочку отозваться.

СИНЯЯ СТРЕКОЗА

У меня в коллекции есть синяя стрекоза. Правда, в коллекции больше ничего нет. Но стрекоза есть. Она немножко попорченная: крыло поломалось и цвет стал не такой синий, потому что я засушивал ее в блокноте (я не знаю точно, как надо засушивать стрекоз).

Но когда я на нее смотрю теперь у себя дома, я представляю, какая она была синяя, как она летала около пруда, а я ловил рыбу и поймал карася.

Коля Макарцев, г. Тула.

ДОЖДИК

Раньше я в погоде плохо разбиралась. Когда солнце — хорошее настроение, когда дождик — неважное.

В дождик в лагере делать нечего, гулять нельзя.

И вот однажды идет дождик да идет. Скука страшная. И вдруг мне Нина, наша вожатая, говорит:

— Сходи-ка, Маринка, в Пирогово, в клуб. Попроси там в библиотеке пьесу.

Дала мне Нина плащ с капюшоном и резиновые сапоги. И я пошла.

Иду по дороге — никого кругом. Все от дождя попрятались. Лужи огромные, по плащу дождь стучит, как по барабану, а мне не страшно.

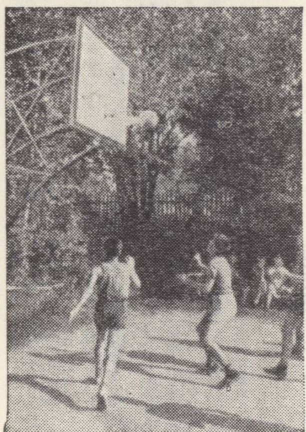
Вот чудеса: дождик идет, холодина, а настроение у меня веселое!

Марина Никитина,
г. Ленинград.

ЧТО ЛЕЖИТ В РЮКЗАКЕ

Из похода я принес наплывы — это грибы такие на березе и на осине бывают, прямо на стволах. Они,

ТАК МЫ ОТДЫХАЕМ. Снимок членов фотокружка Дома пионеров Ленинградского района Москвы.

ЭТИМ ЛЕТОМ НАУЧИЛИСЬ:

Ура! Вот здорово! Я научился плавать!

Миша Орлов,
г. Уфа.

Дядя Сережа показал мне, как класть кирпичи, и я помогал ему. В доме на улице Пушкина сто моих кирпичей!

Олег Рузский,
г. Омск.

Я знаю теперь, как растет хлопок. Я его убирал в колхозе, где живет моя старшая сестра.

Марат Шафиков,
ст. Кропачево,
Башкирская АССР.

Мне было стыдно, что я мальчишка, а не могу залезть на дерево. Взял и научился.

Боря Крупенин,
ст. Шортанды,
Целинный край.

Я жила у дедушки на пасеке (он пасечник в колхозе) и умею теперь ухаживать за пчелами. Это очень интересно!

Таня Коршунова,
г. Ковров.

Если бы видели вы, как я играю в баскетбол! А только этим летом научилась.

Тамара Ибрагимова,
г. Казань.

В лагере я научился:
чистить картошку,
мыть каждый день уши,
танцевать
и делать из коры свистульки.
А плавать не научился, а хотелось.

Гена Зайчиков,
г. Кемерово.

ВЕЧЕР в лагере

Старый бор над
головой
Ветками колышет,
И зеленою волной
Озеро чуть дышит.
Речка быстрая течет,
Узкой лентой вьется,
И от лагерных
костров
Песня вдаль несется.

Валя Шиловская,
с. Павлиново,
Московская обл.

МАКАРОН

Славку мы во дворе зовем Макароном. Драться он не умеет, в футбол не играет, какой-то замкнутый.

До этого лета я его даже не замечал. Крикнешь иногда просто так: «Макарон!» — и пройдешь мимо.

Летом все ребята разъехались кто куда. А я остался. И Макарон остался.

Сижу я дома. Мать с отцом на работе. Тридцать копеек в кармане, а все равно плохо. Друзей нет.

Вдруг приходит Макарон. Я даже удивился: «Ты чего?».

А он говорит: «Да так, ничего. У меня,— говорит,— тридцать копеек есть, пойдем в кино».

Ну, сходили в кино. В парке на карусели покрутились, мороженого по две порции съели. Так и проходили вместе, пока все наши деньги не потратили.

Идем домой, смотрю я на Макарона и думаю: «А он ничего парень, ну и что ж, что замкнутый, зато добродушный».

— Послушай, Славка,— сказал я ему.— Давай, я завтра за тобой зайду. Купаться пойдем.

Сергей Февралев,
г. Москва.

СМЕШИНКА

— Здравствуйте, Мария Ивановна,— сказал Миша лагерному врачу.

— Здравствуй, Миша!

А Миша снова:

— Здравствуйте, Мария Ивановна!

— Ты плохо слышишь? — забеспокоилась Мария Ивановна.

— Что вы! Просто я вчера забыл с вами поздороваться.

Сережа Сорокин,
ст. Чебсара,
Вологодская обл.

Редколлегия: Галя Кухтенкова (редактор), Коля Булгаков, Наташа Жидкова, Боря Косицкий.

...как бархатные, серые и коричневые. Притащил домой и думаю: что с ними делать? А потом придумал: прикрепил к стене булавками,— получилось красиво. Всем понравилось.

Витя Попов,
г. Кокчетав,
Целинный край.

Я поймал в пруду карася. Хотел сначала зажарить, да что с одного карася толку! Выбросить жалко. Посадил в банку, принес домой. Так и живет у меня карась. Кормлю его кашей и хлебными крошками. А в сентябре отнесу в школу.

Витя Овчарек,
г. Херсон.

В лагере у нас был магнитофон. Сначала мы просто танцевали под музыку, а потом сообразили: разве магнитофон только для танцев? Придумали конкурс на лучшую запись. Записали свои туристские песни. Хорошо получилось. Миша Сергеев соловья умудрился записать, а Толя Скиданенко — комариный писк. А мы с Андреем Павловым подкараулили однажды, как две девчонки ссорились, и записали весь этот скандал на пленку. И получили первый приз.

Андрей Пугачев,
г. Куйбышев.

ИСКАТЕЛИ ЗОЛОТА

Ю. НОВИКОВА

Этот заголовок можно понимать буквально. Ребята из Челябинской области, о которых говорится здесь, искали самое настоящее золото.

Приготовление шлиховой пробы на золото.

И не они одни. Золотые месторождения искали и нашли ребята Иркутска, Свердловской области, Дагестана и другие участники Второй всесоюзной экспедиции пионеров и школьников. Всех их можно назвать искателями золота, старателями.

Иркутяне, кроме золота, открыли месторождения слюды. А юные геологи Южного Казахстана нашли медь и свинец. А пионеры Башкирии — нефрит. А краеведы Тагила... Да всех находок и не перечислишь! Многие из них имеют промышленное значение, то есть будут использованы и обогатят хозяйство страны.

Конечно, это очень важно. Но важно и другое: вместе с крупицами драгоценных металлов ребята приобретали драгоценные крупицы знаний, опыта, а эти находки останутся при них. Накапливаясь, они складываются в богатство, единственно нужное человеку. Многие ребята в походах получили вкус к большой науке... Разве это не то же «золото»?..

А дружба, проверенная в походах?.. А встречи и общение с людьми, богатыми опытом и сильными духом?.. Все это приходило к неугомонным искателям, и все это — «золото»... Так что заголовок, стоящий на этой странице, можно понимать и шире. Понимать иносказательно.

Но довольно предисловий. Начинаем свой рассказ. По горам и чащобам шагали юные старатели с рюкзаками за спиной, с инструментами, компасами, фотоаппаратами... А иные прихватили с собой еще одного верного друга и помощника нашей памяти — киноаппарат. Многие пионерские пути-дороги запечатлены на узкой пленке... Вот мы и решили написать этот очерк в форме сценария и показать вам кадры из кинофильма, снятого ребятами.

...Представьте себе на минуту, что вы в кино документальных фильмов. Назовем его хотя бы «Пионерская кинохроника». Гаснет свет... Сейчас вы увидите несколько кинокадров, их будет пояснять Ведущая... А пока на экране и в зале еще темно. И только слышится песенка, придуманная уральскими следопытами. Слушайте эту песенку.

Мы следопыты. Мы идем
Тайгою напрямик.
Палатка — наш походный дом,
А компас — проводник.

Мы знаем, как блестит руда,
Как древний бор шумит,
Как плещет быстрая вода
О голубой гранит...

Хозяева Цветковой горы

Эта надпись появляется на экране. Тише звучит песня. Слышится шум дождя.

Мы видим, как под дождем, одетые по-походному, идут ребята. На велосипедах, увешанных рюкзаками и ящиками, медленно движутся мальчики. Девочки, освобожденные от поклажи, маршируют с лопатами в руках. Дождевые струи сбегают по лицам, по лопатам... Идет под дождем неутомимый руководитель похода—преподаватель Леонид Маркелович Кустов... Под ногами у всех хлюпает грязь...

ВЕДУЩАЯ. Хотя стоял июль, погода, как видите, нам не благоприятствовала. Рано утром мы вышли из нашего родного Пласта и двинулись по направлению к селу Аминьево. Наша разведка имела основания предполагать, что в окрестностях этого села, в недрах так называемой Цветковой горы, скрывается золотоносная россыпь. Скептики, правда, придерживались другого мнения. Кто прав: энтузиасты или скептики?.. Качкарская геолого-разведочная партия предложила нам произвести опробование предполагаемой россыпи... Конечно, нам не хотелось ударить лицом в грязь...

— Ой! — восклицает одна из девочек и, поскользнувшись, падает. Встает, размазывает грязь по лицу. Общий смех.

ВЕДУЩАЯ **(невозмутимо).** Так начался наш поход. Впрочем, если быть точными, он начался значительно раньше, еще зимой...

На экране один из школьных классов. Мальчики и девочки внимательно слушают рассказ «главного геолога» Вали Кирилловой.

ВЕДУЩАЯ. Всю зиму мы серьезно готовились. Леонид Маркелович знакомил нас с основами геологии и минералогии, с топографией и фотографией... Иногда его сменяла Валя Кириллова или Наташа Казымова. Мы учились тому, как лучше организовать и провести путешествие, как подавать первую помощь в несчастных случаях... Лучшие наши следопыты во главе с Витей Белобородовым и Наташей Казымовой еще зимой изучали Санарский лес, по которому нам предстояло идти...

Череп носорога был найден в этом обрыве.

Зимний лес. По снежной целине пробираются знакомые нам девочки и мальчики на лыжах.

ВЕДУЩАЯ. И вот теперь мы все идем к Цветковой горе по Санарскому лесу. Конечно, теперь тут нет снега, но шагать по болотам, право же, не легче...

Мальчики, по колена в болоте, медленно ведут свои велосипеды... Дождь льет с прежней силой.

ВЕДУЩАЯ. Несмотря на непогоду, мы не теряли бодрости духа. Наш кинооператор снимал наиболее эффектные эпизоды...

Кинооператор подбегает к одному из мальчиков с велосипедом.

— Витька!.. А ну-ка еще раз спусти вѐлик вон в ту ямку!

— Спасибо тебе!—сердито отвечает Витька.—Я оттуда еле выбрался!

Но оператор настаивает:

— Ну, Витька!.. Ну, пожалуйста!.. Ради искусства!..

ВЕДУЩАЯ. И вот пройдено семьдесят километров по лесам и топким болотам. Мы — на горѐ, где, по словам старожилов, капиталист Цветков добывал когда-то золото. Кое-где на этой горе сохранились еще вырытые тогда глубокие ямы — «дудки»... Осталось ли здесь золото?.. Нам предстоит это узнать! Мы должны выкопать здесь более тысячи ям и взять более тысячи проб.

Цветковая гора. Ребята копают ямы.

ВЕДУЩАЯ. Наш лагерь расположился на низком берегу реки Уй... Пока ребята работали, дежурные повара готовили обед...

Палатка на берегу. Саша Фатеев и Валя Казымова варят на костре уху.

— Сашка,— спрашивает Валя,— а ты не забыл посолить?..

Но Саша занят другими мыслями.

— По-моему, Валька, мы зря стараемся,— говорит он.— Цветков, наверно, давным-давно все золотишко из горы повыкачал...

— Не каркай!— обрывает его Валя и пробует уху. И внезапно морщится...

— Сашка!.. Что ты наделал!.. Ты же в уху сахару насыпал!

— Ничего подобного! Я вон из того мешочка брал! Там соль.— Саша пробует белый порошок из мешочка и утрачивает уверенность.— Ну да, соль... Нет, сахар!.. (С отчаянием.) Валька! Я, кажется, соль в сахарный песок всыпал!

— Ой, как же это ребята сладкую уху есть будут!!

ВЕДУЩАЯ. Но, как вы догадываетесь, и сладкая уха была съедена с аппетитом... Чего не съешь, когда поработаешь на воздухе целый день!

Женя Шуклин и Витя Белобородов осторожно выкапывают череп сибирского носорога.

Ребята копают. Девочки насыпают пробу в пакет.

ВЕДУЩАЯ. Эти пакетики с пробами отсылали на анализ. Геологи должны были окончательно решить, есть ли золото в Цветковой горе. А мы продолжали рыть ямы через каждые сто метров. Тем временем наши неугомонные следопыты нашли одну интересную вещь. Да пусть они сами вам об этом расскажут...

МАЛЬЧИК. Конечно, иные будут утверждать, что это случайная находка. Но мы считаем, что так непременно должно было произойти. Почему? Да потому, что мы не ходим в походы просто так, мы ищем. И мы привыкли обращать внимание на каждый обрыв, на каждую интересную деталь...

Обрывистый берег реки Уй. Группа ребят рассматривает что-то в склоне обрыва.

МАЛЬЧИК. Как видите, левый берег реки обрывист. Идя вдоль обрыва, мы заметили небольшие белые включения в песке. Спрыгнув к реке, мы увидели, что примерно на глубине двух метров в песке видны сильно разрушенные кости. Река подмывает берег, и кости могут погибнуть, если их не вырыть немедленно. Мы решили взять эту находку для нашего музея...

Ребята осторожно выкапывают кости.

МАЛЬЧИК. Первое, что мы увидели, был кусок бедренной кости. Сразу стало ясно, что это какое-то древнее животное. Вооружившись остро отточенными палочками и кисточками, мы продолжали работу. Сантиметр за сантиметром очищали мы кости от земли и песка...

Ребята наклоняются над большой костью, это череп какого-то ископаемого.

МАЛЬЧИК. Одна кость оказалась крупнее других... Мы работали особенно осторожно... Через час стало ясно, что это голова какого-то неизвестного нам вымершего животного. Мы очень волновались... Наконец голова откопана, мы стоим над ней и гадаем — что это такое? Для мамонта она, пожалуй, маловата, хотя, конечно, это был крупный зверь... Потом нам сказали, что мы нашли череп сибирского носорога... Кто бы мог подумать, что в местах, где теперь расположился наш лагерь, некогда бродили такие чудовища?..

ВЕДУЩАЯ. Видите, сколько терпения понадобилось, чтобы отрыть одну кость? А теперь представьте себе, сколько терпения нужно было всем нам, чтобы вырыть 1 035 ям и взять 1 035 проб да еще дожидаться ответа специалистов!

Мы ждали, но не теряли времени даром. Мы обследовали весь район. И нашли еще выходы бурых железняков, россыпь ильменита и рудопроявление марганца.

Но не буду испытывать вашего терпения: ответ наконец пришел!.. И мы узнали, что в недрах Цветковой горы есть драгоценный металл, и есть в таком количестве, что геологи уже намечают здесь поисковые работы!.. Нам сообщили также, что геологическое управление присудило нашему отряду первую премию — размером в тысячу рублей. Можете себе представить, как мы радовались, как ликовали!..

Солнечный день. По улицам Пласта с веселой песней маршируют ребята. Слышится песенка:

Мы следопыты. Мы идем
По лесу напрямик.
Палатка — наш походный дом,
А компас — проводник.

От нас ревниво бережет
Природа тайники,
Но жажда подвигов ведет
Разведчиков тайги!

Когда-то и теперь

Евгений КОНСТАНТИНОВ

Когда-то, в небе гул услыша,
Я — семилетний мальчуган —
Орал с ватагой ребятишек:
«Аэроплан!.. Аэроплан!..»
И даже взрослые нередко
Спешили выйти из ворот.
Нечистой силою соседки,
Крестясь, ругали самолет.
А он летел,
тяжелым ревом
Наполнив неба синеву.
Услыша гул его,
коровы
Шарахались, забыв траву.

Меж туч, в проеме неба синем,
Спеша закончить перелет,
Опережая гул турбины,
Мелькнул красавец-самолет.
Один из ребятишек потных,
Игравших весело в лапту,
Махнул рукою неохотно,
Спокойно бросил:
«Снова — «ТУ».
Старушка дряхлая, седая
Прошамкала:
«Видать, в Орел...»
Теленок пасся у сарая
И даже ухом не повел.

ОСЕНЬЮ В ЛЕСУ

Н. БЕЛЯКОВ

Кто не любит осенью ходить в лес! Осенний лес красив и щедро дарит своим друзьям множество удивительных вещей: узорчатые листья и причудливые сучочки, спелые ягоды и грибное изобилие, шишки, цветы, семена и много-много другого.

Сейчас в лесу особая пора. Обитатели его готовятся к зиме. И ты можешь помочь им получше перенести это трудное время — зимовку. Вот что мы тебе посоветуем сделать...

ДОМИКИ ДЛЯ ПТИЦ

Может быть, у тебя будет сомнение: «Зачем осенью синичники да скворечники в лесах развешивать?»

Но ведь рано весною ты сюда наверняка не приедешь! А синичка, как говорят знатоки, уже в феврале — марте место для гнезда подбирает. Да и для других птиц неплохо домики заранее приготовить.

ПОРХАЛИЩЕ ДЛЯ РЯБЧИКОВ

Если принести два-три ведра песочку и высыпать его на сухом месте под елкой, то рябчики будут сюда прилетать даже зимою. Прилетит рябчик и будет «купаться» в песке («по́рхаться»), как это и курица делает. Это им нужно для того, чтобы освобождаться от насекомых-паразитов — вшей, пухоедов, пероедов.

Хорошо бы в песок и золы мелкой добавить (третью часть).

ГРИБЫ НА СУЧКАХ

На тонкие прутики и сучочки насади шляпки грибов: лисичек, опят, березовых. А белый гриб всего лучше!

Потом эти прутики прочно привяжи за концы на ветки деревьев ближе к стволу на солнечной стороне (так лучше высохнут шляпки грибов).

Найдут белки эти грибы и полакомятся. Хорошее это дело! Только мало кто из ребят такой работой занимается.

И ЛОСЮ ПОДАРОК

На берегу реки, где в том году разгружали соль в кулях из баржи, местные жители не раз видели лося. Он грыз и лизал землю. Прибегал туда иногда и табунок лошадей землю лизать. Плохой, видно, хозяин у этих лошадей был, если соли им не давал!

Вот и можно сделать лосю подарок. Возьмите килограмма два крупной соли, добавьте горсточку сырой глины, хорошо перемешайте и заверните в мокрую тряпку. Потом положите все это в груду горячих углей под костер. Соль раскалится, расплавится, а когда остынет, получится твердый слиток, чуть похожий на каменную соль.

Слиток хорошо укрепить на колышках под лапами елки. Найдут ли его лоси? Найдут: для приманки мы рядом два веника осиновых привяжем. Любят лоси листья осины!

НЕ ЗАБУДЬ О ПТИЧЬИХ СТОЛОВЫХ

«Пинь-пинь-пинь!» — зазвенит синичка у твоего окна зимою. А может быть, и в форточку заглянет.

Знакомая картина! Часто утром чуть свет слышу и я зимою:

«Пинь-пинь-пинь! Стук, стук, стук!»

По стеклу окна клювом синичка стучит, будто меня разбудить хочет. Вставай, дескать, работать пора — птиц кормить! А в феврале и марте снегири по веточкам ясеня у самой форточки моего окна прыгают. И удивительно мне: на улицу большого города снегири прилетели! Голод-то, говорят, не тетка родная!

Каждый пионер знает, что надо зимой подкармливать птиц в садах, парках и даже лесах. Но забывают ребята о главном: корм нужно заготовить теперь, до зимы.

Многое ты можешь сделать сейчас, в конце лета, в лесу, в поле, на пустырях и в огородах (правда, ягоды рябины лучше заготовить, когда их уже чуть хватило морозом).

Семена березы и ольхи очень любят **чижи, чечетки** и **щеглы.** Ягоды можжевельника охотно поедают **дрозды**, рябину — **снегири, дрозды, рябчики** и многие другие птицы.

Для рябчиков хорошо развесить веточки с ягодами рябины зимой, во время лыжных походов по лесам.

Для **снегирей** соберем гроздья семян с летучками ясеня.

Нужно собрать и ягоды бузины: ее любят те же птицы, которые едят рябину. Собирайте бузину поздней осенью, но до наступления морозов.

Веточки сорняков с семенами заготовляйте в виде веников. Зимою их удобно втыкать в снег на лесных полянках и опушках: далеко их будет видно птицам на белом фоне снега, прилетят непременно! Семена крапивы, репейника, лопуха, чертополоха, конского щавеля, лебеды очень любят многие птицы.

Стоит заготовлять и семена культурных растений: арбуза, тыквы, дыни, подсолнуха, овса, конопли.

И еще один интересный совет: я знаю ребятишек, которые в лесах, на полянках и на опушках коноплю и овес весною сеют. «Пусть, — говорят, — птицы попользуются!» Сознáюсь, и я, старый, тоже часто это делаю. Вскопаю маленькую площадочку около кустиков и посею коноплю. Придет весна, и вы тоже можете так сделать. Интересно потом наблюдать, как птицы будут посещать под осень ваш участок.

НЕ ПРИВОЗИТЕ ЕЖИКОВ ИЗ ЛЕСА

Если ты привез из лагеря ежика, а потом он тебе стал не нужен, не пускай его на сквер или в садик. Там он, конечно, погибнет.

В ближайший выходной увези ежика в лес, выпусти в кустарник: здесь он найдет подходящий корм и сможет подготовиться к зимовке. Ведь нужно найти строительный материал для гнезда и укромное, уютное местечко, где можно спрятаться от врагов.

А еще лучше: не привози, братец, ежиков из леса, не привози!

Почему я об этом пишу? Да потому, что уж очень часто в городских скверах ежики встречаются в те дни, когда пионеры из лагерей приезжают. А потом, осенью, и мертвых ежей ребятишки в садах и скверах находят.

Находил ежей в садике и я: подбрасывают, безобразники, мне в сад, знают, что я животных люблю. А мне забота: ежа в лес везу, выходной день на это теряю.

А птицы? Нет, не нужно и птиц привозить из леса: пусть живут на свободе.

ПРОЩАЯСЬ С ЛЕСОМ...

Расставаясь с другом, конечно, хочется сделать для него что-то очень хорошее.

Хорошо всем вместе пройти последний раз по лесу и внимательно посмотреть, нет ли на пеньках и на стволах деревьев яичек непарного шелкопряда — страшного врага леса.

Бабочка его откладывает до 500 и даже до 600 яичек на нижнюю часть ствола и прикрывает их пушком — будто кусочек войлока на дереве. Весной из яичек выйдут гусеницы и сожрут листья на деревьях. Деревья станут голыми.

Чтобы этого не получилось, нужно уничтожать яйцекладки. Смажьте яйцекладку дегтем или нефтью — тогда из яичек не выведутся гусеницы.

Иногда применяют другой способ: соскабливают яйцекладки на подостланную мешковину или кусок брезента, а потом сжигают. Делать это надо аккуратно, чтобы не раскрошить около дерева яйца бабочки.

Уничтожите сотни яйцекладок — спасете тысячи деревьев.

В ответ на твою заботу и лес не оставит тебя без подарков. Надо только умело ими воспользоваться, чтобы не обидеть лесных жителей.

Рязань, Первомайская, 24

А. СВЕТОВ

УТРОМ, В ШЕСТЬ ТРИДЦАТЬ

Два новых пятиэтажных корпуса образуют гигантскую букву «Г». Ровно в шесть тридцать, когда ночная свежесть еще не покинула сонных, пустых улиц и площадей города, во всех пяти этажах из раскрытых окон раздается звон будильников. Одни звенят мелодично, будто серебряные колокольчики, другие сердито трещат, словно торопят: пора!

Для кого звенят будильники? Кого поднимают они хором в такую рань?

Две-три минуты ожидания, и ответ появляется сам собой.

Десятки мальчишек и девчонок в трусах и майках, в тапочках и кедах высыпают во двор изо всех подъездов. У одних в руках гантели, у других эспандеры, иные — просто так.

Быстро и без суеты становятся в строй. К рослым старшеклассникам пристраиваются те, кто поменьше, на левом фланге самые маленькие.

...Упругим, спортивным шагом бегут они вокруг дома.

Через минуту, растянувшись цепочкой, упругим, спортивным шагом физкультурники бегут вокруг дома, мимо тихих подъездов, огибают спортплощадку, сворачивают за угол школы...

Закончилась пробежка. Ребята становятся на зарядку. Команду подает невысокий, крепко сложенный паренек с непокорным чубом. Это Коля Нечипуренко.

Наклон! Вдох! Выдох! Руки в стороны! Подскоки!..

— Младшие, заканчивайте, — говорит Коля, — остальные переходят к упражнениям с гантелями и эспандерами.

Кончилась зарядка.

Ребята постарше бегут купаться на озеро Зеркальное. И вновь тишь во дворе. Слышно, когда вдали прошуршит шинами ранний троллейбус.

А вечером двор оживает, полнится ребячьими голосами. Идет тренировка в беге и прыжках; с волейбольной площадки доносятся гулкие удары по мячу; звонко щелкает быстрый мячик настольного тенниса; в сторонке, расстелив маты на траве среди зелени, мальчишки разучивают приемы борьбы самбо.

Доволен управдом Александр Иванович, довольны и родители: дети не озоруют, хорошим делом занялись. А не всегда было так! Часть ребят слонялась, изнывая со скуки, часть «развлекалась» глупейшим образом, стреляя из рогаток по лампочкам и стеклам. Взрослые удивлялись. Чего

ребятам не хватает? Клуб для них при жилуправлении организовали. Две комнаты под это дело отвели, каких только кружков не открыли! И кройки-шитья, и художественной лепки, и даже балетный. Многих это увлекло. Многих, но не всех. Не у каждого же талант к лепке или к танцам!

— Надо, чтобы всем было интересно, — заметил однажды восьмиклассник Коля Нечипуренко, — и девчонкам, и мальчишкам, и маленьким, и большим. А если спортом заняться? Спорт ведь для всех интересен.

Но тут посыпались возражения:

— А кто будет руководить?

— Где достать форму, мяч, сетку?

— Да что вы в конце концов, маленькие? — рассердился Коля. — За ручку вас водить прикажете?

— Дело не в форме, — поддержал Костя Шитель, — а мяч и сетку раздобудем.

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ СПОРТ?

Может быть, спорт начинается с листка бумаги, на котором написано: «Список физкультурников»? Может быть, с собраний? «Слово предоставляется... слушали... постановили...»? Если даже где-нибудь он и начинается так, то не здесь.

Здесь, во дворе дома № 24 по Первомайской улице, спорт начался с другого. Однажды на рассвете, когда тишина распростерла над городом свои крылья, из подъезда выбежали двое. В синих тренировочных костюмах, легким, пружинистым шагом они бежали друг за другом. Побегав, перешли на шаг, затем начали зарядку. Двое делали зарядку в пустом дворе. Двое из полусотни ребят, живущих в доме. Не маловато ли?

— Эй, Коля, Костя, — раздается из распахнутого окна чей-то сонный голос, — что вы там делаете? Лунатики, право, лунатики...

На следующий день к Коле и Косте присоединились Слава Ремнев, Ира и Таня Прокопчик, Галя Мудрая. Выглянула в окно Галина мама Зинаида Ивановна, хотела окликнуть дочь, но потом махнула рукой и сама принялась делать зарядку.

Говорят, хороший пример заразителен. Глядя на старшеклассников, во двор высыпали и малыши.

Однажды кто-то из ребят сказал:

— Зарядка что! Вот если бы спортом заняться!

Наготове...

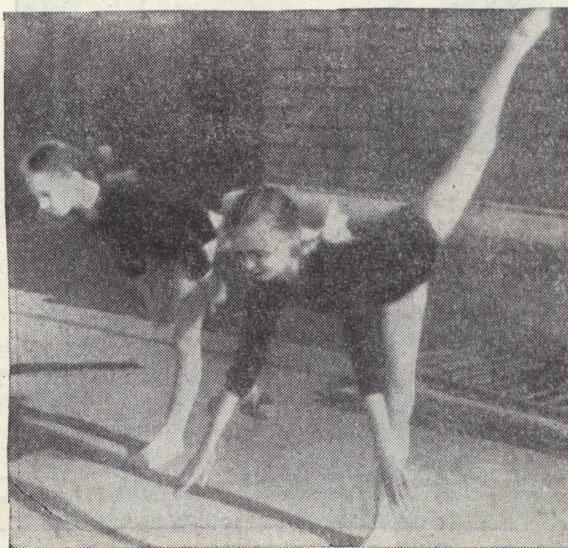
— Эх ты, — усмехнулся Костя, — без зарядки и спорта не бывает! Сам Юрий Власов каждое утро делает зарядку. Если уж самый сильный человек на земле...

— А Валерий Брумель! — напомнила Ира Прокопчик.

— А Николаев и Попович! — перебил Коля. — Они даже в космосе зарядку делали...

И все-таки ребята мечтали о спорте. Слава Ремнев однажды побывал на соревнованиях самбистов. Ему понравился стремительный темп борьбы самбо. «Подумать только, — удивлялся Слава, — в борьбе самбо насчитывается пять тысяч приемов, любой выбирай! Самбист даже с вооруженным хулиганом разделается, как повар с картошкой».

Костя Шитель завидовал стрелкам. «Как бы хорошо было, — думал он, — научиться стрелять, да так, чтобы пули ложились только в яблочко!»

Две подружки, Ира и Света.

Лазанье по канату — любимое упражнение мальчиков двора. Идет соревнование на скорость.

Две подружки-пятиклассницы, Ира Сазонова и Света Карпова, признавали только гимнастику. Тоненькие, худенькие, чем-то похожие друг на дружку, как два тополевых саженца, что растут как раз напротив их окон, девочки хотят стать такими же, как олимпийская чемпионка Лариса Латынина.

Что ж, дорога в спорт открыта для всех, было бы только желание! Слава пришел в секцию самбо к мастеру спорта Анатолию Шипилову, и тот показал ему хитроумные приемы борьбы. Недавно на соревнованиях новичков Слава занял первое место по обществу «Буревестник».

Костя записался в стрелковый кружок Дворца пионеров. Он научился метко стрелять и уже получил юношеский разряд по стрельбе из мелкокалиберной винтовки.

Ира и Света занимаются гимнастикой в Детской спортивной школе. Они также добились успехов, стали разрядницами.

Коля Нечипуренко и Боря Барбашев вступили в общество «Спартак». Это разносторонние спортсмены: занимаются легкой атлетикой, плаванием, настольным теннисом, играют в волейбол.

НАУЧИЛСЯ САМ — НАУЧИ ДРУГИХ

«Человек, который не делится своими знаниями, подобен свету в бочке»,— гласит восточная пословица. В клубе имени Гайдара существует неписаное правило: узнал сам — научи товарища. Это правило соблюдают все: юные художники, вышивальщицы, радиоконструкторы и, конечно, спортсмены. Ведь это так интересно — делиться своими знаниями, научить других тому, что умеешь сам! Похоже на эстафету. Кто-то передал тебе заветную палочку, а ты спешишь передать ее другому.

Посмотрели бы вы, с каким увлечением показывает Слава ребятам своего двора приемы самбо!

— Так делается подсечка,— объясняет он, и в то же мгновение его ученик бревном падает на траву.

— Ладно же,— поднимаясь, говорит он.— А вот это называется «бросок через голову».

И, не успев даже глазом моргнуть, Слава становится жертвой приема, который сам на днях показал приятелю.

— Молодец, — скрывая смущение, говорит Слава, — у тебя пойдет: хорошо усваиваешь.

В это время в сторонке Ира и Света разучивают с первоклассниками «новичковые» упражнения на бревне. Не беда, что бревнато и нет пока. Вместо бревна отлично служит узенькая дощечка, положенная на сиденья двух стульев.

Старательные ученицы уже усвоили многое из того, что показали им Ира и Света. Они научились делать «кувырки», «мостики», умеют пройтись колесом. Недавно для малышей были устроены соревнования по гимнастике. Лучше всех выполнила упражнения Мила Кожуро. Ей и присвоено звание «чемпиона двора».

Спортивное увлечение пятиклассницы Тани Ефимовой — волейбол. Она не только любит играть в волейбол сама, но и тренирует младших.

— Когда я учу подружек, — говорит Таня, — я и сама учусь.

Вы спросите, помогают ли ребятам взрослые. Конечно. Завод искусственного волокна — шеф клуба имени Гайдара — подарил юным спортсменам маты для занятий самбо и стол для пинг-понга. Зинаида Ивановна Мудрая, очень многое сделавшая для детского клуба, раздобыла волейбольные мячи и сетку. Место для спортивной площадки расчистили в углу двора сами ребята, убрали мусор, выкопали столбы. Они все стремятся делать сами. Ведь они уже не маленькие и не любят, чтобы их водили за ручку.

Коллективная зарядка, тренировки, лыжные прогулки зимой, туристские походы летом — все это сдружило ребят. Не беда, что слово «спорт» похоже на слово «спор». Гайдаровцам часто приходится спорить, но это спор дружеский. Он ведется на спортивной площадке, на борцовском ковре, на деревянном поле настольного тенниса, на синей глади озера Зеркального. Закончится спортивный спор, и недавние соперники гурьбой идут в кино или снова возвращаются в свой клуб, где всегда весело, интересно и где они хозяева.

Разучиваются приемы самбо.

Клуб Гайдара не единственный детский клуб в Рязани. Своей дружной футбольной командой прославился клуб имени Гагарина. В Приокском поселке ребята недавно организовали КВН — Клуб веселых и находчивых, есть и клуб «Дружные ребята», организованы детские клубы и кружки при красных уголках многих домоуправлений и в городских парках. И всюду спорт занимает не последнее место: и у «находчивых», и у «дружных», и у всех остальных. Да так тому и следует быть! Когда же начинать дружбу со спортом, если не в детстве? Самая пора!

ОТ РЕДАКЦИИ. Ребята! Нравится ли вам такая жизнь, как у этих мальчиков и девочек в Рязани! Они, конечно, молодцы, что сами начали. Но им труднее пришлось бы, если бы в Рязани взрослые не поддерживали ребят во всех хороших делах. Салют взрослым!

А у вас разве не может так быть! Каждое жилуправление имеет большие средства на работу с детьми. Хватит и на устройство спортплощадок, и на покупку мячей, сеток и другого спортивного оборудования. В вашем городе тоже есть клубы спортивных обществ, стадионы, мастера спорта и тренеры. Попросите их, и они вам помогут. А если нет, идите в горком комсомола. Комсомол напомнит спортсменам, что они обещали в сорокалетний пионерский юбилей вести работу с детьми.

Обещанное надо выполнять. Правда!

ЧИКИ-БРЫК

Виктор ДРАГУНСКИЙ

Рисунки Ю. Узбякова.

Я недавно чуть не помер. Со смеху. А все из-за Мишки. Один раз папа сказал:

— Завтра, Дениска, поедем пастись на травку. Завтра и мама свободна и я тоже. Кого с собой захватим?

Я говорю:

— Известное дело кого: Мишку.

Мама сказала:

— А его отпустят?

— Если с нами, то отпустят, почему же? — сказал я.— Давайте я его приглашу!

И я сбегал к Мишке и, когда вошел к ним, сказал: «Здрасте».

Его мама мне не ответила, а сказала его папе:

— Видишь, какой воспитанный, не то что наш...

А я им все объяснил, что мы Мишку приглашаем завтра погулять за городом, и они сейчас же ему разрешили, и на следующее утро мы поехали.

В электричке очень интересно ездить, прямо замечательно. Во-первых, ручки на скамейке блестят. Во-вторых, тормозные краны красные, висят прямо перед глазами. И сколько ни ехать, всегда хочется дернуть такой кран или хоть погладить его рукой. А самое главное, можно в окошко смотреть, там специальная приступочка есть, если кто не достает, можно на эту приступочку встать и высунуться. Мы с Мишкой сразу заняли окошко одно на двоих, и было здорово интересно смотреть, что вокруг лежит совершенно новенькая трава и на заборах висит разноцветное бельишко, красивое, как флажки на кораблях.

Но папа и мама не давали нам никакого житья. Они поминутно дергали нас сзади за штаны и кричали:

— Не высовывайтесь, вам говорят! А то вывалитесь!

Но мы все высовывались. И тогда папа

пустился на хитрость. Он, видно, решил во что бы то ни стало отвлечь нас от окошка. Поэтому он скорчил смешную гримасу и сказал нарочным, цирковым голосом:

— Эй, ребята! Занимайте ваши места! Представление начинается!

И мы с Мишкой сразу отскочили от окна и уселись рядом на скамейке, потому что папа — известный шутник, и мы поняли, что сейчас будет что-то интересное. И все пассажиры, кто был в вагоне, тоже повернули головы и стали смотреть на папу. А он как ни в чем не бывало продолжал свое:

— Уважаемые зрители! Сейчас перед вами выступит непобедимый мастер Черной Магии, Сомнамбулизма и Каталепсии!!! Всемирно известный фокусник-иллюзионист, любимец Австралии и Малаховки, пожиратель шпаг, консервных банок и перегоревших электроламп профессор Эдуард Кондратьевич Кио-Сио! Оркестр — музыку! Траби-бо-бум-ляля! Трабибобум-ляля!

Все уставились на папу, а он встал перед нами с Мишкой и сказал:

— Нумер смертельного риска! Отрывание живого указательного пальца на глазах у публики. Нервных просят не падать на пол, а выйти из зала! Внимание!

И тут папа сложил руки как-то так, что нам с Мишкой показалось, будто он держит себя правой рукой за левый указательный палец. Потом папа весь напрягся, покраснел, сделал ужасное лицо, словно он умирает от боли, и вдруг собрался с духом и... оторвал сам себе палец! Вот это да! Мы сами видели. Крови не было. Но и пальца не было. Было гладкое место. Даю слово!

Папа сказал:

— Вуаля!

Я даже не знал, что это значит. Но все равно я захлопал в ладоши, а Мишка закричал: «Бис!» Тогда папа взмахнул обеими руками, полез к себе за шиворот, сказал:

— Але оп! Чики-брык!

И приставил себе палец обратно! Да, да! У него откуда-то вырос новый палец на старом месте! Совсем такой же, не отличишь от прежнего, даже чернильное пятно и то такое же, как было! Я-то, конечно, понимал, что это какой-то фокус и что я во что бы то ни стало вызнаю у папы, как он делается, но Мишка совершенно ничего не понимал. Он сказал:

— А как это?

Папа только улыбнулся:

— Много будешь знать, скоро состаришься!

Тогда Мишка сказал жалобно:

— Пожалуйста, повторите еще разик! Чики-брык!

И папа опять все повторил, оторвал палец и приставил, и опять было сплошное удивление. Затем папа поклонился, и мы подумали, что представление окончилось, но оказалось, ничего подобного. Папа продолжал.

— Ввиду многочисленных заявок,— сказал он,— представление продолжается! Сейчас будет показано втирание звонкой монеты в локоть факира! Маэстро!.. Трибо-бибум-ляля!

И папа вынул монетку, положил ее себе на локоть и стал тереть этой монеткой о свой пиджак. Но она никуда не втиралась, а все время падала, и тогда я стал насмехаться над папой. Я сказал:

— Эх, эх! Ну и факир! Прямо горе, а не факир!

И все вокруг рассмеялись, а папа сильно покраснел и закричал:

— Эй, ты! Гривенник! Втирайся сейчас же! А то я тебя отдам вон тому дяде на мороженое! Будешь знать!

И гривенник как будто испугался папы и моментально втерся ему в локоть и исчез.

— Что, Дениска, съел? — сказал папа.— Кто тут кричал, что я горе-факир? А теперь смотри: феерия-пантомима — вытаскивание разменной монеты из носа прекрасного мальчика Мишки! Чики-брык! — И папа вытащил монету из Мишкиного носа.

Ну, товарищи! Я и не знал, что мой папа — такой молодец. А Мишка прямо засиял от гордости, что это вот именно из его носа вытащили монету. Он весь рассиялся и снова закричал папе:

— Пожалуйста, повторите, еще разик! Чики-брык!

И папа опять все ему повторил, а потом мама сказала:

— Антракт! Переходим в буфет.

И она дала нам по бутерброду с колбасой. И мы с Мишкой вцепились в эти бутерброды и ели, болтали ногами и смотрели по сторонам. Вдруг Мишка ни с того, ни с сего заявляет:

— А я знаю, на что похожа ваша шляпа.

Мама говорит:

— Ну-ка, скажи, на что?

А Мишка:

— На космонавтский шлем.

Папа сказал:

— Точно! Ай да Мишка, верно подметил! И правда, эта шляпа похожа на космонавтский шлем. Ничего не поделаешь, мода старается не отставать от современности! Ну-ка, Мишка, иди-ка сюда!

И папа взял мамину новую шляпку и нахлобучил Мишке на голову.

— Настоящий Попович! — сказала мама.

А Мишка действительно получился как маленький космонавтик. Он сидел такой важный и смешной, что все, кто проходил мимо, смотрели на него и улыбались. И папа улыбнулся, и мама, и я тоже улыбнулся, что Мишка такой симпатяга. Потом нам купили по мороженому, и мы стали его кусать и лизать, и Мишка быстрей меня справился и пошел снова к окошку. Он схватился за рамку, встал на приступочку и высунулся наружу. Наша электричка бежала быстро и ровно, за окном пролетала природа, и Мишке, видать, хорошо там было торчать в окошке, с космонавтским шлемом на голове, и больше ничего на свете ему не нужно было, так он был доволен. И я захотел стать с ним рядом, но в это время мама подтолкнула меня локтем и показала глазами на папу. А папа

тихонько встал и пошел на цыпочках в соседнее отделение, там тоже окошко было открыто, и никто в него не глядел. У папы был очень таинственный вид, и все кругом притихли и стали следить за папой. А он неслышными шагами пробрался к этому окошку, высунул голову и тоже стал смотреть вперед по ходу поезда, туда же, куда смотрел и Мишка. Потом папа медленно-медленно высунул правую руку, осторожно дотронулся до Мишки и вдруг с быстротой молнии сорвал с него мамину шляпку! Папа тут же отпрыгнул от окошка и спрятал шляпку за спину, он там ее заткнул за пояс. Я все это очень хорошо видел, потому что я видел папу со спины. Но Мишка-то этого не видел! Он схватился за голову, не нашел там маминой шляпки, испугался, отскочил от окна и с ужасом остановился перед мамой. А мама воскликнула:

— В чем дело? Что случилось, Миша? Где моя новая шляпка? Неужели ее сорвало ветром? Ведь я говорила тебе: не высовывайся! Чуяло мое сердце, что останусь без шляпки. Как мне теперь быть? — И мама закрыла лицо руками и задергала плечами, как будто она горько плачет.

На бедного Мишку просто жалко было смотреть, он лепетал прерывающимся голосом:

— Не плачьте... пожалуйста. Я вам куплю новую шляпку. У меня деньги есть. Сорок семь копеек... Я на марки собираю.

У него задрожали губы, и папа, конечно, не мог этого перенести. Он сейчас же состроил свою смешную рожицу и закричал цирковым голосом:

— Граждане, внимание! Не плачьте и успокойтесь! Ваше счастье, что вы знакомы со знаменитым волшебником Эдуардом Кондратьевичем Кио-Сио! Сейчас будет показан грандиозный трюк: возврат шляпы, выпавшей из окна голубого экспресса. Приготовились! Внимание! Чики-брык!

И у папы в руках оказалась мамина шляпка. Даже я и то не заметил, как проворно папа вытащил ее из-за спины. Все ахнули! А Мишка прямо посветлел от счастья. Глаза у него от удивления растаращились и полезли на лоб. Он был в таком восторге, что прямо обалдел. Он быстро подошел к папе, взял у него шляпку, побежал обратно и что есть силы по-настоящему швырнул ее за окно. Потом он повернулся и сказал моему папе:

— Пожалуйста, повторите еще разик! Чики-брык!

Вот тут-то и получилось, что я чуть не помер со смеху.

Как мы поймали щуку

В. БАНЫКИН

Линогравюры
П. Кузьмичева.

С этим большеголовым мальчишкой я познакомился на Татьянке. Есть такая речушка у меня на родине, капризная, виляющая из стороны в сторону. Через поля и перелески бежит, торопится светлая, веселая Татьянка к матушке Волге.

Раньше, в детстве еще, помню, ох и рыбы всякой водилось в речушке! И теперь по старой памяти, когда бываю иным летом в Самарске у родных, непременно отправляюсь на Татьянку.

У Хомякова яра на берегу и повстречал я прошлым летом большеголового паренька — заядлого рыболова. Он сидел в развилке старого сухостойного дерева, накренившегося над бездонным омутом. Сидел себе преспокойно и удил.

Моя лодчонка стояла в заводи неподалеку от яра. Отсюда хорошо был виден этот поджарый мальчишка.

Где-то далеко-далеко в степи, за притихшей к вечеру речкой, собралась гроза, и рыба совсем не клевала.

Я уже смотал удочки и сидел на корме, опустив ноги в теплую воду, наслаждаясь прохладой, робко опускавшейся на уставшую от зноя землю.

Там, у горизонта, клубились, волнуясь, сине-черные тучи, то и дело пронзаемые змейками-молниями. А тут, на самой середине Татьянки, плавал белый серпик месяца. Изредка из синеющего омута вырывались стеклянные всплески. Это, должно быть, жадные щуки ловчились проглотить месяц. Но легкий, узкий серпик, с каждой минуткой делаясь все более золотистым, не давался. Он ловко увертывался, скользя по бесшумной волне, а когда рябь утихала, возвращался на прежнее место.

Тут я вспомнил про маленького упрямца, все еще сидевшего на старом дереве. Вспомнил и крикнул:

— Эй, парень! Поплыли в город!

Мальчишка ответил не сразу. Вот он не спеша смотал одну удочку, потом другую. Горестно так вздохнул — до меня отчетливо долетел трагический его вздох — и лишь после этого недоверчиво спросил:

— А вы, дядя, сами-то тутошний?

— Тутошний.

— А на какой улице живете?

— На углу Садовой и Полевой.

Весело ахнул мальчишка:

— Так я тоже на Садовой... рядышком с Полевой.

— Выходит, соседи мы с тобой! — засмеялся я. — Весь вечер сидели рядом и не знали об этом.

С кошачьим проворством мальчишка полез по корявому суку, нависшему над омутом. Благополучно спустившись на землю, он ненадолго пропал в густущем тальнике, разросшемся по берегу яра.

Вынырнул он из кустарника у самой лодки. Обе руки его были заняты: в одной удочка, в другой ведерко.

— А ты все же с уловом? — спросил я.

Он солидно, по-взрослому протянул:

— Баловство... четыре верхоплавки да три окунечка. За целый-то день!

И поставил ведерко на нос лодки.

— И то добыча! — ободрил я рыбака.— Как тебя звать-то?

— Ваняткой.— Мальчишка заломил назад кепку с надорванным козырьком, почесал висок и рассудительно проговорил:

— А как вы думаете, может, лучше выпустить мальтявок? Пусть растут.

Ванятка вздохнул, опять низко, прямо-таки до самых смоляных бровей надвинул картуз. И вдруг решительно схватил ведерко, выплеснул из него в речку воду.

— Радуйтесь, глупые!

Через несколько минут мы отчалили от берега и поплыли вниз по течению. Я сидел на веслах, а Ванятка за кормовиком. Негромко поскрипывали уключины. Где-то на левом берегу тоненько ржал жеребенок. Месяц запутался в кисейном облачке, набежавшем на него, и отражался в Татьянке туманно и расплывчато. Зато за нашей верткой лодчонкой бежала шустрая звездочка, крупная, яркая, точно спелый апельсин. Такие глазастые звезды я видел только в далекой Африке.

И вдруг ни с того ни с сего во весь голос закричал Ванятка.

Бросил я весла и — к мальчишке.

— Что с тобой?

А он с перепугу и слова вымолвить не может. В этот миг в полнеба полыхнула молния. И увидел я в ногах у Ванятки, опасливо приподнятых над сланью, большую зеленую щуку. Она вся извивалась, и била по слани хвостом. Схватил я деревянный черпак, валявшийся рядом, и оглушил щуку. А потом присел на корточки, зажмурив ослепшие внезапно глаза.

Она... она вот та-ак вымахнет из воды... вот та-ак прыгнет в лодку! — придя в себя, сиповато проговорил сконфуженный Ванятка.

Зеленая щука, теперь еле различимая в дегтярных потемках, все еще извивалась. И мне стало почему-то смешно.

— Ну и ну! — сказал я весело.— Поймали ж мы с тобой рыбищу на уху!

Хмыкнул Ванятка. Хитро так хмыкнул.

— А правда, дядя... давайте всем будем говорить... всем будем говорить про то, как мы помучились с этой щукой, пока ее, вражину, в сачок не заарканили!

КОСТИНА ВИШЕНКА

Весь сад был пронизан золотыми копьями. Брел Костик по фиолетовой тропинке и все закрывался рукой от солнца, которое так и хотело заглянуть ему в глаза. Большое, ясное, оно все ниже и ниже склонялось к забору.

Вдруг Костик остановился. Дорогу ему преграждала низко свисавшая над тропкой тяжелая вишенная ветка с крупными ягодами. Одну из вишенок насквозь пронзило острое солнечное копье, и она вся огненно пылала.

Посмотрел Костик пристально и рот разинул.

«Вот это да! — подумал он. — И почему я раньше никогда в жизни еще не видел такое!»

Ягода прозрачно сверкала, как бесценный рубин. Костик отчетливо видел внутри нее багряное зернышко, видел он и пунцо-

веющие пузырьки, словно плавающие в горячем сиропе. Нет, это не пузырьки, а тонюсенькие жилки, перепутанные между собой, как нитки.

Долго еще всматривался Костик в затаенную жизнь спеющей вишенки. И вместо этих пузырьков и жилок он уже видел внутри вишни танцующие живые существа.

Но вот у него заслезились глаза. Побрел Костик дальше. Прошел несколько шагов, оглянулся на вишневую ветку. Но где же она, его рубиновая ягодка? А ее как не было. Все ягоды на ветке были похожи друг на друга, точно родные сестры. Тогда Костик бросился назад, встал на прежнее место.

Солнце уже опустилось за высокий забор, и золотое копье не пронзало приглянувшуюся вишенку. И Костик ее не узнал. Которая из этих десяти вишен на миг открыла перед ним свою загадочную жизнь? Вот эта, с чуть вдавленным бочком? Или эта, круглая-круглая? Или, возможно, вот эта, с розоватой, еще не загустевшей маковкой? Нет, нет и нет! Ни та, ни другая и ни третья. А которая из них была той ягодкой? Об этом уже никогда не узнать.

Разведка в лесу

В. МАТВЕЕВ

Рисунки Е. Ведерникова.

ТАЙНА ПЯТОГО РЮКЗАКА

Когда Александр Васильевич узнал, что Большой, Малыш, Толстяк и Девчонка едут в пионерский лагерь, он сказал:

— Научите ребят всему, чему сами научились. К концу смены я обязательно к вам выберусь. Готовьтесь к большой военной операции.

Друзья привезли с собой в лагерь пять рюкзаков. На четырех были написаны имена ребят: Миша, Шура, Женя и Сережа (попробуйте-ка определить, кого как звали), на пятом стояло короткое «ШУН».

Все, конечно, принялись расспрашивать, что это значит — «ШУН», но ребята отмалчивались.

И только когда все важные дела первых лагерных дней были закончены, друзья вынесли загадочный рюкзак на «полянку интересных затей», и Малыш запустил в него руку по самый локоть.

Он вытащил карту.

— Смотрите, наша речка! — тотчас узнали ребята.

— А вон Дубровка, и Демидово, и Новоселки!

— И даже мельница нарисована!

— Вот здорово!

Все стали рассматривать на карте знакомые места. Малыш подождал немного, а потом вдруг спросил:

— Ну, а теперь кто покажет, где находится наш лагерь?

Ребята замялись.

А Малыш задавал все новые вопросы:

— Какой масштаб карты? В какую сторону течет река Соть? Можно ли ее перейти вброд? Сколько дворов в Дубровке и Демидове? Сколько километров по прямой от мельницы до Демидова? Где на карте ягодные места?

Немногие сумели ему ответить.

Потом пришла очередь Большого.

— Посмотрите на дорогу, — сказал он. — Кто сможет разглядеть отсюда, что делает человек у мельницы? Никто?

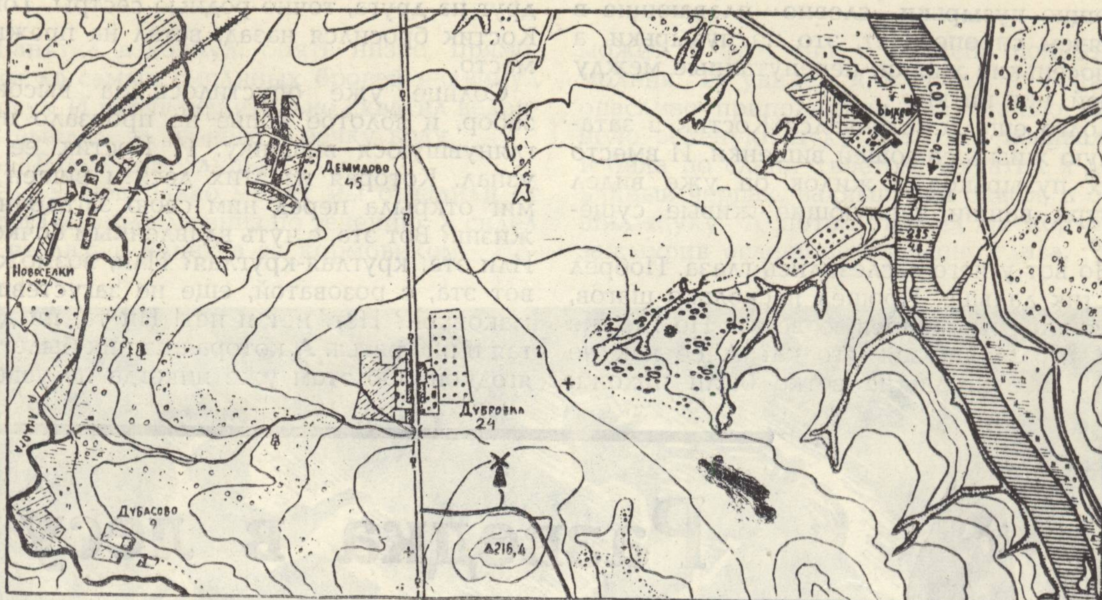
Большой достал из рюкзака кусок картонки и свернул его в трубку.

— А теперь?

Что за чудеса? Если смотреть на человека через самую обыкновенную трубку, даже безо всяких стекол, отчетливо видно, что он делает: сматывает какую-то веревку.

Большой объяснил:

— Вы, наверное, не раз видели: когда человек всматривается вдаль, он прикрывает глаза ладонью. Это он защищается от света,

который падает со стороны и мешает видеть отдаленные предметы. Охотники и разведчики часто смотрят через неплотно сжатый кулак. Но еще лучше смотреть через вот такую трубку. И вот что интересно: хвойные деревья кажутся через трубку более зелеными, небо еще голубее, цветы ярче.

— А если разведчику или следопыту нужно рассмотреть что-то очень маленькое, можно сделать так, — сказал Толстяк.

Он проколол картонку иглой и посмотрел сквозь прокол на свой палец.

— Такая самодельная лупа дает двукратное увеличение.

Это было еще интереснее. Все стали рассматривать сквозь отверстие в картонке разные мелкие предметы.

Девчонка тем временем извлекла из рюкзака пачку карточек с нарисованными на них следами разных птиц и животных.

— Кто знает, чьи это следы? — спросила она у ребят.

Нашлось немало охотников, но почти никто не сумел правильно назвать все следы.

И тогда Малыш сказал:

— Женька, Сережа и Шурка показали вам десятую часть того, что хранится в нашем рюкзаке. Кто хочет узнать больше, пусть почаще приходит на эту полянку.

«ХОДЯЧАЯ ЛИНЕЙКА»

Такое прозвище получил в лагере Толстяк. На удивление всем ребятам он мгновенно определял размеры самых разных предметов, которые ему приносили.

Подадут ему карандаш.

— Четырнадцать сантиметров, — говорит Толстяк.

Принесут палку.

— Метр двенадцать.

Спросят, какой длины веревка, а у него уже готов ответ:

— Одиннадцать метров с половиной.

— Как ты это делаешь? — удивлялись ребята.

И Толстяк поведал им свой секрет.

Оказалось, он нашел: расстояние между плечом левой руки и пальцами вытянутой правой у него — один метр, ширина ногтя на большом пальце — один сантиметр, расстояние между концами раздвинутых указательного и среднего пальцев — один дециметр. И это помогает ему измерять вдоль и поперек все, что встречается ему на пути.

В кармане у Толстяка есть табличка, в которой записаны такие данные:

1 мой шаг — 75 см
2 шага — 1 м 50 см
3 шага — 2 м 25 см

4 шага — 3 м
5 шагов — 3 м 75 см
6 шагов — 4 м 50 см
7 шагов — 5 м 25 см
8 шагов — 6 м
9 шагов — 6 м 75 см
10 шагов — 7 м 50 см.

Ребята, увидев эту табличку, сначала удивились.

— Если ты знаешь, что один твой шаг — 75 сантиметров, то разве трудно сосчитать, сколько будет 5 или 8 шагов?

— А если я прошел 487 шагов? Вместо того, чтобы 487 множить на 75, я делаю так: 4 шага — 3 метра, значит 400 шагов — 300 метров. 80 шагов — 60 метров, а семь шагов по табличке — 5 метров 25 сантиметров. Поэтому 487 шагов — 365 метров 25 сантиметров. Легко и быстро.

Ребятам понравилась хитрость Толстяка, и они тоже завели себе такие таблички.

ОПЕРАЦИЯ «ГОЛУБАЯ СТРЕЛА»

В лесной чащобе за лагерем Большой учил ребят бесшумно и незаметно ходить по лесу, Девчонка — распознавать следы, узнавать по голосу птиц и даже подражать им. Разведчики часто пользуются птичьим посвистом как условным знаком.

И вот наконец наступил долгожданный день. В лагерь приехал Александр Васильевич. Большая военная операция «Голубая стрела» была назначена на 10.00.

Части «синих» заняли круговую оборону в лесу за Новоселками, «желтые» расположились за рекой. Исход военной операции во многом зависел от разведки.

...Разведка «синих» залегла. Девчонка знала: «желтые» находятся на противоположном берегу, в домике бакенщика.

— Жень, кажется, там все спокойно, — вглядываясь в даль, заметил высокий белобрысый мальчишка, — вон, я вижу, Танька, дочка бакенщика, белье развешивает.

— Что она там развешивает? — сказала Девчонка. — Приглядись-ка получше.

— Не видно, далеко очень, — ответил белобрысый.

Девчонка посмотрела на него с укоризной. Разведчик понял, что значит этот взгляд. Приложив к глазу кулак, он стал рассматривать, что происходит за рекой.

— Почему с бельем висит ушанка? Ее не стирают! — продолжала Девчонка.

— Догадался! — обрадованно закричал белобрысый. — Это шифр.

Так оно и оказалось. «Желтые» сообщали своим частям о месте сбора, совсем не рассчитывая, что разведка противника прочитает их сообщения раньше.

Тем временем разведка «желтых», которой командовал Сергей, пробиралась лесом в расположение противника. Разведчики шли один за другим, как учил их командир, небольшими шагами, ставя ногу на носок и лишь потом перенося тяжесть тела на всю ступню.

Впереди блеснул ручей. Разведчики вошли в него, опустив ноги в воду с носка, и

пошли, не поднимая ног над водой, чтобы не выдать себя всплеском.

На другом берегу зеленел луг. По высокой траве не пройдешь, не оставив следа. Как тут быть? Но разведчики «желтых» — люди опытные. Они идут по траве, высоко поднимая ноги и ставя их на носок: так почти не остается следов.

В лесных зарослях послышался приглушенный говор. Разведчики притаились.

— Передаю шифрованное донесение, — сказал знакомый голос Витьки Павлова (Витька Павлов у «синих» — телефонист). — Записывайте: 25, 11, 29, 30, 31, 27, 11, 16, 24; 35, 16, 28, 16, 19; 29, 26, 30, 40; 13; 29, 30, 26, 28, 26, 25, 31; 25, 16, 23, 20, 15, 26, 13, 11.
27, 28, 26, 30, 20, 13, 25, 20; 22, 25, 11, 29; 25, 16; 18, 15, 17, 30!

Разведчики записали цифры на бересте острием ножа.

— Они не ждут нас с той стороны, понимаешь, — снова послышался голос Витьки.

— Они думают, мы будем наступать на их правый фланг, — ответил ему чей-то другой хриплый голос.

Разведчики повернули обратно. Судя по всему, они раздобыли важные сведения...

— Ловко мы их провели! — радовался Большой.

Операция «Голубая стрела» была завершена к 13 часам. После обеда Александр Васильевич вместе с Большим, Малышом, Толстяком и Девчонкой подвели итоги.

— Каждый из вас успешно выдержал экзамен, — сказал Александр Васильевич. — Вы умеете не только сами учиться, но и учить других. Вот вам последняя часть секретной записки.

Большой достал из кармана три других части и сложил их вместе. Наконец-то текст секретного документа восстановлен!

* * *

И вы, ребята, сделайте то же: сложите части секретной записки, напечатанные в №№ 2, 3, 4, перерисовав их из журнала. Прочитав записку, вы узнаете, кого готовит ШУН, кого в него принимают и кто им руководит. И вы сами можете стать членами и даже руководителями ШУНа в своем дворе, звене, отряде.

ретно
наверное, хотели бы узнать, кого
орая носит странное назв
вит и кто ею руководи
особенно нужны внима
самообладание?
-скажете вы,- Космона
елю. Наша шко ла гот
чей, молодой вс ех про
екалка, выд ержка-
дались: „таинствен
твенный. Рабо
станции, увлекает
ыл разведчиком
ит для всех!

Сумели ли вы ответить на вопросы Малыша (карту района, в котором расположен лагерь друзей, мы напечатали), разгадать текст двух шифрованных сообщений и установить, как звали Малыша, Большого, Толстяка и Девчонку?

Шлите нам донесения. Тем, кто успешно справился со всеми заданиями, будут посланы следующие.

Владислав БАХРЕВСКИЙ

* * *

Я у пенька на землю лег,
От хвои запах тонкий.
И мох кругом. И в этот лог
Приходят ночью волки.

Я не боюсь кусачих змей,
Заглядываю в норы.
Я здесь в гостях у всех зверей.
У нас не будет ссоры.

Я каждый день все жду и жду
И не дождусь, наверно,
Что сбросит платье на пруду
Лягушечье
царевна.

И надо мной далекий шум
И лапы добрых сосен.
Я до сих пор весной дышу,
А в город входит осень.

ОТОВСЮДУ И ОБО ВСЕМ

Фото Б. Мясникова.

«КАЗАНСКИЕ ШАРЫ»

Хорошо служит науке этот «воздушный шарик». Научные приборы, которые он поднимает на большую высоту, сообщают по радио важные сведения об атмосфере. На земле метеорологи принимают и расшифровывают эти радиосигналы и узнают, какая сегодня влажность и температура воздуха, какова скорость ветра. Много других сведений сообщают ученым радиозонды — так называются эти приборы.

Оболочки для радиозондов делаются на Казанском заводе резинотехнических изделий. «Казанскими шарами» пользуются все советские метеорологи. На снимке вы видите, как испытывается оболочка крупного радиозонда.

УЛОВ В КИНОТЕАТРЕ

В этот кинотеатр на Аляске нельзя попасть за деньги. Владелец его — рыботорговец. Он требует, чтобы за билеты платили только рыбой, живой или мороженой. Каждый киносеанс приносит ему хороший улов.

С. Фролов

НА БЕЗРЫБЬЕ...

Трудно стать пловцом без воды, трудно стать альпинистом без гор. Но безвыходных положений не бывает.

Голландия — абсолютно плоская, равнинная страна. Там гор и в помине нет. Как же быть с тренировками голландским альпинистам? Вот они и облюбовали для учебных «восхождений» старинную сторожевую башню противопожарной защиты Амстердама. Оконные ниши и смотровые щели заменяют им скальные выемки и трещины, а подъем по отвесной стене семидесятиметровой высоты — не простое дело и для опытных спортсменов. Неверный шаг здесь может окончиться так же печально, как и на горных кручах.

Пройдя выучку на «склонах» старой башни, голландцы отлично себя чувствуют в настоящих горах.

ОДНА ЛАСТОЧКА НЕ ДЕЛАЕТ ВЕСНЫ

Считается, что у птиц не бывает зимней спячки. Их организм не приспособлен к зимнему сну, как, например, у сурка. Между тем в средние века и в эпоху Возрождения некоторые авторы писали, будто ласточки, не успевшие вовремя улететь в теплые края, зарываются в тину под водой и проводят зиму в летаргическом сне и будто рыбакам приходилось вытаскивать из воды сетями целые скопления ласточек.

Современный биолог Рене Тевенен тоже считает, что в некоторых редких случаях ласточки, не успевшие улететь с другими, проводят зиму в наших краях, впадая в оцепенение подобно тем животным, которые погружаются в зимнюю спячку.

Рене Тевенен полагает, что при мягкой погоде время от времени ласточки пробуждаются, чтобы найти себе какую-нибудь пищу. «Каждому, — пишет он, — хоть раз в жизни приходилось видеть такую одинокую ласточку в ноябре или январе. Откуда прилетела она? Где она скрывалась? Это все еще очень неясный и спорный вопрос».

ТРИ ТЫСЯЧИ ЛЕТ НАЗАД

Посмотрите на эту древневавилонскую печать. Ей больше трех с половиной тысяч лет. Это небольшой каменный цилиндр, на котором вырезан рисунок. Печать прокатывали по влажной глиняной табличке, и на ней выдавливался отпечаток рисунка. Присмотритесь внимательно к отпечатку:

два быка тянут плуг, один работник погоняет быков, другой направляет плуг, держа его за рукоятки. Третий насыпает зерно в воронку с трубкой, прикрепленную к плугу. Зерно медленно сыплется через трубку и попадает в борозду.

Оказывается, уже тогда существовало сложное сельскохозяйственное орудие, которое можно считать прабабушкой теперешней сеялки.

Р. Рубинштейн

В ГОСТЯХ У ЧЕМПИОНА

Здравствуй, Коля Дьяченко! Ну и задал ты работы нашему Пешкину! Получив письмо из Азова, Пешкин сразу бросился выполнять твою просьбу. И правильно сделал. Ведь вопросы, которые ты прислал, интересуют и всех других любителей шахмат.

Ты хотел узнать, Коля, как начал играть в шахматы Тигран Петросян и что он советует тем, кто хочет стать хорошим шахматистом?

Вооружился Пешкин фотоаппаратом и отправился домой к чемпиону мира. Там шел урок шахматной игры. Тигран Петросян показывал интересную партию своему сыну Вартану. В обсуждении ходов Пешкин, конечно, тоже принял участие. А потом завязалась беседа.

— В шахматы я научился играть, — сказал чемпион мира, — когда был еще совсем маленьким, учился в первом классе. Вначале шахматы кажутся скучной игрой, но когда как следует в них разберешься, тогда поймешь, что впечатление это обманчиво, и навсегда полюбишь шахматы. Это красивая, увлекательная борьба, которая требует выдумки, находчивости, упорства.

Научиться хорошо играть может каждый из вас. Для этого надо не бояться поражений, не трусить, участвовать в соревнованиях, заниматься теорией.

Лучше всего вести тренировки в секции у себя в школе или в Доме пионеров. Мне, например, очень много дали занятия в Тбилисском Дворце пионеров.

Тебе, Коля, и всем другим ребятам желаю больших успехов в учении и шахматах!

* * *

Хорошие советы дал вам, друзья, чемпион мира! И верно, там, где ребята вместе занимаются шахматами, они уже многого добились. Об этом рассказывают следующие два письма:

В ДЕРЕВНЕ ОЗЕРАНЫ

Секция шахматистов в нашей школе работает около трех лет. Мы вместе изучаем теорию, решаем задачи, разбираем партии мастеров и свои, которые играем в турнирах.

Каждый, кто занимается в секции, готовит нескольких новичков, чтобы и они могли принять участие в школьных соревнованиях.

Пешкин в гостях у чемпиона мира.

Сейчас многие ученики у нас получили спортивные разряды, а в первенстве Новогрудского района победила наша команда.

Геннадий Михаленя,
деревня Озераны,
Гродненская область.

СВОЯ ГАЗЕТА

Семнадцать ребят занимаются в шахматной секции Дома пионеров. У нас есть свой план. Проводим турниры, устраиваем занятия. А теперь будем выпускать свою шахматную газету. Мы будем комментировать партии, проводить конкурсы решений.

Вместе заниматься интересно, и результаты получаются хорошие.

Ваня Белоусов,
поселок Куйтун,
Иркутская область.

А ТЕПЕРЬ — СЛОВО ПЕШКИНУ

— Хочу, ребята, рассказать об итогах заочного соревнования, о том, как решаются загадки, которые предложил я вам в третьем номере журнала. Писем я получил множество, хоть отбавляй. Но на этот раз правильных решений не так уж много. Кое-кто из вас поторопился, невнимательно анализировал позиции.

В положении № 1 белые выигрывают так: 1. Крс2! Лb1 2. а7 Л : b2+ 3. Крd1 Лb1+ 4. Кре2 Лb2+ 5. Крf1 Лb1+ 6. Крg2 Лb2+ 7. Крh1 Лb1+ 8. Сg1, и пешка а7 превращается в ферзя.

А в позиции № 2 цель достигается так: белые ставят ладью на h8, затем забирают пешку h4 и соединенными усилиями короля и ладьи теснят черного короля в угол доски, на h1. В конечном счете дело кончается матом.

В партии Макаров — Гулько белые очень хорошо провели атаку. Ошибочный ход черных 6...Ке4. Надо было играть 6... Кd5.

Грамоты «Ферзя и ладьи» получают **Юра Зайцев** (Каменец-Подольск), **Саша Некипелов** (пос. Алексеевка Белгородской обл.), **Саша Терихов** (совхоз «Красный Октябрь» Саратовской обл.)

Из нашей почты

НЕТ ЛИ У ВАС ТАКИХ!

Недавно я и мой друг познакомились с одним мальчиком. Заговорили о шахматах. И Алик — так звали нашего нового знакомого — стал хвастать. «У меня третий разряд, — говорил он, — я сразу вас обыграю...»

Предложили мы ему сыграть, а он ломается, капризничает. Ну, все-таки сел за доску. Ребята собрались вокруг. Играл Алик небрежно, делал вид, что ему неинтересно, и получил мат на десятом ходу.

Теперь Алик уже не зазнается, стал совсем другим. Хороший урок он получил.

Я решил написать об этом случае. Может, и у вас есть хвастуны?

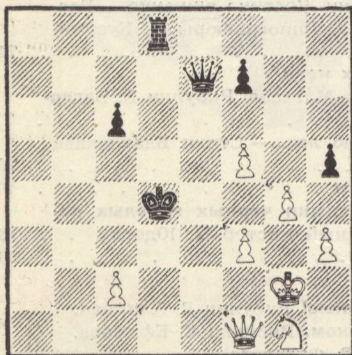
Святослав Милославский,
Кишинев.

НАШ ТУРНИР

Я очень люблю шахматы и организовал в школе шахматные соревнования. Последний турнир прошел очень интересно, борьба была упорной. Первые три места, набрав по семи очков из девяти возможных, разделили С. Харханов, Г. Кривошеин и я.

Турнир провели, а как по его итогам получить спортивные разряды, не знаем. Расскажите об этом.

И еще я составил этюд и хочу предложить ребятам найти его решение.

В этом положении белые начинают игру и добиваются победы. Каким образом?

Виктор Орлов,
с. Новая Уда, Иркутская область.

Многие ребята спрашивают о том, как по результатам турнира получить спортивный разряд.

Таблицу турнира, заверенную учителем физкультуры, надо послать в районный или областной Совет спортивных обществ и организаций для оформления. Не забудьте только указать, какие спортивные разряды имеют все участники.

ЗАГАДКИ ПЕШКИНА

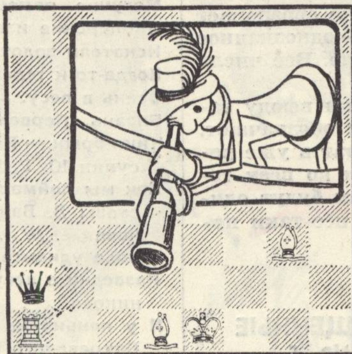
Кроме этюда Вити Орлова, в наше заочное соревнование мы включаем две необычные загадки Пешкина.

Смотрите, какая странная позиция на этой диаграмме!

В чем здесь хитрость, какое может быть задание?

Задача такова: белые берут обратно последний ход и дают мат в один ход черному королю!

А в этом удивительном положении у черных пока нет короля. Задача: поставить этого «короля-невидимку» на такое поле, чтобы белые, начиная игру, могли дать мат в два хода черному королю.

Победители заочного соревнования получат грамоты «Ферзя и ладьи».

СПРАШИВАЮТ ДВА ДРУГА

«Скоро начнутся занятия в школе,— пишут нам два друга Витя Афонин и Сережа Довженко из города Пензы.— Мы хотим, чтобы в этом году у нас была своя шахматная секция. Объясните, могут ли сами ребята проводить соревнования?»

Очень хорошо, друзья, что вы решили взяться за организацию школьной секции любителей шахмат. Уверен, что ребята вас поддержат и секция скоро начнет свою работу. Буду рад принять вас в число своих оруженосцев.

А теперь о соревнованиях. Спортивные разряды могут получить участники любого школьного турнира. Для этого надо, чтобы турнир прошел организованно и чтобы каждый участник сыграл в нем не менее десяти партий.

Когда турнир закончится, таблицы результатов надо заверить в школе и послать в районный или городской Совет спортивных организаций. В турнире новичков все ребята, набравшие 50% возможного количества очков, имеют право на получение пятого разряда.

Если все участники турнира уже имеют пятый разряд, то четвертый разряд получают те из них, которые наберут 67% из возможного количества очков.

Начинать надо с турниров в отрядах. Если в каком-нибудь отряде будет очень много шахматистов, то их надо разбить на группы.

В заключение проведите финальный турнир на первенство дружины. В нем должны принять участие победители отрядных соревнований.

Вот и последние страницы журнала... Весь номер прочитан. Но ты подожди, не откладывай его сразу в сторону.

МЫ СОВЕТУЕМ:

На пионерском сборе прочитать ребятам рассказ Тани Морозычевой, подруги Вали Терешковой («Сделам!»), рассказать о греческих патриотах («Несгибаемые»).

Хорошо вместе с друзьями почитать вслух стихи об Африке («Моя деревня») или веселый рассказ Драгунского «Чики-брык».

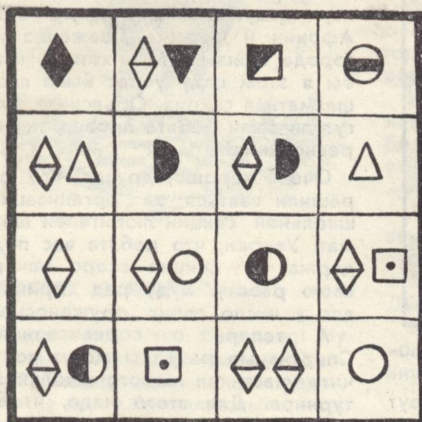
А как интересно будет пойти в лес, прочитав сначала советы биолога Белякова «Осень в лесу»!

Познакомьтесь с опытом ребят из Рязани. Если у вас во дворе или в школе нет спортплощадки,— ее нетрудно сделать.

Редакция

В ЧАСЫ ДОСУГА

КВАДРАТ-ГОЛОВОЛОМКА

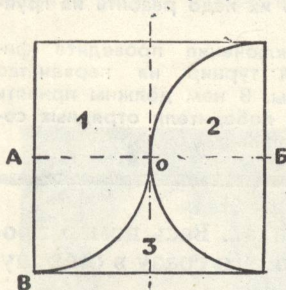

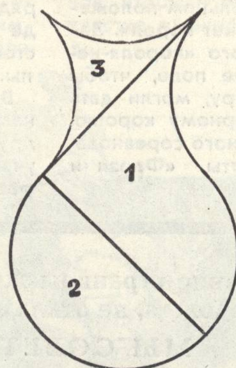
Каждый значок в этой головоломке обозначает какую-либо цифру, один значок — однозначное число, два значка — двузначное число. Все числа разные — от 1 до 16.

Задача состоит в том, чтобы значки всюду заменить теми цифрами, которые они обозначают. И тогда получится волшебный квадрат в уже решенном виде: суммы четырех чисел во всех горизонтальных и вертикальных рядах будут одинаковы и равны числу, которое вы все-таки постарайтесь сами найти.

ОТВЕТЫ на задачи, ПОМЕЩЕННЫЕ в № 5

Волшебное превращение

Содержание

Адрес редакции: Москва, А-47, 1-я улица Ямского поля, дом 28. Телефон Д 3-30-73.

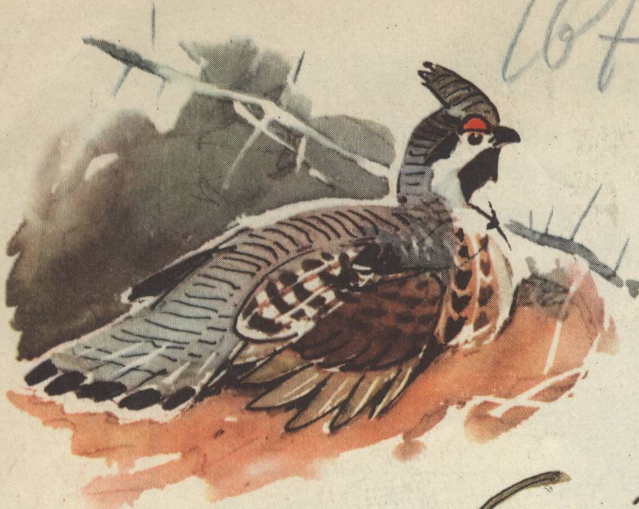
Рукописи не возвращаются. Технический редактор **В. Пархоменко.**

А 00160. Подписано к печати 6/VIII 1963 г. Тираж 583 500 экз. Изд. № 1465. Заказ № 1632.
Форм. бум. 84 × 108 1/16. Бум. листов 2,62. Печ. листов 8,61.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.

ПИОНЕРЫ
И ШКОЛЬНИКИ!
СОБИРАЙТЕ ЛОМ
ЧЕРНЫХ И ЦВЕТНЫХ
МЕТАЛЛОВ
ПОМНИТЕ:
ИЗ ТОННЫ
МЕТАЛЛИЧЕСКОГО
ЛОМА МОЖНО
ИЗГОТОВИТЬ
10 МОТОЦИКЛОВ,
или
90 ШВЕЙНЫХ МАШИН,
или
50 ВЕЛОСИПЕДОВ
Росглаввтормет

Цена 25 коп.
Индекс 70694

Здесь ты видишь рисунки художника В. Федотова к статье Н. Белякова «Осень в лесу». Прочти ее в журнале.

